

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2019 – № 1

Ярославль
2019

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – № 1 (2). – 123 с. – ISSN 2658-428X

Редакционная коллегия

Главный редактор: **М. В. Новиков**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ведущий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** **О. А. Коряковцева**, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Л. Г. Батракова**, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Тарханова**, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** **С. А. Бабуркин**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Н. А. Баранов**, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; **Д. С. Вахрушев**, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **А. В. Волкова**, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; **Ю. А. Головин**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **В. А. Гордеев**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Ярославского государственного технического университета; **Л. Н. Данилова**, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **С. Е. Дубова**, доктор экономических наук, профессор департамента финансовых рынков и банков Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва; **Ж. А. Захарова**, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; **А. Е. Кальсин**, доктор педагогических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **П. Л. Карабушенко**, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; **Збигнев Крушевский**, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковицы, г. Пюлюц, Польша; **Д. М. Мадиярова**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан; **С. А. Панкратов**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; **В. И. Пефтиев**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. П. Опальский**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва; **Н. Х. Розов**, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета педагогического образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва; **Д. Г. Сельнер**, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; **Л. Г. Титова**, доктор политических наук, профессор кафедры дополнительного и технологического образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ирэна Упениене**, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиныша, г. Рига, Латвия; **В. А. Фокин**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; **А. П. Чернявская**, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Я. Ю. Шашкова**, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; **Г. А. Шмарловская**, доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019
© Авторы статей, 2019

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky
Социально-политические исследования = Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl : RIO YSPU,
2018. – № 1. – 123 p. – ISSN 2658-428X

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical Sciences, Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, head of the Department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political Sciences, associate Professor, Director of the Institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy Chief Editor); **L. G. Batrakova**, doctor of economic Sciences, Professor, head of the Department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy Chief Editor); **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical Sciences, associate Professor, head of the Department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy Chief Editor); **S. A. Baburkin**, doctor of political Sciences, Professor, head of the Department of sociology and political Sciences of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **N. A. Baranov**, doctor of political Sciences, Professor of the Department of international relations of the Russian presidential Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **D. S. Vakhrushev**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of Finance and credit of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **A. V. Volkova**, doctor of political Sciences, associate Professor, Deputy Dean of the faculty of political Sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political Sciences, Professor, head of the Department of social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **V. A. Gordeev**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of Economics and management of Yaroslavl state technical university; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **S. E. Dubova**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of financial markets and banks of the Financial university under the government of the Russian Federation, Moscow; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of the Department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **A. E. Kalsin**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of political Science and international relations of Astrakhan state University, Astrakhan; **Zbigniew Krushevsky**, doctor of pedagogical Sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **D. M. Madiyarova**, doctor of economical Sciences, Professor of Department of Economical and entrepreneurship of the Eurasian national university named after L. N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan; **S. A. Pankratov**, doctor of political Sciences, Professor, head of the Department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **V. I. Peftiev**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. P. Opalsky**, doctor of economical Sciences, Professor, chief researcher of the all-Russian research institute of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow; **N. K. Rozov**, doctor of physical and mathematical Sciences, Professor, corresponding member of RAO, Dean of the faculty of pedagogical education of the Moscow state university named after M. V. Lomonosov, Moscow; **D. G. Seltser**, doctor of political Sciences, Professor, Director of the Center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political Sciences, Professor of the Department of additional and technological education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical Sciences, Professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **Fokin, V. A.**, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of the Department of social and pedagogical Sciences, sociology and political Sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political Sciences, associate Professor, head of the Department of political Sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus.

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Certificate of registration of the mass media: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2019
© Authors of articles, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Политология _____	5
Бугайчук Т. В., Коряковцева О. А. Становление гражданской идентичности в условиях социально-политической реальности _____	5
Титова Л. Г., Титова О. Н. Политическая элита в эпоху трансформаций _____	16
Епархина О. В. Политическая коррупция в трактовке Дж. Скотта _____	25
Волкова А. В. Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии _____	41
Экономика _____	51
Батракова Л. Г. Развитие цифровой экономики в регионах России _____	51
Рощина Н. В., Рощина Г. О. Влияние структуры региональной экономики на степень ее социальной ориентации _____	65
Опальский А. П., Шишов Ю. В. Издержки производства металлопродукции в региональном формате ВТО _____	71
Пeftiev В. И. Трансформации в России: гипотезы и векторы исследований _____	81
Педагогика _____	91
Захарова Ж. А. Подготовленность воспитанников социально- реабилитационного центра к самостоятельной жизни _____	91
Березин Д. Т., Таланов С. Л. Общее и профессиональное образование в пенитенциарных учреждениях как условие ресоциализации осужденных _____	98
Тарханова И. Ю. Формирование универсальных компетенций студентов вуза средствами учебной и производственной практики _____	110
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____	119
Условия публикации статьи в научном журнале «Социально-политические исследования» и требования к оформлению рукописей _____	121

THE CONTENT

Political science _____	5
Bugaichuk T. V., Koryakovtseva O. A. Formation of civil identity in the conditions of social and political reality _____	5
Titova L. G., Titova O. N. Political elite in the era of transformation _____	16
Eparkhina O. V. Political corruption in the interpretation of J. Scott's _____	25
Volkova A. V. Potential of «civil science» in social and political development _____	41
Economics _____	51
Batrakova L. G. Development of digital economy in Russian regions _____	51
Roshchina N. V., Roshchina G. O. The influence of the structure of the regional economy on the degree of its social orientation _____	65
Opalskiy A. P., Shishov Y. V. Production costs of steel products in the WTO regional format _____	71
Peftiev V. I. Transformation in Russia: hypotheses and directions of research _____	81
Pedagogy _____	91
Zakharova Z. A. Readiness of pupils of the social rehabilitation center for independent life _____	91
Berezin D. T., Talanov S. L. General and professional education in penitentiary institutions as a condition of re-socialization of convicts _____	98
Tarkhanova I. Y. Formation of universal competences of university students by means of educational and industrial practice _____	110
INFORMATION ABOUT AUTHORS _____	120
Conditions of publication of the article in the scientific journal «Socio-political research» and requirements for manuscripts _____	123

ПОЛИТОЛОГИЯ

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10334

УДК 37.017.4

Т. В. Бугайчук <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

О. А. Коряковцева <https://orcid.org/0000-0003-0376-827X>

**Становление гражданской идентичности
в условиях социально-политической реальности**

Аннотация. Статья посвящена проблеме кризиса личностных и социальных идентичностей как значимых компонентов «экзистенциального кризиса» в условиях социальной реальности. Опираясь на идеи экзистенциальной феноменологии, авторы выявляют причины утраты традиционного для России идентификационного единства. В статье обозначена проблема формирования гражданской идентичности молодого поколения. Молодежь представлена как инновационный потенциал России, роль которого значительно возрастает в период общественной и экономической нестабильности. На основе результатов эмпирического исследования раскрывается специфика гражданской идентичности молодого гражданина (на примере активистов молодежной общественной палаты). В рамках осуществленного авторами психосемантического исследования «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи» ставится вопрос об актуальности разработки и выбора технологий и моделей формирования новой идентичности российской молодежи и воспитания Гражданина.

Ключевые слова: кризис идентичности, гражданская идентичность молодежи, феноменологический подход, психосемантическое исследование.

POLITICAL SCIENCE

T. V. Bugaichuk, O. A. Koryakovtseva

Formation of civil identity in the conditions of social and political reality

Abstract. The article is devoted to the problem of the crisis of personal and social identities as significant components of the «existential crisis» in the conditions of social reality. Based on the ideas of existential phenomenology, the authors identify the reasons for the loss of traditional russian identity unity. The article deals with the problem of the formation of the civil identity of the younger generation. Young people are presented as innovative potential of Russia, the role of which increases significantly in the period of social and economic instability. On the basis of the results of empirical research, the specificity of the civil identity of a young citizen is revealed, on the example of activists of the youth public chamber. As a result, the authors developed a psychosemantic study «the study of civil identity of students» raises the question of the relevance

© Бугайчук Т. В., Коряковцева О. А., 2019

of the development and selection of technologies and models of formation of a new identity of russian youth and education of the Citizen.

Keywords: crisis of identity, civil identity of youth, phenomenological approach, psychosemantic research.

Глобализация сопровождается игнорированием многих традиционных духовных и общественных ценностей, что оказывает значительное воздействие на идентичность современного человека. Категория идентичности оформилась в качестве важнейшей в рамках осмысления современных социокультурных процессов. Однако, несмотря на обилие теоретических и эмпирических исследований, она до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных категорий. Американский социальный философ А. Этциони справедливо утверждает, что если XX в. – это борьба идеологий, то социальные процессы XXI в. будут определяться вызовами идентичности [6, 22].

Для России, как и для всего мирового сообщества, характерен кризис как индивидуальных, так и коллективных идентичностей, наблюдаются проявления полиидентичности и «размытой идентичности». Кризис и распад советской идеологии и культуры вновь обнажил и предельно обострил проблему цивилизационной идентичности России, актуализировав разнообразные потенции ее трансформации, каждая из которых имеет свой вектор возможных социокультурных изменений. Так, по мнению А. С. Панарина, главный кризис современной России – не социальный и не экономический, а кризис идентичности. Именно этот кризис препятствует «вызреванию» в обществе и в недрах политической элиты общенациональной Идеи и образованию субъектов национальных интересов [18].

Проблема идентичности россиян наиболее часто поднимается в научных

публикациях в связи с тем, что при анализе происходящих в современной России процессов констатируется кризис идентичности как важнейшее следствие распада прежней государственности и источник психологического дискомфорта значительной части населения, а это явилось точкой бифуркации для становления гражданской идентичности россиян. Таким образом, важнейшее следствие распада СССР – идентификационный кризис, переживаемый существенной частью населения России.

В России проблему «экзистенциального кризиса» и вызовы идентичности мы рассматриваем сквозь призму социальной реальности. Поскольку современное общество определяется неустойчивостью традиционно сложившейся системы ценностей, стереотипов мышления и поведения, утратой мировоззренческих ориентиров, то идеалом становится самостоятельная, активная и конкурентоспособная личность, которая вынуждена самоопределяться в условиях «кризиса идентификации». Несомненно, особенно сложным процесс самоопределения и социализации представляется для молодой, становящейся личности. Таким образом, очевидно, что перед исследователями возникает вопрос об изучении, выборе и выработке технологий и моделей формирования новой идентичности, и в первую очередь – новой идентичности молодежи, что имеет стратегическое значение для будущего любой страны.

Итак, проблемы социальных идентификаций в последнее время резко актуализировались. Исследования в этой области убеждают нас в том, что социальные идентичности (кто такие Мы?),

в том числе и гражданская идентичность, существенно зависят от социального статуса, а точнее – социального ресурса индивидов, потенциала их возможностей самостоятельно осмысливать и обустривать свою жизнь.

Г. М. Андреева выделила основные процессы, свойственные массовому сознанию в ситуации нестабильности и требующие социально-психологического анализа: а) глобальная ломка устоявшихся социальных стереотипов; б) изменение системы ценностей; в) кризис идентичности [1].

В отечественной этнической психологии последнего десятилетия научный поиск ведется во всех трех указанных направлениях, но особенно интенсивно – в сфере изучения кризиса идентичности или, в более широком смысле, в сфере исследований меняющейся системы идентификаций. Проблемой кризиса идентичности занималась Н. М. Лебедева [16]. По ее мнению, чтобы произошли серьезные изменения в идентичности, необходимо радикальное изменение социальных категорий в обществе, служащих основой многообразных процессов идентификации личности. Отметим, что сегодня изменились не только социальные категории, к которым человек может себя причислить, но и суть процессов самоидентификации, их направленность и цели. Происходит изменение базовых ценностей и потребностей.

С. Г. Климова, изучая кризис идентичности, пришла к выводу, что в меняющемся обществе люди освобождаются от прежней идентичности, они вынуждены заниматься самоидентификацией: сопоставлять, выбирать, создавать новые общности, ориентируясь на совпадение личных ценностей с предлагаемыми тем или иным сообществом [9].

В работах ряда исследователей, опирающихся на зарубежный и отече-

ственный опыт, отмечается, что отказ человека от постоянной идентификации – тоже своего рода осознанный выбор. Современный человек, в отличие от человека традиционного общества, привязанного к определенной культуре и традиции, не останавливается на месте и избегает любой фиксации. Идентичность современного человека можно определить как «здесь-и-сейчас-идентичность» [8, 20].

В связи со спецификой социальной реальности россиян и динамичностью личности требуются системные научные изыскания в сфере ценностных ориентаций, жизненных приоритетов, профессиональных предпочтений современной молодежи, проблем ее социализации. Говоря о реальной модернизации социальных институтов, следует помнить, что построение гражданского общества невозможно без воспитания Гражданина. Общественная трансформация невозможна без активного гражданского участия каждого человека, особенно молодого. Очевидно, что социально-экономические реформы в России должны сопровождаться деятельностью по развитию и формированию гражданской идентичности подрастающего поколения.

Становление гражданской идентичности молодежи всегда было значимой проблемой в переходные исторические периоды любой страны. Наше государство сегодня переживает социально-экономические преобразования, и, к сожалению, отрицательные факторы реформирования оказали определенное негативно-индивидуалистическое влияние на сознание и поведение молодежи. Современное поликультурное российское общество повышает требования к коммуникационному взаимодействию и толерантности всех членов, ответственности и свободе личностного выбора. Формирование гражданской идентично-

сти населения призвано, с одной стороны, обеспечить интеграцию, единство и целостность самосознания личности как гражданина поликультурного общества на основе присвоения системы общечеловеческих нравственных ценностей, с другой – свободу самовыражения с учетом многообразия социальных установок, норм и ценностей.

Отметим, что важным контекстом, обусловившим выход гражданской идентичности на первый план, является гражданское самосознание молодежи. У россиян оно, как отмечают современные исследователи, «остаётся противоречивым», проявляется «слабость, недостаточность интенсивности общегражданской идентичности, во многом все еще носящей формальный характер» [15].

Каковы же особенности гражданской идентичности молодого ярославца? С целью ответа на этот вопрос в Ярославской области было проведено эмпирическое исследование гражданской идентичности участников проекта «Молодежная общественная палата Ярославской области». Первичные данные собирались с применением психосемантического метода исследования гражданской идентичности.

Апробация разработанной методики проводилась на материале выборки студентов педагогического вуза, для которых было выделено 24 возможные характеристики гражданской идентичности на основе анализа литературы:

- готовность участвовать в общественно-политической жизни страны;
- желание участвовать в общественно-политической жизни страны;
- знание законов;
- знание о народах и этнических группах России;
- знание основных исторических событий, влияющих на развитие государства и общества;
- любовь к природе родного края;

- межэтническая толерантность;
- наличие собственного отношения к общественно-политическим событиям;
- нетерпимость к антиобщественным действиям и готовность противостоять им;
- ответственность за собственные действия;
- патриотизм;
- признание права каждого человека на свободный и ответственный выбор;
- признание целостности России;
- принятие и уважение законов общества;
- принятие ответственности за судьбу своей страны;
- принятие ценности другой личности;
- уважение к истории своей страны;
- уважение к культуре народов России;
- уважение ценности семьи;
- умение вести равноправный диалог на основе взаимного уважения;
- умение использовать законы на практике;
- чувство принадлежности к мировому сообществу;
- чувство принадлежности к многонациональному российскому обществу;
- чувство принадлежности к своему этносу.

Характеристики выделялись с учетом их типичности для сопоставляемых культур и естественности для исследуемой социальной группы.

Испытуемые оценивали вероятность каждого поступка по 6-балльной шкале – от 0 до 5, где 0 – отсутствие ориентации на данное качество, а 5 – максимальная выраженность ориентации на данное качество.

Оценка производилась с восьми ролевых позиций: Студент; Идеал гражда-

нина, с моей точки зрения; Типичный гражданин; Студент как гражданин сейчас; Студент как гражданин через 10 лет; Преподаватель; Я как гражданин сейчас; Я как гражданин через 10 лет.

Формой обработки данных и одновременно формой их представления явилось построение субъективных семантических пространств с использованием факторного анализа.

На основе результатов психосемантического исследования гражданской идентичности студенческой молодежи можно утверждать следующее: в представлении молодых активистов, типичный современный человек, гражданин Российской Федерации, далек от идеального Гражданина, причем все участники выборки показали высокую значимость отличий их представлений об идеальном гражданине в сравнении с типичным гражданином.

В то же время анализ рейтинга отличий «Я» и «Типичного гражданина» показал, что молодежный актив области полагает свои показатели гражданской ответственности более высокими, чем у типичных граждан, тем самым приближая себя к идеальному Гражданину России. По мнению членов Молодежной общественной палаты, их собственная гражданская активность выше, чем у большинства граждан РФ (вероятно, это связано с их общественной деятельностью в муниципальных образованиях и активным участием в различных социальных проектах).

Современная молодежь, по мнению участников исследования, в целом приближена к типичным гражданам современной России. В их представлении, современному молодому человеку далеко до идеального Гражданина, хотя сами себя они позиционируют как приближенных к идеалу Гражданина.

Таким образом, суммируя результаты исследований гражданской идентич-

ности, хотелось бы отметить: молодые активисты Ярославской области высоко оценивают себя как идеального Гражданина России, что является одним из показателей сформированности гражданской идентичности. Но вместе с тем, при ответе на вопросы, связанные с оценкой других людей, они проявляют индивидуалистическую, ориентированную только на себя позицию, критикуют других граждан, принижают их гражданское достоинство, что, безусловно, противоречит понятию гражданской идентичности в целом. Именно поэтому можно говорить о формировании «кастового» снобизма в среде молодежного актива.

Результаты, характеризующие перспективу развития личности по параметру гражданской идентичности, показывают, что молодые активисты не видят значимых изменений в своей гражданской позиции через 10 лет, а по такому критерию, как «готовность участвовать в общественно-политической жизни страны», даже отмечают тенденцию к ее уменьшению. Данные результаты еще раз подтверждают завышенную самооценку представлений молодежных активистов о себе как о гражданах России. Хотелось бы отметить, что члены Молодежной общественной палаты попали в психологическую ловушку, где завышенная самооценка и лидерские позиции в среде сверстников не определяют перспектив для дальнейшего развития личности, а в каких-то моментах даже тормозят этот процесс и нарушают адекватное взаимодействие с другими гражданами. Обозначенная тенденция к снижению готовности участвовать в общественно-политической жизни России через 10 лет позволяет сделать вывод и о стремлении молодых людей посредством демонстрации активной деятельности достичь необходимого

карьерного роста, положения в обществе «здесь и сейчас», а к 30-40 годам «почивать на лаврах», хотя это самый продуктивный социальный возраст, когда окончательно сформирована гражданская позиция личности.

Молодежная общественная палата – один из важнейших институтов общества, который обязан направлять свои усилия на успешную социализацию молодого поколения, на формирование гражданской идентичности молодых, развитие их патриотизма, любви к малой Родине. Но результаты исследования убеждают, что свою деятельность по воспитанию подрастающего поколения активисты молодежного движения считают бессмысленной, но с удовольствием ее осуществляют. Можно ли разрешить данный парадокс? Современная молодежь, даже социально активная, далека от идеала Гражданина, думающего о благе Отечества, что подчеркивает крайнюю значимость рассматриваемой проблемы и прямо ставит вопрос о необходимости выбора и разработки эффективных технологий и моделей формирования новой идентичности молодых граждан России.

Адекватным инструментарием для выявления, понимания и концептуализации наиболее важных аспектов бытия современного человека, в том числе и молодежи, на наш взгляд, становится сегодня экзистенциальная феноменология, которая выделилась в первой половине XX в. в Германии из феноменологического движения. Одним из наиболее перспективных направлений анализа формирования самосознания молодежи в российской провинции является использование ряда положений экзистенциальной феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца [5, 21]. В основе данной философской концепции лежит представление о субъективно осознанной соци-

альной коммуникации и взаимодействии людей как базисе идентичности.

Формирование социальной идентичности молодежи, и прежде всего гражданской идентичности, – сложный, многоаспектный и противоречивый процесс, анализ которого требует учета множества факторов. Выдающийся представитель русского религиозного экзистенциализма Н. А. Бердяев называл личность *духовной сущностью* и считал, что «активность человеческого духа» должна определять «активность его действий» [2, 3]. Именно на этих постулатах мы предлагаем выстраивать концепцию формирования идентичности. Активное деятельностное отношение человека к миру, то есть общественно-историческая практика, требует, в первую очередь, формирования у молодежи активности духа, иначе субъективный фактор в истории не сработает. В рамках феноменологического подхода мы считаем, что общество развивается усилиями субъектов, но в процессе социальной деятельности меняется и сам Человек. Гражданская деятельность – часть общественной (социальной) практики, особенно важной для динамичного и последовательного развития общества. Следовательно, сегодня требуется расширение пространства такой социальной практики, в ходе которой представитель молодежи осознавал бы себя Гражданином. Без этого осознания невозможно становление Гражданина.

На наш взгляд, наиболее эффективными формами гражданской активизации молодежи являются поддержка конструктивных молодежных инициатив, молодежный парламентаризм и самоуправление, то есть реализация молодежью конкретных общественных проектов локального характера, которые становятся основой для социально-политической субъективизации личности

и служат развитию региона. При этом необходимо понимать, что решение проблемы гражданской активизации молодежи не только осуществляется ресурсами молодежного самоуправления, но и требует поддержки как в плане развития гражданского образования, так и в плане грамотного сопровождения специалистами в сфере молодежной политики [17].

Мы понимаем, что опыт прошлого как образец для подражания не совсем годится, хотя, по мнению студентов, акцент с количества (степень материального достатка) сегодня переносится на качество и новизну благ и услуг, на возможности проявить самостоятельность и способности в профессии и общественной жизни. Очевидно, нужны новые способы ориентации молодых в действительности. Массовый стандарт, в отличие от ценностей традиционной групповой культуры, не закрепляет личную идентичность, не дает готового ответа на вопросы: «Кто Я?» и «С кем Я?», «К чему Я должен стремиться и почему?». Молодым приходится «себя искать», и в этом им призваны помочь общество и государство.

Как известно, на протяжении всего пока еще недолгого периода существования Российской Федерации политическое руководство страны предпринимало последовательные шаги по усилению общегражданского сознания. Например, на уровне средней школы воспитание патриотизма и формирование гражданской идентичности школьников представляет одно из приоритетных направлений государственной образовательной политики. Можно отметить следующие документы, где на этом сделан акцент: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Государственная программа «Патриотиче-

ское воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013-2020 годы», Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования, Федеральные государственные образовательные стандарты. Но на данный момент эффект от практической реализации положений указанных документов отдален во времени, и судить о нем сложно.

Зато огромное значение для становления гражданственности и развития патриотизма молодежи имеет наличие общих предметов национальной гордости. Например, в первую очередь, в качестве предмета общей гордости россияне разных национальностей и социальных кругов называют совместное участие их родных в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и общий вклад в дело освобождения человечества от фашизма. Многие россияне склонны судить о современности и оценивать тенденции развития страны с позиций советского жизненного опыта, при этом для большинства их них именно советский период определяет всемирно-историческую значимость достижений страны. Однако у российской общности есть и вполне ощутимая экономическая основа – это отношение к природным богатствам страны как к общему достоянию. Подавляющее большинство населения считает, что эти богатства должны принадлежать «всему народу» или государству, а не частным лицам.

Также очевидно, что для современной России становление гражданской идентичности происходит в поликультурной и мультиэтнической среде, с интенсификацией потоков

миграции, тотальным этническим самоопределением.

Молодому человеку приходится делать собственный выбор из возможных вариантов, определять свое отношение к себе, к миру, к профессии. Поле свободного самоопределения широко. На ранних этапах становления личности этот выбор очень труден. По нашему мнению, задача государства – помочь в главном: в становлении и развитии социального самосознания гражданина страны, понимании своей общественной и профессиональной значимости. Иначе в России не может быть сформировано развитое гражданское общество, о котором так много говорят видные политики и средства массовой информации. Кроме того, следует помнить, что в самой молодежной среде в связи с недоверием к интеллектуальной компетентности общественных и политических институтов и их информации идет поиск новых форм социальной активности и общения, который выражается в повсеместном распространении неформальных движений, несомненно, влияющих на идентификацию молодых граждан.

Итак, в работах большинства исследователей кризис идентичности рассматривается в рамках общей трансформации современного общества. Сегодня идентичность не устанавливается ни традицией, ни местом проживания или рождения, а формируется, выбирается человеком в процессе собственной жизни.

В условиях глобализации идентификационное пространство становится значительно шире, выходя за пределы отдельного государства. Процессы трансформации идентичности характеризуются пересмотром основ социаль-

ной идентичности (особенно в гражданском и профессиональном аспектах); появлением новых объектов идентификации; новых форм идентичности и ее формирования. Кризис идентичности связан с потерей или, лучше сказать, с утратой некоторых важнейших элементов этой сложной системы ценностей, чувств, правил, традиций и т. д. Следовательно, формирование идентичности молодежи необходимо рассматривать в плоскости восстановления, возвращения ее лучших черт. Но при этом мы должны отдавать себе отчет в том, что во многом новая форма идентичности не будет совпадать с прежней.

Как показывает анализ результатов исследования, современная молодежь, даже социально активная, к сожалению, далека от представлений об истинном гражданском долге. И это характерно не только для России. Доказательством глобальной значимости проблемы служат тысячи молодых добровольцев со всего мира, воюющих в рядах террористов ИГИЛ (организация запрещена в Российской Федерации.). Время ставит вопрос о настоятельной необходимости выбора, обновления и разработки технологий и моделей формирования идентичности молодых граждан в постиндустриальном обществе. А главное – о создании адекватной государственно-общественной системы социализации молодежи с опорой на научные изыскания.

Соединение позитивного потенциала и факторов социальной нестабильности в среде молодежи делает развитие гражданской идентичности исключительно актуальным. Гражданская активность становится сегодня основным механизмом социализации молодого поколения для успешного динамичного развития мирового сообщества в усло-

виях вызовов современности. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рассмотренные в статье факторы, несомненно, свидетельствуют об острой

необходимости выработки оптимальной модели идентичности человека, особенно детей и молодежи, в современной России.

Библиографический список

1. Андреева, Г. М. Социальная психология. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 429 с.
2. Бердяев, Н. А. Мое философское мирозерцание // Н. А. Бердяев о русской философии. – Свердловск, 1991. – Ч. 1. – 403 с.
3. Бердяев, Н. А. Творчество и свобода. Индивидуализм и универсализм. Т. 1 / Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусств: в 2 т. – М. : Искусство, 1994. – С. 353.
4. Бугайчук, Т. В., Доссэ, Т. Г. Идентичность как объект исследования социальных наук // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 2. – № 3. – С. 212-217.
5. Гуссерль, Э. Избранные работы. – М. : Территория будущего, 2005. – 465 с.
6. Иванишкина, Ю. В. «Коммунитаризм Амитаия Этциони: некоторые аспекты теории «всеобщего блага» // Вестник МГТУ им. М. А. Шолохова. Серия: История и политология [ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы]. – 2014. – № 2. – С. 68-75.
7. Иванова, Н. Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 1. – С. 52-60.
8. Иванова, С. Ю., Аракелян, Э. А. Становление гражданской идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. – Ростов н/Д, 2007. – С. 76-95.
9. Климова, С. Г. Социальная идентификация в условиях общественных перемен // Человек. – 1995. – № 3. – С. 26-35.
10. Кон, И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М. : Прогресс, 1990. – 367 с.
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства России от 17 ноября 2008 года № 1662-р) [Электронный ресурс]. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/4717/файл/3617/2.%20концепция%201662-р.doc>.
12. Коряковцева, О. А., Бугайчук, Т. В. Воспитание современной молодежи: формирование гражданской идентичности // Современные концепции профессионального образования студенческой молодежи : коллективная монография. – Ульяновск, 2015. – С. 244-256.
13. Коряковцева, О. А., Доссэ, Т. Г. Феноменологический подход к формированию гражданской идентичности российской молодежи // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 29-35.
14. Коряковцева, О. А., Бугайчук, Т. В. Молодежь России: кризис гражданской идентичности // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2018. – № 1. – С. 140-150.
15. Коряковцева, О. А., Бугайчук, Т. В. Развитие гражданского самосознания молодежи: от «активности духа» к «активности действий» // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 27-32.
16. Лебедева, Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве

стве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 3. – С. 48-58.

17. Молодежь России: феноменология гражданственности : коллективная монография / под науч. ред. О. А. Коряковцевой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2014. – 162 с.

18. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М. : Алгоритм, 2003. – 558 с.

19. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы. Государственная программа (утв. Распоряжением Правительства РФ № 1493 от 30 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAЕrrx2dE4q0ws.pdf>.

20. Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. – 2010. – № 3. – С. 40-59.

21. Щюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

22. Этциони, А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. – М. : Ладомир, 2004. – 384 с.

23. Etkind, A. M. Psychological Culture // Russian Culture at the Crossroad / Ed. D. Shalin. – Boulder : Westview Press, 1996. – 127 p.

24. Koryakovtseva, O. A., Ermakova, L. I., Bugaychuk, T. V., Upeniece, I. Formation of young people's civil identity: technological approach // 3d the International Scientific-Practical Conference on the Humanities and the Natural Science 23-29 December 2015. – L., 2016. – P. 129-139.

References

1. Andreeva, G. M. Social'naya psihologiya. – М. : Izd-vo MGU, 1988. – 429 s.

2. Berdyaev, N. A. Moe filosofskoe mirosozercanie // N. A. Berdyaev o russkoj filosofii. – Sverdlovsk, 1991. – Ch. 1. – 403 s.

3. Berdyaev, N. A. Tvorchestvo i svoboda. Individualizm i universalizm. T. 1 / Berdyaev N. A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstv: v 2 t. – М. : Iskusstvo, 1994. – 353 s.

4. Bugajchuk, T. V., Dosseh, T. G. Identichnost' kak ob»ekt issledovaniya social'nyh nauk // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – Т. 2. – № 3. – S. 212-217.

5. Gusserl', Eh. Izbrannye raboty. – М. : Territoriya budushchego, 2005. – 465 s.

6. Ivanishkina, Yu. V. «Kommunitarizm Amitaya Ehtcioni: nekotorye aspekty teorii «vseobshchego blaga» // Vestnik MGGU im. M. A. Sholohova. Seriya: Istoriya i politologiya [LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly]. – 2014. – № 2. – S. 68-75.

7. Ivanova, N. L. Struktura social'noj identichnosti lichnosti: problema analiza // Psihologicheskij zhurnal. – 2004. – Т. 25. – № 1. – S. 52-60.

8. Ivanova, S. Yu., Arakelyan, Eh. A. Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti v poliehtnicheskom sociume // Vektor identichnosti na postsovetskom prostranstve. – Rostov-na-Donu, 2007. – S. 76-95.

9. Klimova, S. G. Social'naya identifikaciya v usloviyah obshchestvennyh pere-men // Chelovek. – 1995. – № 3. – S. 26-35.

10. Kon, I. S. V poiskah sebya: Lichnost' i eyo samosoznanie. – М. : Progress, 1990. – 367 s.

11. Konceptsiya dolgosrochnogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossii ot 17 noyabrya 2008 goda № 1662-r) [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/4717/fajl/3617/2.%20konceptsiya%201662-r.doc>.
12. Koryakovceva, O. A., Bugajchuk, T. V. Vospitanie sovremennoj molodezhi: formirovanie grazhdanskoj identichnosti // *Sovremennye koncepcii professional'nogo obrazovaniya studencheskoj molodezhi: kollektivnaya monografiya.* – Ul'yanovsk, 2015. – S. 244-256.
13. Koryakovceva, O. A., Dosseh, T. G. Fenomenologicheskij podhod k formirovaniyu grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik.* – 2016. – № 6. – S. 29-35.
14. Koryakovceva, O. A., Bugajchuk, T. V. Molodezh' Rossii: krizis grazhdanskoj identichnosti // *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly.* – 2018. – № 1. – S. 140-150.
15. Koryakovceva, O. A., Bugajchuk, T. V. Razvitie grazhdanskogo samosoznaniya molodezhi: ot «aktivnosti duha» k «aktivnosti dejstvij» // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik.* – 2016. – № 5. – S. 27-32.
16. Lebedeva, N. M. Social'naya identichnost' na postsovetском prostranstve: ot poiskov samouvazheniya k poiskam smysla // *Psihologicheskij zhurnal.* – 1999. – T. 20. – № 3. – S. 48-58.
17. Molodezh' Rossii: fenomenologiya grazhdanstvennosti. Kollektivnaya monografiya / Pod nauch. red. O. A. Koryakovcevoj. – Yaroslavl': RIO YAGPU, 2014. – 162 s.
18. Panarin, A. S. Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke. – M.: Algoritm, 2003. – 558 s.
19. Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016-2020 gody. Gosudarstvennaya programma (utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva RF № 1493 ot 30 dekabrya 2015 g.) [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://government.ru/media/files/8qqYuwwzhuxzVkJH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>.
20. Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. Identichnost' v sisteme koordinat mirovogo razvitiya // *Polis.* – 2010. – № 3. – С. 40-59.
21. Shchyuc, A. Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom. – M.: ROSSPEN, 2004. – 1056 s.
22. Ehtcioni, A. Ot imperii k soobshchestvu. Novyj podhod k mezhdunarodnym otnosheniyam. – M.: Ladomir, 2004. – 384 s.
23. Etkind, A. M. Psychological Culture // *Russian Culture at the Crossroad / Ed. D. Shalin.* – Boulder: Westview Press, 1996. – 127 p.
24. Koryakovtseva, O. A., Ermakova, L. I., Bugaychuk, T. V., Upeniece, I. Formation of young people's civil identity: technological approach // *3d the International Scientific-Practical Conference on the Humanities and the Natural Science 23-29 December 2015.* – L., 2016. – P. 129-139.

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10335

УДК 328.18

Л. Г. Титова <https://orcid.org/0000-0003-4168-7753>

О. Н. Титова <https://orcid.org/0000-0001-8493-9362>

Политическая элита в эпоху трансформаций

Аннотация. В статье рассматривается связь перспективного развития с формированием элиты «нового типа», совмещающей властные и управленческие функции, ориентированной на общественные интересы. Для их реализации она опирается на профессиональный государственный аппарат и консолидацию с гражданским обществом. Политическая элита определяется как совокупность политических субъектов, сосредоточивающих в своих руках ресурсы для выполнения властно-управленческих функций в интересах всего общества. Охарактеризована российская политическая элита как «агенты социальных процессов» трансформирующегося общества, рассмотрены этапы ее становления в период с 90-х гг. по настоящее время. Подчеркивается, что в массовом сознании россиян остается ориентация на «охраняющую» элиту, преобладают консервативные настроения, что ограничивает возможности рекрутирования в элиту новых сил.

Ключевые слова: политическая элита, трансформация элит, каналы рекрутирования, власть, управление.

L. G. Titova, O. N. Titova

Political elite in the era of transformation

Abstract. The article deals with the relationship of long-term development with the formation of the elite «new type», combining power and management functions, focused on public interests. To implement them, it relies on a professional state apparatus and consolidation with civil society. Political elite is defined as a set of political actors that concentrate resources in their hands to perform power and management functions in the interests of the whole society. The Russian political elite is characterized as «agents of social processes» of the transforming society, the stages of its formation in the period from the 90s to the present time are considered. It is emphasized that in the mass consciousness of the Russians there is a focus on the «guarding» elite, conservative sentiments prevail, which limits the possibility of recruiting new forces into the elite.

Keywords: political elite, transformation of elites, channels of recruitment, power, management.

Необходимость достижения социального равновесия и благоденствия в условиях обострения политической напряженности и экономического кризиса вновь возвращает общество к необ-

ходимости исследования роли и значения российской политической элиты, направления и результата ее формирования и трансформации, требований, предъявляемых к ней в современном

российском обществе, результативности принимаемых решений, меры социально-политической ответственности за свои действия.

Мировая история убеждает, что динамика формирования и функционирования элит определяется условиями существования и развития общества, историко-культурными факторами, внешними и внутренними влияниями. В современном мире существенными факторами становятся взаимодействие элиты и массы, возможность участия масс в политике с целью контроля и корректировки действий властных субъектов.

Следует подчеркнуть, что низкая результативность деятельности российской элиты, незавершенность процесса рекрутирования нового руководящего слоя и в то же время – его первостепенная значимость для преобразования страны при весьма слабой политической активности граждан делают проблему исследования политической элиты особенно актуальной для российского общества. Определить роль и значение российской элиты в эпоху перемен – важная задача, так как именно с ней связаны сложные процессы социальных преобразований.

Три важных фактора влияют на выявление роли и значения «агентов социальных процессов» [4, с. 71]: преобладание властных функций над управленческими, сохранение тоталитарных (в лучшем случае – авторитарных) способов управления как утративших исторический смысл, но сохраняющих значение в массовом сознании и инерционность массы, которая склонна ориентироваться на властвующую элиту как на хранителя и защитника [4, с. 90-91]. Лидер в таком случае выступает знако-

вой фигурой – олицетворением охранительной и защищающей власти.

Культ рациональности, который обозначился в классической науке [2, с. 18], определил отношение к элите как к субъекту власти, способному управлять миром, преобразовывая его. Рациональность современных обществ предполагает принятие решений в открытых системах, обменивающихся информацией с окружающей средой, неравновесных, нелинейного развития, что предполагает технологичный тип управления коллективного субъекта. Спрос на сочетание власти, технологического и коллективного управления уже существует в российском обществе у определенной части населения, прежде всего – представителей бизнес-структур, однако в целом в массовом сознании преобладают классические представления об элите, целиком и полностью берущей на себя властные и управленческие функции.

Наметившиеся в 2000-х гг. идеологические расхождения либерально и консервативно настроенных групп российского общества привели к утрате либералами ведущих позиций и закреплению у власти консервативного направления, заодно утвердив и позиции верхнего руководства. Сложилось противоречие между необходимостью смены власти и управления в соответствии с потребностями новых отношений и сохраняющейся тенденцией к несменяемости власти в верхних эшелонах. Перестановки в Правительстве и Администрации президента остаются лишь сменой фигур, в то время как стиль и общая направленность действий команд, находящихся у власти, сохраняются. Большая активность региональных элит, тем не менее, тоже не свидетельствует об их управленческих способностях, что нередко заставляет их

включать силовой или административный ресурс при возникновении спорных вопросов регионального управления. Имеет значение и территориальное расположение регионов: чем ближе к Москве, тем в большую зависимость попадают местные legislatures от московского влияния, о чем свидетельствует, например, опыт Ярославской области, административный корпус которой формируется «по совету», прямому указанию из Москвы или заполняется московскими кандидатами на должности. Это существенно ограничивает самостоятельность региональных элит при возрастании власти центральной элиты.

Предполагается, что, сосредоточивая в своих руках всю полноту власти, правящая элита будет нести и всю полноту ответственности за судьбы нации. Это требует от элиты не только организационных способностей, но и государственного мышления. По сути, современная элита в России несет тяжелейший исторический груз, который и сбросить нельзя – тогда общество снова понесется по волнам беспредела, как это было в 1990-е гг., и нести в одиночку тягостно – отсюда работа мощного манипулятивного механизма, убеждения в состоятельности и эффективности правящего класса.

Решение задачи формирования элиты, способной, оставаясь властвующей, выполнять функции управления с четко означенными целями, ресурсами и пониманием перспектив в условиях кризисов и санкций, умеющей создать такую программу развития, которая привлекла бы к ней массы, которая, наконец, пользовалась бы реальным доверием масс, остается делом, в нашей реальности почти утопическим, но тем не менее важнейшим для судеб людей и будущего страны. Конкретизацией этой

задачи является формирование региональной элиты, территориально ориентированной и компетентной в пределах своей территории. Не случаен в данном случае интерес современных исследователей элит к механизмам формирования и развития региональных элит, каналам их рекрутирования, пополнения новыми кадрами.

Отметим, что отечественная элитология активно развивалась на рубеже последнего десятилетия XX в. за счет не только теоретических, но и экспериментальных исследований, в частности были разработаны методики изучения как общенациональной элиты, так и политического руководства субъектов Российской Федерации, представленные в работах П. Л. Карабущенко, В. П. Мохова, А. Д. Плотникова, А. С. Панарина, В. Г. Ледяева, А. И. Соловьева, Е. Б. Шестопал, О. А. Коряковцевой, Л. И. Никовской, В. Н. Якимца.

Сформировались группы исследователей региональных элит в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону (О. В. Гаман-Голутвина, О. В. Попова, Н. Ю. Лапина, А. Е. Чирикова, А. В. Понеделков), предметом их анализа являются вопросы эффективности деятельности региональных элит, их базовые карьерные стратегии, карьера в исполнительной и законодательной властях, факторы карьерного роста, социально-демографические характеристики, конфликты в областных центрах [5, с. 193-206].

Примечательно, что исследование современных элит строится на богатом теоретическом материале с использованием всего методологического арсенала современных гуманитарных наук. Тем не менее многие проблемы остаются открытыми для исследования, в частно-

сти, проблемы конфликтов в среде административных элит, паритетных отношений с группами гражданского общества, функционирования каналов рекрутирования элит, формирования молодого кадрового резерва. Разработка этой тематики тем важнее, что в ней кроется потенциал российских трансформаций. Новая философия элиты предполагает определение смысла ее существования в обществах, где власть становится инструментом преобразования, соответственно, элите придется научиться пользоваться этим инструментом не в узкокорпоративных интересах, а на благо всего общества. Именно через действующую элиту власть может избавиться от родового проклятия «самости» – самодостижения, самосохранения, саморазвития. Условием является элита новой культуры, совмещающая профессионализм и морально-нравственные принципы, опирающаяся на рационально организованный государственный аппарат и консолидированная с гражданским обществом [6, с. 156-157].

К исследованию политических элит, таким образом, необходимо подходить комплексно, сочетая философско-теоретические и прикладные аспекты, преодолевая ограниченность только ценностного или только структурно-функционального подходов (элита – только качественный или только управляющий слой). Значительные возможности в изучении формирования и функционирования политических элит сосредоточены в институциональном подходе, который позволяет определить характер и результативность деятельности политической элиты с точки зрения эффективности политических институтов, используемых ею для осуществле-

ния политического влияния и принятия политических решений.

Разработка концепции современной политической элиты в России требует введения в научный оборот таких понятий, как «трансформация элит», «поэтапность развития», «каналы рекрутирования», для обозначения логики процесса перехода субъектов политического управления в новое качество.

Трансформация элит представляет разновидность эволюционного процесса, заключающуюся в смене внутренних состояний элиты внутри одного исторического типа. Поэтапность развития – прохождение элитой определенных точек, перерывов постепенности, когда возникает необходимость определиться по отношению к прошлому, настоящему и будущему при формировании нового качества, которое привносится обучением и переобучением «старых» элит и вливанием новых сил. Пути продвижения новобранцев в систему политической иерархии и являются каналами рекрутирования.

Формирование российских политических элит прошло четыре этапа, критерием определения которых стала тенденция российской элиты к рационализации деятельности: I этап – 1985-1991 гг.; II этап – 1991-1999 гг.; III этап – 2000-2004 гг.; IV этап – с 2005 г. по настоящее время

В приведенной ниже таблице (табл. 1) показаны адекватные данному этапу механизмы формирования и каналы рекрутирования политических элит.

Следует отметить, что в трансформации российской политической элиты не последнюю роль сыграло разочарование населения в результатах ее деятельности. Реакция населения на действия элиты в переходные эпохи отражает стремление получить все «здесь» и

сейчас» [3, с. 77], что чаще всего становится причиной недовольства ее действиями и недоверия к ней. Это не ис-

ключает и беспомощности элиты перед лицом новых требований и вызовов эпохи.

Таблица 1

Механизмы создания политической элиты в России на различных этапах ее исторического развития

Этапы формирования российской политической элиты	Механизмы формирования	Каналы рекрутирования
<p>I этап 1985-1991</p>	<ul style="list-style-type: none"> – стихийный (неупорядоченный) характер рекрутирования в элиту; – влияние на процесс рекрутирования борьбы за власть; – политический плюрализм; – отбор через свободные выборы; – оппозиция партийно-советской номенклатуры; – «номенклатурная приватизация»; – класс управляющих политиков превратился в класс собственников 	<ul style="list-style-type: none"> – основной канал рекрутинга – гильдийский (назначенческий), переход к антрепренерскому (электоральный); – общественно-политические движения; – бывшая партийно-советская номенклатура (представители высшего и среднего звена руководства); – личная преданность руководству; – пополнение элиты «по должности» и по личным связям; – принадлежность к либеральным кругам
<p>II этап 1991-1999</p>	<ul style="list-style-type: none"> – влияние на процессы рекрутирования в политическую элиту теневого групп, появившихся олигархов посредством лоббирования их интересов; – механизмы назначения и выборов в регионах; – неупорядоченное представление частных интересов; – попытки самоорганизации, формирование «команд» с целью объединения усилий для социально-политического управления, баланс разных политических сил, структурирование элит по корпоративному принципу; – дистанцирование местных элит от Центра, формирование региональных элит; – плюралистичность, включающая разнообразные формы организации элитных групп с преобладанием таких форм, как клиентелы и политико-финансовые группы; – политическое просвещение населения (особенно молодежи); – дифференциация регионов по партийным предпочтениям 	<ul style="list-style-type: none"> – основной канал рекрутинга – антрепренерский (электоральный); – сохранение каналов рекрутирования предыдущего периода; – образование «коридора возможностей» для представителей среднего и малого бизнеса, представителей олигархии, этнических групп, молодых реформаторов; – пополнение элиты выходцами из провинции, управленцами и интеллигенцией

Этапы формирования российской политической элиты	Механизмы формирования	Каналы рекрутирования
<p>III этап 2000-2004</p>	<ul style="list-style-type: none"> – механизм выстраивания вертикали власти; – стремление Центра взять под контроль региональные элиты: назначения губернаторов, создание института полномочных представителей, силовиков и «назначенцев»; – бюрократизация элиты, усиление ограничений проникновения «чужих» в элиту; – механизм обновления элиты; – дифференциация регионов по партийным предпочтениям 	<ul style="list-style-type: none"> – основной канал рекрутинга – антрепренерский (сохранение электорального и появление назначенческого каналов); – представители интересов бизнеса и бюрократии; – пополнение элиты представителями неформальных групп влияния; – электоральное пополнение в элиту; – молодежные общественно-политические движения; – региональные Молодежные Правительства и Парламенты
<p>IV этап с 2005 г. по настоящее время</p>	<ul style="list-style-type: none"> – механизм институционализации политической элиты; – укрепление властной вертикали, рост административного ресурса; – формализация электорального процесса; – осуществление персональных перестановок внутри элитного корпуса; – пассивность законодательных собраний, общественной палаты, усиление влияния коррупционных групп; – усиление влияния лобби крупного бизнеса в законодательных собраниях; – сокращение роли в элите представителей гражданского общества, вытеснение бизнесом представителей из других социальных страт (учителей, врачей, военных); – бюрократизация молодежного пополнения элит; – региональные механизмы формирования кадрового резерва политической элиты; – влияние политтехнологов на электорат и имидж представителей политической элиты; – сформированная нормативно-правовая база, нацеленная на формирование кадрового резерва политической элиты 	<ul style="list-style-type: none"> – основной канал рекрутинга – антрепренерско-гильдийный (ослабление электорального и усиление назначенческого); – чиновничий аппарат региональных администраций; – лидеры и члены партии «Единая Россия»; – крупные экономические акторы; – скрытые каналы рекрутирования; – молодежные общественно-политические движения; – региональные Молодежные Правительства и Парламенты

В распоряжении политической элиты находятся различные ресурсы: экономические, военные, информационные, административные, организационные, интеллектуальные, которыми ей предстоит научиться пользоваться в полной мере. Особо выделяется кадровый ресурс, который характеризует субъектов политической власти с точки зрения их ориентированности на общественные задачи, а также – поколенческий ресурс как фактор обновления элит.

Относительная самостоятельность регионов инициировала формирование элиты регионального типа, отличительной особенностью которой является необходимость выполнять административно-хозяйственные функции на местах, следовательно, реализовывать в той или иной степени потребности населения. Критерием формирования и функционирования региональной элиты становятся такие показатели, которые определяются эффективностью выполнения административно-хозяйственных функций, повышением качества жизни населения региона, связью с центральной властью (поддержкой в соответствии со степенью трансляции центральной политики в регионе). Необходимо учитывать двойственный характер зависимости региональной элиты – от центральной власти и от потребности в укреплении и развитии региона. В связи с этим определились два основных канала рекрутирования в региональную элиту – электоральный и назначенческий. Специфика местной элиты – в удаленности от влияния Центра и зависимости от распределения сил в местных legislatures.

Анализ региональных механизмов формирования и каналов рекрутирования политической элиты позволяет

утверждать, что общественно значимыми механизмами для субъекта РФ являются эффективная государственная молодежная политика в регионе; сформированная нормативно-правовая база, нацеленная на формирование кадрового резерва политической элиты; система определения кадровых ресурсов политической элиты и их подготовка; организация практической деятельности молодежи в рамках Стратегии развития региона.

На уровне субъекта РФ основным каналом рекрутирования носит антрепренерско-гильдийный характер, что присуще рекрутингу политической элиты России в целом. Его особенностью является ослабление электорального канала рекрутирования и укрепление назначенческого канала.

В процессе формирования политических элит в России особое место занимает проблема поиска и подготовки, создания кадрового потенциала политической элиты для осуществления эффективного политического управления, который способен решать задачи демократизации страны. Типичным для субъекта Российской Федерации каналом рекрутирования представителей молодого поколения можно считать молодежные общественно-политические институты.

Развитие человеческого ресурса как кадрового потенциала российской политической элиты должно являться неотъемлемой частью государственной политики в целом и молодежной политики, поскольку кадры действительно «решают все». Повышению профессиональной компетентности представителей политической элиты способствует система поиска кадрового потенциала и его развития посредством политического образования и гражданского воспи-

тания. Повышение общей культуры и профессионализма политической элиты определяет необходимость не только ротации кадров, но и внутренней перестройки системы подготовки, обновления ее содержания. Обучение будущей элиты можно считать модернизационным проектом российского общества [1, с. 40]. Значимую роль в формировании кадрового резерва играют молодежные объединения, организации, политические институты.

В заключение следует подчеркнуть, что становление элиты нового типа – вопрос времени, однако чем дальше отодвигается от нас появление новых сил в политике, тем с большей вероятностью в российском обществе будут вызревать чувства неудовлетворенности, пессимизма и разочарования, которые сопровождаются конфликтами между властью и обществом. Гражданское прозрение нации может стать толчком для новой трансформации элиты, следующим этапом ее развития.

Библиографический список

1. Андреев, А. Л. Образование в российском социуме: модернизационный проект // Грани российского образования. – М. : Центр социологических исследований, 2015. – 644 с.
2. Буренко, В. И., Меркулов, В. В., Пеньковский, Д. Д., Раков, Л. Е. Власть и предпринимательство в контексте политической культуры российского общества. – М. : Национальный институт бизнеса, 2003. – 453 с.
3. Делокаров, К. Х. Глобализация как проблема современной цивилизации / Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия : коллективная монография / под ред. А. И. Костина. – М. : Изд-во Московского университета, 2018. – 320 с.
4. Жаворонков, А. В. К проблеме образов политиков в массовом сознании (опыт измерения за 1999-2016 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – № 2(22). – С. 70-93.
5. Попова, О. В. Современная российская региональная политико-административная элита глазами экспертов // Элитология России: современное состояние и перспективы развития : материалы первого всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7-8 октября 2013 г., Ростов-на-Дону ; ред.-изд. гр. : В. В. Рудой (руков.) и др. Том 1. – Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. – 928 с.
6. Самсонова, Т. Н. Консолидация современного российского общества как фактор его устойчивого развития // Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия : коллективная монография / под ред. А. И. Костина. – М. : Изд-во Московского университета, 2018. – 320 с.

References

1. Andreev, A. L. Obrazovanie v rossijskom sociume: modernizacionnyj proekt // Grani rossijskogo obrazovaniya. – M. : Centr sociologicheskikh issledovanij, 2015. – 644 s.
2. Burenko, V. I., Merkulov, V. V., Pen'kovskij, D. D., Rakov, L. E. Vlast' i predprinimatel'stvo v kontekste politicheskoy kul'tury rossijskogo obshchestva. – M. : Nacional'nij institut biznesa, 2003. – 453 s.

3. Delokarov, K. H. Globalizaciya kak problema sovremennoj civilizacii / Strategiya ustojchivogo razvitiya v kontekste politicheskikh processov XXI stoletiya : kollektivnaya monografiya / pod red. A. I. Kostina. – M. : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018. – 320 s.

4. Zhavoronkov, A. V. K probleme obrazov politikov v massovom soznanii (opyt izmereniya za 1999-2016 gg.) // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. – 2018. – № 2(22). – S. 70-93.

5. Popova, O. V. Sovremennaya rossijskaya regional'naya politiko-administrativnaya ehлита glazami ehkspertov // Ehлитологиya Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: materialy pervogo vserossijskogo ehлитологического конгресса s mezhdunarodnym uchastiem, 7-8 oktyabrya 2013 g., Rostov-na-Donu 4 ; Red.-izd.gr.: V. V. Rudoj (rukov.) i dr. Tom 1. – Rostov n/D.: Izd-vo YURIF RANHIGS, 2013. – 928 s.

6. Samsonova, T. N. Konsolidaciya sovremenno rossijskogo obshchestva kak faktor ego ustojchivogo razvitiya / Strategiya ustojchivogo razvitiya v kontekste politicheskikh processov XXI stoletiya: Kollektivnaya monografiya / Pod red. A. I. Kostina. – M. : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018. – 320 s.

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10336
УДК 323.3

О. В. Епархина <https://orcid.org/0000-0002-2793-7608>

Политическая коррупция в трактовке Дж. Скотта

Аннотация. Политическая коррупция может рассматриваться как структурная составляющая политического режима, если соблюдается ряд условий. Кроме того, политическая коррупция может включать в себя и административную, и электоральную коррупцию, в зависимости от того, какой тип взаимодействия с властью актуален для группы и каким реальным влиянием располагает группа. На примере анализа кейсов Дж. Скотта можно сделать вывод о том, что коррупционная модель во многом определяется политической системой и политическим режимом. В частности, нормативность и ненормативность восприятия коррупции обществом связана с электоральной системой, партийной системой, совокупностью политических и не политических бенефициариев, уровнем развития бюрократии, а также со спецификой формирования и уровнем сплоченности политической элиты. При этом паттерны активизации коррупционных моделей поведения значимо различаются в странах со слабо развитыми политическими институтами и развитой демократией западного типа, а также в странах западной и незападной культуры. Анализ материалов социально-политических и социально-исторических исследований, проведенных международными неправительственными организациями в последние десятилетия, показывает актуальность многих положений концепции Дж. Скотта. Авторами рассматриваются различные группы социальных, культурных и институциональных условий, которые выделены Дж. Скоттом и способствуют активизации и нормативизации восприятия коррупции в странах незападного типа культуры и имеющих дефекты демократического правления. К ним, в частности, относятся наличие дискриминируемых групп, слабое развитие горизонтальных связей, слабость законодательства, высокая сплоченность политической элиты, низкая электоральная соревновательность, высокий уровень бюрократизации аппарата, милитаризация общества и ряд других. Кейсы Гаити, Таиланда, Индонезии, а также британской политической системы позволяют зафиксировать влияние этих факторов и сделать системные выводы о генезисе коррупции и возможностях ее укоренения в рамках политической системы.

Ключевые слова: коррупция, политическая коррупция, политическая система, модель коррупции.

О. V. Eparkhina

Political corruption in the interpretation of J. Scott's

Abstract. Political corruption can be considered as a structural component of the political regime if a number of conditions are met. In addition, political corruption can include both administrative and electoral corruption, depending on what type of interaction with the authorities is relevant to the group and what real influence the group has. On the example of case analysis J. Scott's conclusion is that the corruption model is largely determined by the political system and political regime. In

© Епархина О. В., 2019

particular, the normative and non-normative perception of corruption by society is related to the electoral system, the party system, the set of political and non-political beneficiaries, the level of development of the bureaucracy, as well as the specifics of the formation and the level of cohesion of the political elite. At the same time, patterns of activation of corruption patterns of behavior differ significantly in countries with underdeveloped political institutions and developed Western-type democracy, as well as in countries of Western and non-Western culture. Analysis of the materials of socio-political and socio-historical studies conducted by international non-governmental organizations in recent decades, shows the relevance of many provisions of the concept of J. Scott's. The authors consider different groups of social, cultural and institutional conditions, which are highlighted by J. Scott and contribute to the revitalization and standardization of the perception of corruption in countries of non-Western type of culture and having defects in democratic governance. These include, in particular, the presence of discriminated groups, the weak development of horizontal ties, the weakness of legislation, the high cohesion of the political elite, low electoral competition, a high level of bureaucratization of the apparatus, the militarization of society and a number of others. The cases of Haiti, Thailand, Indonesia, as well as the British political system allow us to record the impact of these factors and draw systemic conclusions about the Genesis of corruption and the possibilities of its rooting within the political system.

Keywords: corruption, political corruption, political system, corruption model.

Дж. Скотт утверждает, что коррупцию можно рассматривать скорее как один из процессов политического влияния, нежели как злоупотребление должностью, нарушающее общественные нормы, но в одних случаях эти модели покажут институциональное влияние, в других – нарушение формата официального поведения. Поэтому следует обратить внимание, как меняется сама политическая система под влиянием коррупции, каким образом ограничиваются легитимные каналы влияния. Поскольку в западных обществах отсутствуют развитые структуры для артикуляции социальных интересов, появляются политические требования, формируемые вне элиты, влияющие на законодательство очень слабо. Коррупция в таких обществах – всего лишь способ альтернативного выражения интересов и трактуется с позиций «западной» исследовательской позиции неверно [1]. Часто это происходит в случае активизации следующих условий: наблюдается ограниченность общественных связей; фиксируется

формальный характер законодательства; есть меньшинство, которое испытывает дискриминацию [1; 7; 9].

В этих ситуациях уменьшение издержек групп по достижению их требований достигается за счет коррупции [19; 9, с. 23-51].

Дж. Скоттом предложена классификация групп и способов их участия в политической системе слаборазвитых стран (табл. 1), а также варианты коррупционных моделей, связанных с характеристиками политических систем (табл. 2) [5].

Он выделяет две разновидности коррупции: рыночную коррупцию, представляющую собой безличностный процесс, и местническую коррупцию, основанную на личных связях и симпатиях. Тип коррупции определяет разный набор бенефициариев (табл. 3).

Кроме того, Дж. Скотт выделяет три основных фактора, влияющих на распространение коррупции и укорененность того или иного типа коррупции: открытость доступа к коррупции; нали-

чие выборной системы; стабильность и безопасность политической элиты [5].

В своей классической работе, посвященной сравнительному анализу политической коррупции [20], он пришел к интересным теоретическим выводам о ее природе и методах диагностики.

1. Понимание сущности политической коррупции

По мнению Дж. Скотта, коррупция должна рассматриваться как регулярная, повторяемая, неотъемлемая часть деятельности большинства политических систем. Коррупция может быть более успешно проанализирована как нормальный канал политической деятельности, нежели как случай девиации: «Так же, как социальный бандитизм и пиратство должны быть рассмотрены как неотъемлемые части многих аграрных и морских экономических систем ... например, покупка голосов и взятки

должны быть рассмотрены как неотъемлемая часть городской политики в конце XX в.» [20, р. 20]. Модели коррупции могут, как ни странно, представить каналы политических требований, без которых едва ли могли бы существовать формальные социальные меры [7; 9; 10]. В своей работе он показывает, как модели доступа и исключения в формальных политических аппаратах помогают определять, какие группы с большей вероятностью будут обращаться к коррупции как к нормальному каналу выдвижения требований [20]. Поскольку коррупция – нарушение определенных правил, ее объем и природа частично определены этими правилами. Если правила позволяют большие взносы в пользу избирательной кампании, они часто просто институционализируют сделку между богатством и властью, которая происходит незаконно под более ограниченным сводом правил.

Таблица 1

Классификация групп и способов их участия в политической системе слаборазвитых стран

В целом имеют формальный доступ к политической системе	Группы, использующие коррупцию в силу того, что лишены формальных каналов по причине		
	Идеологические мотивы	Местнические мотивы	Отсутствие организаций
Политическая элита	Местные коммерческие индустриальные группы	Этнические и религиозные меньшинства	Неорганизованные сельские жители
Кадры правящей партии	Иностранный бизнес		Неорганизованные нижние городские слои
Ассоциации госслужащих	Политическая оппозиция		
Профессиональные ассоциации	-	-	-
Профсоюзы	-	-	-

Таблица 2

Варианты моделей коррупции, обусловленные характеристиками политической системы

	Выборная соревновательность	Незначительная и отсутствующая выборная соревновательность
Политическая элита стабильна и сплочена	Умеренная коррупция, высокоорганизованна и предсказуема, некоторое распределение внизу	Умеренный уровень коррупции, она высокоорганизованна и предсказуема, мало распределена внизу
Политическая элита нестабильна и раздроблена	Высокий уровень коррупции, она относительно раздроблена и непредсказуема, некоторое распределение внизу	Высокий уровень коррупции, она относительно раздроблена и непредсказуема, мало распределена внизу

Таблица 3 [5]

Получатели коррупционных благ

Тип политической системы	Финансовые элиты	Индивиды и группы, имеющие ресурсы личных связей	Бюрократы и военные	Партийные лидеры и кадры	Избиратели или посредники избирателей
Бюрократическое, военное государство	Второстепенный получатель	Основной получатель	Основной получатель		
Партийная несоревновательная система	Второстепенный получатель	Второстепенный получатель	Второстепенный получатель	Основной получатель	
Партийная соревновательная система	Второстепенный получатель	Основной получатель	Второстепенный получатель	Основной получатель	Основной получатель

Хотя структурные условия и в меньшей степени традиционные ценности, характерные для бедных стран, предрасполагают их к высокому уровню коррупции, для аналитика «...слишком легко быть загипнотизированным такими условиями и быть ослепленным способностью человека повторно воссоздавать ценности и ситуацию» [20, р. 22]. Коррупция выживает, по мнению Скотта, развивая но-

вую систему законности символическими и конкретными действиями, порождающими социальные санкции, которые делают социальный заказ такого рода эффективным [20].

Скотт делает акцент на консервативных последствиях анализа коррупции: «В тех случаях, где коррупция позволяет буржуазии покупать свой путь в ранее закрытую элиту, нормальный эффект коррупции состоит в том, чтобы

скрепить вместе консервативную коалицию и сдержать или уравновесить эффекты роста коллективных требований» [20, р. 43]. Из этой посылки, а также из подробнейшего историко-социологического анализа, проведенного автором, следует вывод о неспособности парламентских режимов к структурным реформам – в частности, в отношении коррупции.

Главным препятствием в исследовании коррупции Дж. Скотт видит слабость эмпирической базы для таких исследований [11]. Так, наиболее обширные базы имеют развитые страны, в то время как наиболее интересные коррупционные формы можно наблюдать в слаборазвитых странах, но их базы данных возможно отследить не более чем на 2-3 десятилетия [7]. При этом определенные ограничения для исследований накладывает специфика политического режима страны: «В странах с парламентскими системами мы можем исследовать – с соответствующим предостережением – сообщения прессы, обвинения в ходе кампании, судебные процедуры, сообщения множества официальных комиссий по расследованию, в дополнение к академическим оценкам. Для непарламентских систем мы действуем еще более некомфортно, кроме тех случаев, когда режим был свергнут, – и даже там сведения часто искажаются в СМИ, чтобы служить целям режима» [20, р. 12].

Коррупция предполагает отклонение от определенных стандартов поведения [4]. Взаимосвязанными критериями для установления этих стандартов являются общественный интерес, общественное мнение и правовые нормы. Общее определение коррупции, предложенное Дж. Скоттом, звучит следующим образом: это поведение, которое отклоняется

от формальных обязанностей общественной роли (избирательной или занимаемой по назначению) из-за частной оценки (личная, близкая семья, частная клика), прибыли, статуса или богатства или нарушает правила осуществления определенных видов влияния [20].

Поскольку политическая коррупция в целом предполагает двухпартийную сделку, первая часть определения относится к человеку (людям) в сделке, который играет общественную роль, а последняя – к человеку (людям), действующему в рамках частных возможностей [20].

Использование в ней формальных норм, однако, формирует некоторые серьезные проблемы для исторического сравнения и для сравнений между различными странами, к которым можно отнести [5, с. 98-115]

– опасность неявного применения нормативной ценности к любым стандартам официального поведения, и тогда невозможно рассматривать коррупцию как неотъемлемую часть политики;

– трудность сопоставления стран (или одной страны в двух пунктах), когда их формальные нормы имеют серьезные различия;

– искажение информации в случаях, когда мы сравниваем страны с малым и большим общественным сектором.

При принятии существующих формальных норм для должностных лиц как стандарта, по сравнению с которым можно определить уровень коррупции, нужно быть внимательным к этому стандарту и избегать априорных моральных суждений о том, что обычно означает термин «коррупция». Это требует признания, что формальные нормы поведения всегда являются частью ин-

ституционального порядка, который, в свою очередь, отражает существующее распределение власти в пределах общества [5, с. 86; 4; 10]. Эти формальные нормы действуют в пользу определенных групп и к неудобству других. Иногда эти преимущества очевидны, как, например, в традиционных системах, где определенные должности открыты только для аристократии; в другие времена преимущества менее очевидны. Дж. Скотт указывает, что формальная организационная структура часто отвечает интересам отдельных секторов, и предлагает предсказывать характер коррупции, исследуя формы дискриминации, встроенной в формальную структуру. При этом необходимо учитывать и контекст распределения власти в обществе, и характер режима: «Когда мы рассматриваем конкретные режимы в таких странах, как Англия в начале правления Стюартов или Индия во время партийного съезда, мы ... смотрим, как картина коррупции связана в каждом случае с ценностями и институтами обеих элит и общества в целом» [20, р. 114].

Еще одна серьезная трудность, связанная с использованием формальных норм как основы изучения коррупции, состоит в том, что из сферы анализа исключаются некоторые важные исторические сравнения: «Если бы мы хотели сравнить коррупцию в семнадцатом столетии Франции с коррупцией в двадцатом веке Франции, юридическая перспектива сделала бы нашу задачу трудной. Продажа государственных учреждений в XVII в. во Франции не попадает под наше определение коррупции, в отличие от Франции или США в XX в. Поведение кажется тем же самым, но изменился его правовой контекст» [20, р. 114].

Эта проблема решается путем анализа механизмов влияния на состав элиты в разные периоды развития стран или общественных структур [2; 14; 15; 18;].

Большинство ценностей и структурных особенностей развитых стран predisполагают политическую систему к высокому уровню коррупции. Степень фактической коррупции зависит в большой мере от природы политических учреждений: «В более общем смысле, менее развитые страны значительно отличались по их фактическому уровню коррупции. Тунис и Сингапур, кажется, сдержали давление коррупции, в то время как Индонезия и Нигерия были менее успешными. Принципиальная разница состоит в характере политической власти и в силе определенных политических институтов и ценностей» [20, р. 114].

Поскольку Дж. Скотт рассматривает коррупцию как механизм воздействия, главным становится вопрос политического значения коррупционной деятельности. Большинство действий, которые мы называем коррумпированными, являются сделкой, в которой одна сторона обменивает богатство или иные активы, такие как родство или дружба, получая влияние на решения правительства [5, с. 87]. Анализ большинства форм коррупции с точки зрения процесса политического влияния позволяет исследовать коррупцию как часть большой мозаики политического влияния. Этот подход выдвигает на первый план функциональную эквивалентность разнообразия актов политического влияния.

В Англии в XVII–XVIII вв. богатое дворянство и новая коммерческая элита смогли купить положение политической власти посредством покупки государственных учреждений и званий. В со-

временном Таиланде деловая элита является в значительной степени китайской, поэтому по этническим причинам, формальные каналы власти редко открыты для нее. Члены китайского коммерческого сообщества установили довольно устойчивые отношения с отдельными лидерами клики в тайских вооруженных силах и бюрократии, чтобы защитить и продвинуть предпринимательские отношения. Многие из сделок, представляющих «цемент» этой неофициальной коалиции, незаконны, но отношения, конечно, чрезвычайно полезны для членов тайской бюрократической элиты, которые следят за лицензированием и налогообложением предприятий. Богатым деловым элитам в Японии, способ работы которых отличается их от тайских предпринимателей, также удалось овладеть большим политическим влиянием, действуя через партийные фракции.

Эти три иллюстрации показывают, как богатые элиты пытаются более или менее успешно влиять на действия правительства. В «тайском» случае большая часть того, что происходит, соответствует определению коррупции; «английский» случай принадлежит к категории «протокоррупции»; «японский» случай было бы трудно рассмотреть как коррупцию в любом смысле. Используя различные стратегии в каждой стране, богатые элиты достигли поразительно схожих целей, трансформируя действия правительства в соответствии с их потребностями.

В данном случае важнейшими факторами активизации коррупционных практик выступают наличие в стране избирательной системы; организация элит; наличие этнических или религиозных барьеров, которые сдерживают

элиты от формального исполнения обязанностей [5, с. 92-101].

Эти факторы, таким образом, частично определяют вид и интенсивность коррупции в рамках политической системы, и каждая из систем осваивает специфические каналы: используя богатство как политический ресурс, оказывает влияние на политику правительства. Любой набор политических договоренностей создает свой собственный паттерн доступа и влияния. Когда мы называем данный режим олигархическим или аристократическим, мы, по существу, приводим суждение о размере и характере тех групп в обществе, которые имеют максимум влияния на государственную политику, и описываем особый паттерн доступа к власти. У доминирующих сил в политической системе обычно нет причины обратиться к коррупции или революции, поскольку государство наделяется законным статусом, чтобы служить их целям.

Таким образом, политическая коррупция является одним из средств урегулирования конфликтов между группами. Как стратегия коррупция доступна только тем, кто имеет связи и/или богатство, чтобы купить расположение. Тем не менее, для тех, кто может управлять, коррупция представляет собой более мирный маршрут, чтобы оказывать влияние, а не использовать силу [3; 4; 10].

В отдельных вариантах исторического контекста коррупция снижает потенциал насилия, предоставляя новым группам возможность влиять на политику и разрешая правящим группам подкупать потенциально жесткую оппозицию. Мексиканская революционная партия, придя к власти в 1911 г., столкнулась с недовольством руководства локальных силовых структур, но с по-

мощью подкупа ей удалось контролировать ситуацию и избежать вспышки насилия. В Англии рост коррупции рассматривался некоторыми историками как альтернатива насилию [20, р. 58-64].

Таким образом, Дж. Скотт делает вывод, что и коррупция, и насилие, будучи вне правового поля, отличаются степенью проявления открытого конфликта внутри общественных структур [20; 11].

2. Уровни развития коррупции как институциональной характеристики политической системы

Первый уровень. Протокоррупция имела место в Англии нач. XVII в. и положила начало административной коррупции в ее современном формате.

Объяснение аналитически группирующихся случаев, где выборы являются не решающей ареной политического соревнования, основано на факте, что это подобие в установленном положении власти обязано повлечь за собой общие черты в образце политического влияния. Наоборот, изменения в одном приведут к изменениям в другом. В этом отношении рост доминирующих законодательных органов, политических партий и широкого избирательного права на Западе означал решающее изменение и в положении власти, и в образце влияния. Те, кто ранее стремился снискать расположение короля и его придворных, теперь подготавливали партийного босса и его окружение. Те, кто извлек выгоду из их связей или финансово вырос, чтобы обеспечить себе «административную почву», теперь обнаружили, что место в парламенте могло бы дать такие преимущества.

Существуют определенные общие структурные особенности неэлекторальных режимов, которые продвигают аналогичные формы коррупции. В част-

ности, господство исполнительных и административных органов в таких системах, где относительно мал круг лиц, принимающих решения, среди которых личные связи могут быть решающими, а возможности для общественного законодательного влияния ограничены, способствует формированию специфических образцов коррупции [12; 16; 17]. Деспотичная модель коррупции стала в большей степени соответствовать замене парламентских форм на военные режимы.

По мнению Дж. Скотта, протокоррупция воспроизводится позднее, в XX в., что помогает обобщить основные закономерности, функцией которых является манипуляция частными целями. Он выделяет три ее структурные особенности: размер политической элиты и поля осуществления власти; природу расколов в пределах элиты; отношения богатства и власти (в условиях роста коммерческой элиты, которая желала влияния, защиты и статуса). Структурный промежуток между богатством и властью был, таким образом, соединен сделками, что соответствует определениям коррупции XX в. Воспроизводство этих характеристик протокоррупции Дж. Скотт показывает на примере современного Таиланда, с его активизированными электоральными и административными коррупционными практиками. Модель протокоррупции воспроизводится в случае, если

– политическое соревнование было ограничено узкой элитной стратой, обладающей большим количеством ценностей;

– большинство внутриэлитных расколов основано на борьбе клик за власть, богатство и статус, а не на вопросах политики или идеологических проблемах;

– у потенциально влиятельных элит имеется относительно маленький формальный доступ к политическому влиянию [20].

Хотя формы коррупции в Таиланде и в Англии в целом сопоставимы, конкретные формы и методы сильно изменились. Административная система в Таиланде, например, испытала влияние модернизации XIX-XX вв.: современные административные формы в Таиланде исключают прямую продажу должностей или должностных обязанностей, как практиковалось в Англии.

Хотя в Таиланде имеются атрибуты либеральной демократии и общества, такие как группы граждан и профсоюзы, большинство этих групп созданы правительственными чиновниками и действуют как придатки клики, контролирующей вооруженные силы и бюрократию. В такой системе область политического конфликта сужена до той маленькой элитной страны, которая распоряжается финансовым, административным ресурсом, и особенно принудительными силами государства.

Главное в Таиланде – правительственная занятость. В частности, руководитель может влиять на поощрение и назначение его последователей, может предоставить им финансовые возможности через государственные предприятия, может использовать свои полномочия для принятия решения, чтобы привлечь новых союзников. Но структура хрупка, так как у периферийных сторонников меньше связей, чтобы наладить отношения с центром. Большие структуры соответствуют этой модели; их объединяют, главным образом, материальные стимулы, доступные военным и гражданским официальным лицам, и они имеют тенденцию быстро распадаться, если чиновник отстранен от вер-

хушки власти. В пределах правящей элиты, клики как единицы политического соревнования, созданы, поддержаны и расширены управляющими прерогативами государственной власти, чтобы привлечь и удержать влиятельных союзников. Часть этих манипуляций остается в пределах границ законности; большая часть, однако, отчетливо коррумпирована. Коррупция является следствием того, что политическая потребность этого дистрибутивного процесса сталкивается с формальными инструкциями [4]. Несмотря на приведенные различия, между странами наблюдается сходство в ряде позиций: фаворитизм и патронаж в правительстве; эксплуатация должностных полномочий во имя личной выгоды; использование государственных предприятий и регулирующих полномочий правительства (лицензирование, монополистические гранты, и т. д.) в обоих случаях, чтобы служить целям патронажа клики или личной выгоды; мелкая коррупция достаточно распространена среди должностных лиц, которые занимают подчиненное положение.

Второй уровень. Что касается форм коррупции в партийных системах, они весьма специфичны. Мощь политической системы во многом зависит от наличия или отсутствия бюрократической силы. Как правило, такие бюрократические силы принимают форму политических партий. Участвующие в электоральных процессах партии, хотя и не могут снизить уровень коррупции, изменяют ее локализацию, местоположение, бенефициариев и последствия.

В отстающих странах, где влияние правящих партий или выборов незначительно и господствуют личные диктатуры, военные режимы, традиционные монархии или невыборные гражданские

олигархии, коррупция, вероятно, будет напоминать модели, которые мы рассматривали, не только из-за предрасполагающих факторов, но и в силу характера политического руководства. Бюрократии – не просто нейтральные машины, которые выполняют заказы. Если они направлены внешними учреждениями или идеологиями, они имеют тенденцию становиться корыстными и паразитическими и существовать по внутренним законам: «Хотя речь идет о коррупции, должно быть совершенно ясно, что модель, которую мы описали, содержит весь синдром бюрократических злоупотреблений, из которых коррупция является лишь одним проявлением» [20]. Другие элементы подобного «синдрома» включают в себя акцентирование статуса и ранга, а не производительности или достижений; ритуализацию процедур, в которых бумажная работа и рутинные задачи становятся целью, а не средством; отсутствие контроля над выполнением решений [20].

Аналогичные тенденции существуют в любой бюрократии, но расцветают наиболее пышно, когда нет сплоченной партии или внешнего агента контроля, чтобы вознаграждать за производительность и быстрое действие и наказывать за невнимательность.

Основными бенефициариями коррупции здесь, по Дж. Скотту, являются гражданские чиновники и/или офицеры; отдельные лица и группы с узкими (родственные, дружеские, этнические) связями с военными или гражданскими должностными лицами; олигархи, которые стремятся сохранить статус-кво, их ресурсы делают их ценными союзниками правящей элиты.

Однако, как отмечает Дж. Скотт, некоторые бюрократии более продажны, чем другие [20], что зависит от наличия

ограничений на продажность в администрации, стандартов общественного поведения, заботы правительства о долгосрочном финансовом здоровье нации, гомогенности элит: «Только элита, которая пользуется мерой сплоченности и безопасности, может развивать чувство своей долгосрочной заинтересованности» [20]. Коррупция становится все более институционализированной и все больше внимания уделяет сохранению жизнеспособности самого режима.

Для построения теории коррупции интересны кейсы Индонезии 1958-1965 гг. и Гаити при Дювалье. В политических системах с элитами, которые являются весьма небезопасными и высокогетерогенными, мы видим экстремальные, но показательные случаи коррупции, где ограничения практически отсутствуют.

Коррупция широко распространена в Индонезии, но в условиях демократии она достигла поистине эпидемических масштабов. Жажда патронажных рабочих мест и средств, которые всегда были важным фактором в принятии решений большинства политических партий, стала абсолютной, так как партии полностью оторваны от коллективных требований своих избирателей. Большая часть коррупции в начале 1960-х гг. была сконцентрирована вокруг трех связанных областей: борьба внутриправительственных клик за богатство и покровительство; рост бюрократического капитализма; бюрократическое вымогательство.

Среди растущего экономического хаоса чиновники как низкого, так и высокого уровня осознали, какую прибыль они могли извлечь благодаря своим позициям. Уровень их собственных зарплат сильно пострадал в результате инфляции, чиновники вымогали платежи

для ускорения дел, для выдачи необходимых разрешений и лицензий, за организацию встреч, одним словом, за какие-либо услуги, которые имеют ценность для граждан, и «цена статьи определяется не спросом и предложением, а числом должностных лиц, через чьи руки она должна пройти» [5].

Можно сравнивать коррупцию в Индонезии с коррупцией в Таиланде, по крайней мере, по четырем измерениям:

- коррупция в Индонезии была более интенсивной;

- борьба за средства и покровительство в индонезийской бюрократии, в отличие от ситуации в Таиланде, не заключалась внутри границ финансовой устойчивости, напротив, инфляционные бюджеты были скорее правилом, чем исключением;

- принудительные формы вымогательства со стороны общественности представляли гораздо большую долю от общего числа индонезийской коррупции, чем в тайской коррупции, в то время как силовые вымогательства часто обнаруживались и наказывались в Таиланде, индонезийская полиция и гражданские служащие регулярно вымогали денежные средства и товары с минимальным риском преследования;

- в отличие от крайне институционализированных форм коррупции, которые появляются в Таиланде, коррупция в Индонезии была более нестабильной.

Дж. Скотт делает вывод, что при прочих равных условиях, чем более неопределенной и небезопасной является среда, тем короче период, в течение которого люди стремятся максимизировать прибыль. В условиях большой неопределенности, те, кто использует долгосрочные стратегии, обречены, в то время как те, кто использует кратко-

срочные стратегии, где риски меньше и более просчитаны, имеют больше шансов на успех. Здесь присутствует неявная аналогия с бизнесом. Было бы неразумно ожидать от бизнесменов, например, долгосрочных инвестиций, которые содержат основной капитал, в условиях большой нестабильности и неопределенности. Рационально, конечно, вместо этого минимизировать свои риски, концентрируя внимание на краткосрочной перспективе. И это именно то, что делают большинство предпринимателей в слаборазвитых странах. Политические и бюрократические предприниматели ведут себя во многом таким же образом [9].

Пример Гаити при тираническом режиме личной диктатуры Дювалье используется здесь в качестве крайнего случая, где структура коррупции отражает как отсутствие безопасности режима, так и террор, нацеленный на выживание в условиях правления Дювалье. Вся гражданская служба зависела лично от президента. Национальное собрание не обладало никакой властью. Сверху донизу гаитянские чиновники служили только личным интересам Дювалье.

Правительство было практически единственным источником богатства в Гаити. Годовой бюджет, состоящий в основном из таможенных пошлин и акцизных налогов, был личным кошельком диктатора, которым тот распоряжался по своему усмотрению. Постоянные слуги и члены семьи получали персональные подарки, были созданы личные состояния. Нерегулярным доходом было вымогательство личной полицией Дювалье средств для Движения национального обновления, которое было не более чем личным фондом президента. Сами по себе гражданские и военные

должностные лица были не ограничены в способах вымогательства, пока пользовались доверием Дювалье. Не будет преувеличением сравнить гаитянский режим с группой вооруженных последователей, которые сумели захватить правительство и приступили к использованию своей монополии силы, чтобы выжать как можно больше из казны и населения.

Коррупцию в Гаити отличает зависимость от физических угроз и принуждения при отсутствии каких-либо организационных или традиционных ограничений на то, что допустимо, а также незащищенность режима и его должностных лиц, ведущая к злоупотреблению полномочиями в целях личного обогащения.

Структура коррупции в каждой из этих трех стран различна. Некоторые из этих отличий связаны с уникальными историческими обстоятельствами, которые затрудняют какие-либо обобщения. На другом уровне, однако, коррупция зависит от степени неустойчивости и фрагментации элиты, что позволяет сделать общие выводы. Что касается типа коррупции, существует предположение, что правила или прочная стабильность упорядочивают коррупцию [19]. При наличии сильной правовой базы коррупция на верхнем уровне вряд ли будет существовать, но, когда это произойдет, это станет образцом, а при фрагментированных, но стабильных правилах элита, скорее всего, коллективно внесет некоторые ограничения для управляющих. Локализация коррупции менее вариативна. Официальные заявления о нижнем эшелоне коррупции свидетельствуют о том, что беспартийному режиму очень трудно эффективно бороться с коррупцией на нижних уровнях.

Третий уровень. Феномен электоральной коррупции также рассмотрен Дж. Скоттом с позиции институционального подхода. Наиболее ярким следствием избирательной кампании для государственного должностного лица является то, что она расширяет арену общественного влияния. Обыкновенные избиратели смогут заполучить ценный политический ресурс. Конкуренты будут соперничать друг с другом, чтобы получить голоса избирателей и использовать свое право на некоторые выгоды. Подкуп избирателей может принимать или не принимать коррумпированных форм. Если избиратели обладают традиционной лояльностью, награды являются символическими; если они имеют широкий выбор в сфере политики, то могут быть привлечены законодательными обещаниями. Но если растет желание немедленно получить материальные выгоды, кандидатам будет трудно обеспечить эффективные стимулы, не нарушая формальные стандарты общественного поведения. Логично, что рост уровня электоральной коррупции указывает на растущую независимость власти от выбора населения. И так как партийная система меняет фокус политических решений – от административной элиты к партийной, она перемещает и модель коррупции в пользу партийных лидеров.

Электоральные системы не только формируют локус влияния, но и определяют его правовые формы. Для бизнесмена давать деньги гражданскому служащему, как правило, незаконно, в то время как такое же количество денег, данное для политической кампании, позволяет «купить» это влияние вполне законным путем. Партийная система обеспечивает, таким образом, не только законный способ дать взятку обладаю-

щим властью, но и законные способы для обладающих властью влиять на избирателей с помощью материального вознаграждения.

Четвертый уровень. Здесь речь идет о неконкурентных и конкурентных партийных режимах. Большинство однопартийных неконкурентных режимов, имевших место в Африке, показывают высокую вероятность разделения партийных лидеров и партийных кадров в рамках коррупционной системы.

Обладающие властью в конкурентно-способной электоральной среде имеют большие стимулы для выплаты вознаграждения тем избирателям, чьи бюллетени будут определять, кто придет к власти. Такие вознаграждения могут и часто принимают форму программ местного развития, кредитных программ, а также юридического покровительства.

Более горячо оспариваются выборы, где существует большее число дистрибутивных усилий. Выборы, как правило, в условиях «все или ничего», и неопределенность в отношении результатов повысят расходы: когда гонка близка, предельная «полезность дополнительного доллара» избирательных фондов (или покровительство, обещания) растет. Здесь конкурирующие стороны часто обязаны в обмен на вложенные финансовые средства для привлечения голосов избирателей оказать помощь политическим интересам своих коммерческих покровителей, как только они придут к власти. Такие сделки часто принимают коррумпированную форму.

Тех, кто являлся, по большому счету, несвободными агентами, Скотт назвал «замкнутыми избирателями»; тех, кто был более свободен, но ориентирован на краткосрочные выгоды, – «потенциальными политическими избирателями»;

тех, кто был ориентирован на широкие политические вопросы, назвал «вопросающими избирателями». Характерные структурные патронажные стимулы и взятки эффективны только в определенных контекстах. С одной стороны, их влияние сводится к минимуму, когда очень многие избиратели по-прежнему тесно связаны с традиционными землевладельцами-покровителями, которые контролируют их средства к существованию и, следовательно, их голоса. С другой стороны, когда рост идеологической или классовой лояльности и проблем (в том числе религиозных и националистических интересов) способствует ориентации на широкие цели политики, в отличие от краткосрочных материальных выгод, влияние также минимально.

Выводы

Дж. Скотт анализирует изменения в природе лояльности и партийные стимулы согласно следующим фазам:

– *Фаза А.* Политические связи определяются в значительной мере традиционными формами почтения (вертикальные связи) штатным властям. Материальные, партикуляристские стимулы для сотрудничества играют незначительную роль, за исключением ограниченного числа местных лиц, обладающих властью.

– *Фаза В.* Модель значительно ослабевает в период быстрых социально-экономических изменений. Вертикальные связи могут быть достигнуты только путем роста взаимности. Конкуренция между лидерами в сочетании с преобладанием узкой лояльности будет способствовать широкому использованию конкретных, краткосрочных, материальных стимулов для обеспечения сотрудничества.

– *Фаза С.* Новые лояльности возникают в процессе экономического роста, что больше и больше подчеркивает горизонтальные (функциональные), классовые или профессиональные связи. Характер стимулов для политической поддержки состоит в том, чтобы подчеркнуть политические проблемы или идеологии. Влияние на законодательном этапе становится более целесообразным, что формирует характер новой политической лояльности [20; 11].

В связи с этим можно обозначить контуры модели государственного аппарата. Он существует в партийной форме, что позволяет ему реагировать на партикулярные интересы. Такая форма может возникнуть только в определенных политических условиях:

- избрание политической власти посредством электоральных процедур;
- массовое избирательное право для взрослых;
- относительно высокая степень конкуренции на выборах в течение

долгого времени – как правило, между сторонами, но иногда в пределах доминирующей партии.

Эти условия отражают тот факт, что, поскольку аппаратная политика представляет собой особый способ мобилизации избирателей, она возникает только в системах, где голоса необходимы для получения контроля над правительством.

Таким образом, коррупция как нормативное понятие, происходящее из веберовского разделения на официальную и частную сферы, является одним из нескольких наборов параллельно действующих правил. Ужесточение в этих условиях официальных правил, чему способствует ограниченность ресурсов контроля, приводит к росту сетевых контактов и неформальных практик взаимодействия [12], которые с западной точки зрения оцениваются как коррупционные, но не являются таковыми с позиции внутренней логики политической системы и ее культуры.

Библиографический список

1. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / сост. и отв. ред. И. Б. Олимпиева, О. В. Паченков. – СПб. : Алетей, 2007. – 234 с.
2. Всемирный Банк. – <http://www.worldbank.org.ru/>
3. Горшков, М., Маркин, В. Российская коррупция в зеркале социологии // Антикоррупционер. – 2008. – № 3. – С. 46-59.
4. Добреньков, В. И., Исправникова, Н. Р. Коррупция: современные подходы к исследованию : учеб. пособие для вузов / В. И. Добреньков, Н. Р. Исправникова. – М. : Академический Проект: Alma Mater, 2009. – 208 с.
5. Епархина, О. В. Теоретические основы исследования коррупционных проявлений в РФ. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2011. – 236 с.
6. Коррупция и взяточничество: аннотированная библиография российских изданий 1869-2002 гг. – СПб. : СПбГУ-РАН, 2004. – 240 с.
7. Левин, М. И., Сатаров, Г. А. Коррупция как объект историко-экономического исследования // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 8. – М., 2002. – 169 с.
8. Математическое моделирование социальных процессов. Выпуск 9 : сб. статей / под ред. А. Михайлова. – М. : КДУ, 2007. – 245 с.

9. Роуз-Аккерман, С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. – М. : Логос, 2010. – 343 с.
10. Роуз, Р., Мишлер, У. Коррупция ее оценка и участие в ней (на примере России) // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 3 (101). – С. 22-34.
11. Скотт, Д. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. – М. : Университетская книга, 2005. – 576 с.
12. Фонд «Общественное мнение». – <http://www.fom.ru/>
13. Freedom House. – <http://www.freedomhouse.org/>
14. Gambetta, D. Corruption: an analytical map. // Political corruption in transition. – Budapest: Central European University Press, 2002. – P. 33-56.
15. Gupta, A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, the imagined state. // American Ethnologist. – 1995. – Vol.22. – No 2. – P. 375-402.
16. Heritage Foundation. – <http://www.heritage.org/>
17. International Country Risk Guide. – <http://www.marketresearch.com/>
18. Lambert-Mogiliansky, A. Essays on Corruptions // Department of Economics. Stockholm University. 1996. – P. 101-138.
19. Rose-Ackerman, S. Corruption and Development // Annual Bank Conference on Development Economics. The World Bank. Washington, D. C., 1997. – P. 35-57.
20. Scott, J. C. Comparative political corruption. Englewood Cliffs, N. Y., 1972. – 166 p.

References

1. Bor'ba s vetryanymi mel'nicami? Social'no-antropologicheskij podhod k issledovaniyu korrupcii / Sost. i otv. red. Olimp'eva I. B., Pachenkov O. V. – SPb. : Aletejya, 2007. – 234 s.
2. Vsemirnyj Bank. – <http://www.worldbank.org.ru/>
3. Gorshkov, M., Markin V. Rossijskaya korrupciya v zerkale sociologii // Antikorruptcioner. – 2008. – № 3. – S. 46-59.
4. Dobren'kov, V. I., Ispravnikova, N. R. Korrupciya: sovremennye podhody k issledovaniyu: Ucheb. posobie dlya vuzov / V. I. Dobren'kov, N. R. Ispravnikova. – M. : Akademicheskij Proekt: Alma Mater, 2009. – 208 s.
5. Eparhina, O. V. Teoreticheskie osnovy issledovaniya korrupcionnyh proyavlenij v RF. – Yaroslavl': RIO YAGPU, 2011. – 236 s.
6. Korrupciya i vzyatochnichestvo: annotirovannaya bibliografiya rossijskih izdanij 1869-2002 gg. – SPb. : SPbGU-RAN, 2004. – 240 s.
7. Levin, M. I., Satarov, G. A. Korrupciya kak ob'ekt istoriko-ehkonomicheskogo issledovaniya // Ehkonomicheskaya istoriya. Obozrenie / Pod red. L. I. Borodkina. Vyp. 8. – M., 2002. – 169 s.
8. Matematicheskoe modelirovanie social'nyh processov. Vypusk 9: sb. statej / pod red. A. Mihajlova. – M. : KDU, 2007. – 245 s.
9. Rouz-Akkerman, S. Korrupciya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy. – M. : Logos, 2010. – 343 s.
10. Rouz, R., Mishler, U. Korrupciya ee ocenka i uchastie v nej (na primere Rossii) // Vestnik obshchestvennogo mneniya. – 2009. – № 3 (101). – S. 22-34.

11. Skott, D. Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniya uslovij chelovecheskoj zhizni / Per. s angl. Eh.N. Gusinskogo, Yu.I. Turchaninovej. – M. : Universitetskaya kniga, 2005. – 576 s.
12. Fond «Obshchestvennoe mnenie». – [http:// www.fom.ru/](http://www.fom.ru/)
13. Freedom House. – <http://www.freedomhouse.org/>
14. Gambetta, D. Corruption: an analytical map. // Political corruption in transition. – Budapest: Central European University Press, 2002. – P. 33-56.
15. Gupta, A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, the imagined state. // American Ethnologist. – 1995. – Vol.22. – No 2. – P. 375-402.
16. Heritage Foundation. – <http://www.heritage.org/>
17. International Country Risk Guide. – <http://www.marketresearch.com/>
18. Lambert-Mogiliansky, A. Essays on Corruptions // Department of Economics. Stockholm University. 1996. – P. 101-138.
19. Rose-Ackerman, S. Corruption and Development // Annual Bank Conference on Development Economics. The World Bank. Washington, D. C., 1997. – P. 35-57.
20. Scott, J. C. Comparative political corruption. Englewood Cliffs, N. Y., 1972. – 166 p.

А. В. Волкова <https://orcid.org/0000-0002-3687-5728>

**Потенциал «гражданской науки»
в общественно-политическом развитии**

Исследование выполнено по гранту РФФИ 19-18-00210

«Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости»

Аннотация. В статье анализируется гражданская наука (citizen science) как концепция проведения научных исследований с привлечением широкого круга граждан-добровольцев к сбору и обработке информации в самых разных отраслях науки, которая не только способствует приращению научных знаний и повышению уровня образования, что рассматривается как фактор инклюзивного роста, но и обладает значительным потенциалом общественного развития и способствует совершенствованию гражданских способностей в условиях сетевого, цифрового общества. Автором исследуются ценностные основания гражданской науки и обосновывается важность поддержки проектов гражданской науки в современной России в связи с процессами цифровизации общества.

Ключевые слова: гражданская наука, публичная политика, гражданские способности, публичные ценности, сетевизация, цифровое общество.

A. V. Volkova

Potential of «civil science» in social and political development

Abstract. The article analyzes citizen science as a concept of scientific research involving a wide range of volunteer citizens in the collection and processing of information in various fields of science, which not only contributes to the increment of scientific knowledge and increase the level of education, which is considered as a factor of inclusive growth, but also has a significant potential for social development and contributes to the improvement of civil abilities in a network, digital society. The author studies the value bases of civil science and substantiates the importance of supporting civil science projects in modern Russia in connection with the processes of digitalization of society.

Keywords: civil science, public policy, civil abilities, public values, networking, digital society.

Процессы сетевизации и цифровизации по праву могут быть названы определяющими для общественного развития первой четверти XXI в. Интерес к сетевому публичному управлению связан с теми значительными возмож-

ностями в развитии различных форм гражданского участия и гражданского контроля, которые оно стимулирует: высокая степень охвата и вовлечения граждан, обеспечение открытости (прозрачности) процедур и коммуникатив-

ных практик, формирование сетевой культуры и этики, зачастую размывающих границы национальных культурных стереотипов. Процесс цифровизации сегодня затрагивает все аспекты жизни человека: он порождает исключительные возможности, меняющие привычки, способы коммуникации, социализации и самоидентификации граждан, оказывающие серьезное влияние на языковые практики, а по сути – трансформирует ценностно-смысловую парадигму современного общества. Несмотря на очевидные преимущества инновационных процессов, не следует забывать, что цифровизация, с одной стороны, выступает объединяющим и интегрирующим началом общественной жизни, а с другой – провоцирует еще большие противоречия и разломы в современном обществе, порождает новые вызовы управляемости современных государств и конфликты в публичной политике.

Среди современных коммуникативных общественных инноваций гражданская наука (citizen science) обладает значительным своеобразием, и, на наш взгляд, ее потенциал как значимого стимула общественного развития сегодня недостаточно исследован. Гражданская наука – это концепция, в рамках которой к исследованиям привлекаются добровольцы, а веб-краудсорсинг и волонтерство дают им возможность поучаствовать в серьезных исследовательских проектах и программах. Примечательно, что в зарубежной научной литературе гражданской науке, ее видам, функциям, значению уделяется достаточно внимания, в то время как для отечественных социальных наук тема является новой. Трудности восприятия термина в современном российском публичном пространстве и слабое продвижение этой тематики в отечественной социально-политической научной литературе свя-

заны отчасти с сохранением традиции трактовки термина «гражданский» в его противопоставлении понятию «военный», с чем сталкиваешься при поиске соответствующей научной литературы. Между тем в данном словосочетании понятие «гражданская» выступает в значении «любительская», «всеобщая», то есть не связанная с профессиональной деятельностью.

Идеи сделать науку более демократичной, доступной неоднократно высказывались еще в конце прошлого века [5]. Эти идеи оказались востребованы в связи с распространением концепции общества знания (knowledge society) и перекликаются с идейным сопровождением процессов менеджмента знаний (knowledge management). Но особую актуальность гражданская наука приобрела в связи нарастающей популярностью социальных сетей и распространением персональных гаджетов, ставших доступными практически повсеместно. Единого определения гражданской науки на сегодняшний день не сложилось, и можно встретить различные трактовки этого понятия. Так, Оксфордский словарь английского языка определил ее как «сбор и анализ данных, относящихся к миру природы, представителями широкой общественности, как правило, в рамках совместного проекта с профессиональными учеными» (https://en.oxforddictionaries.com/definition/citizen_science). Такие современные исследователи, как Рой и др., резюмируют, что «гражданская наука все чаще используется в качестве всеобъемлющего термина для многих разнообразных подходов, использующих добровольцев в науке, от активного участия в науке, основанной на гипотезах, до пассивного движения датчиков; от решения сфокусированных вопросов до образовательных упражнений, генерирующих данные, которые имеют небольшую науч-

ную ценность; от использования людей в качестве сборщиков данных до участников, формирующих проекты, оценивающих данные и использующих информацию сами» [17].

Независимо от точного определения, гражданская наука становится неотъемлемой частью многих аспектов сбора и анализа данных, сегодня это многочисленные успешные проекты, работающие в широком спектре научных и гуманитарных дисциплин. Строго говоря, идея участия в научных исследованиях любителей, самоучек, подвижников не нова: и двести лет назад существовали натуралисты, путешественники и коллекционеры, чье хобби или увлечение способствовали приращению научных знаний. Можно сказать, что гражданская наука, базирующаяся на таких базовых ценностях, как *знания, сотрудничество, доверие, взаимопомощь*, стала возможна как массовое явление благодаря процессу сетевизации общества и технологическим достижениям. Внедрение портативных технологий, таких как GPS и обработка изображений, позволяет любознательным неспециалистам с помощью смартфонов принимать участие в сборе данных. Такая деятельность рядовых граждан (разного возраста, уровня образования, социального статуса), наряду с социальными сетями, связывающими людей во всем мире, означает, что профессиональным ученым-исследователям может помочь большая команда, организованная по сетевому принципу.

За последние 20 лет во всем мире возникли тысячи гражданских научных проектов с привлечением миллионов участников для сбора и обработки данных, причем лидирующие позиции у естественных наук, которые сделали ставку на любознательности человека, на его способности (стремлении) наблюдать окружающий мир, явления

природы, начиная от растений и птиц возле своего дома до гражданских обсерваторий для эффективных наблюдений Земли. Проекты гражданской науки делятся на четыре основные категории: разработка исследовательского проекта, измерение результатов, привлечение новой аудитории и поиск новых направлений исследований [8]. Наличие персональных гаджетов, сетевизация и цифровизация позволяют фиксировать, документировать и мгновенно передавать полученную информацию, а заинтересованным научным структурам – обобщать и систематизировать большие объемы данных, что дает основания говорить о гражданской науке как об исследовательской революции.

Гражданские научные проекты позволяют участникам получить больше информации о научных знаниях и процессах, повышают осведомленность общественности о разнообразии научных исследований и придают осмысленность интересам участников, что соответствует современной идеологической установке на формирование институтов общественного развития и стратегию инклюзивного роста, подразумевающую улучшение положения людей, в том числе за счет подключения их к сетям, которые делают их продуктивными, успешными.

Кроме того, гражданская наука делает акцент на социально значимых направлениях и выполняет важную пропагандистскую функцию, обеспечивая внимание граждан всего мира к экологическому мониторингу, вопросам рационального использования природных ресурсов.

Потенциал гражданской науки в социально-политических процессах также состоит в том, что гражданская наука может внести позитивный вклад в формирование социального благополучия через обеспечение общественного кон-

сенсуса и солидаризацию общества, как, к примеру, часто бывает при принятии местных экологических решений [11; 12]. Улучшение социального климата происходит и за счет изменения мнения граждан, участвующих в проектах гражданской науки, о ценности своего голоса и повышения их самооценки. Многие участники проектов реализуют свои мечты, присоединяясь к глобальным исследованиям НАСА, участвуя в изучении Марса или поисках захоронения Чингисхана, поскольку сетевая коммуникация раздвигает границы возрастных или территориально-государственных ограничений.

Следует обратить внимание на то, что, только возникнув, гражданская наука приобрела как сторонников и участников, так и значительное число критиков. Дискуссия по вопросу существования и о перспективах развития гражданской науки является достаточно острой и разворачивается преимущественно в интернете. Среди претензий к современной гражданской науке следует выделить несколько существенных моментов.

Прежде всего, это критика качества собранных данных. Сбор информации непрофессионалами, людьми без образования, возможные ошибки или сознательные искажения фактов создают значительные проблемы в признании достоверности полученных сведений.

Другим, не менее важным, вопросом касается принципов и способов мотивации гражданских исследований. Могут ли граждане доверять заявленным в исследовательских проектах целям? Не возникнут ли в этом направлении манипуляторные практики? Где гарантии защиты от обмана граждан или введения их в заблуждение? Тем более ряд исследований (составление карт, взятие проб воды или почвы) могут иметь отношение к государственной тайне и

противоречить принципам национальной безопасности.

Наконец, если исходить из утверждения об осознанном и бескорыстном волонтерском участии в процессе сбора научных данных, возникает ряд морально-этические проблем, связанных с правомерностью и этичностью использования неоплачиваемого труда граждан (налогоплательщиков) теми академическими структурами или научными коллективами, кто получает от государства деньги, как в форме зарплат сотрудников, так и в форме различных правительственных и неправительственных грантов.

В ЕС гражданская наука развивается как область исследований с участием различных дисциплин, содействуя инновациям в науке, обществе и политике [7; 8]. Междисциплинарные дискуссии и критический анализ необходимы для использования текущего импульса в целях оценки, демонстрации и развития достижений, достигнутых за последние несколько лет – все это было представлено на первой международной конференции по гражданским наукам Европейской ассоциации гражданских наук (ECSA) в 2016 г. в Берлине (<https://ecsa.citizen-science.net/events/ecsa-events/first-international-ecsa-conference-2016>). Акцент был сделан на том, как новые и традиционные способы работы граждан с учеными могут обеспечить преобразующий потенциал для усиления научно-политического и социального воздействия, научного прогресса, научной грамотности и расширения прав и возможностей в современных обществах.

Чтобы стимулировать инновации, гражданская наука должна четко продемонстрировать свои преимущества и способствовать активному взаимодействию и установлению новых форматов сотрудничества, включая истинное сов-

местное проектирование будущих исследований с участниками. Для содействия политическим достижениям важно обеспечить открытость целеполагания, использовать возможности для мониторинга и разработки политики, привлекать имеющих отношение к процессу выработки политики и работать в контакте со структурами, финансирующими научные организации, чтобы найти адекватные возможности и инструменты для поддержки гражданской науки и активных граждан.

С точки зрения развития общества крайне важно взаимодействовать с общественными субъектами в различных форматах, чтобы оценивать результаты двустороннего обучения, а также развивать преобразующую роль научной коммуникации.

В равной степени многие исследователи, делающие ставку на гражданскую науку, стремятся к повышению социальной значимости исследований и к максимальной полезности их результатов для общества, к решению важных для общества вопросов. Успешные гражданские научные проекты ориентированы на междисциплинарные подходы и методики исследований.

Гражданские научные проекты обладают значимым потенциалом развития взаимодействия структур науки, образования, бизнеса, государственных структур и гражданских активистов [14]. Это возможности актуализации ряда экологических проблем или, к примеру, поиски стратегий развития современных мегаполисов, особенно в случаях конфликта интересов. Проекты гражданской науки зачастую организованы по принципу «мозгового штурма», они обеспечивают обмен разумными идеями и прорывными технологиями, обмен знаниями и формирование новых проблем и вопросов исследования [13]. Гражданская наука рассматривается как

путь, способствующий инклюзивному развитию общества с ориентацией на устойчивость [10; 13], генерируя новые идеи и инновации для решения насущных социальных проблемы.

Коллективные арены коммуникации, которые создает гражданская наука, могут открыть новые роли и возможности как для профессиональных, так и для добровольных партнеров [15]. Кроме того, они выполняют важную функцию социального обучения. На анализ результатов социального обучения обращают внимание зарубежные исследователи. Они пишут о том, что процесс социального обучения в сетях намного сложнее документировать, чем привычные формы обучения (фактические и инструментальные результаты), следовательно, они часто остаются невидимыми. Согласно Р. Буллу, Дж. Петтсу и Дж. Эвансу, понятие социального обучения или «научения» расширяет понимание учебного процесса. Социальное обучение означает, что люди приобретают опыт, вовлекаются в процесс сотрудничества, учатся сотрудничать, задумываются о своей деятельности в контексте постановки общезначимых целей и публичных ценностей, получают навыки выработки коллективных суждений и, тем самым, развивают свои персональные, личностные и гражданские способности [9].

Именно с этих позиций для России проекты гражданской науки представляют интерес и обладают значительным потенциалом общественного развития и социального обучения, в частности. Сегодня в России краудсорсинг развивает начала децентрализации и демократизации, базируется на таких публичных ценностях, как *сотрудничество* и *доверие*, оказывает поддержку принципиально важным государственным или гражданским инициативам по информированию, консультированию, коопе-

рации, взаимопомощи [3]. Инициатива по развитию этого направления исходила от государства, прежде всего, поскольку оно обеспечивает институциональные рамки такого взаимодействия. В качестве примера можно привести информационно-коммуникационные площадки и отдельные гражданские проекты, возникающие спонтанно, благодаря энтузиазму отдельных людей, желающих принимать участие в публичном управлении, призванные улучшить работу с органами власти, прежде всего, помогать гражданам защищать свои интересы («Право.Ru», «DalSlovo.Ru», «Роспил», «Роскомвзятка», iGrajdanin и т. д.).

Государственная программа РФ «Информационное общество», разработанная для создания целостной и эффективной системы использования информационных технологий и принятая распоряжением Правительства России № 1815-р от 20 октября 2010 г., позволила достичь следующих результатов:

- средняя степень информационной открытости федеральных органов власти выросла;
- увеличивается количество услуг полного цикла (есть возможность осуществлять платежи и оплачивать штрафы с помощью мобильных телефонов);
- федеральные органы власти перешли на систему электронного взаимодействия при оказании услуг гражданам;
- созданы единая система идентификации и аутентификации, сервис проверки сертификатов и ключей электронной подписи.

Благодаря реализации программы повышается значение такой ценности, как подотчетность в деятельности государственного аппарата и муниципальных структур: любые решения стано-

вятся более доступными для критики со стороны общества [1].

Представление об электронном правительстве в Российской Федерации за десятилетие прошло путь от простого обеспечения компьютерами органов власти до понимания качественно нового этапа в публичном управлении, прежде всего благодаря нарастающему гражданскому участию и «низовому гражданскому сотрудничеству» [2, с. 110]. И если на первом этапе, в соответствии с логикой менеджериального подхода, электронное правительство ориентировалось на граждан как на клиентов, то в настоящее время происходит постепенная смена подобной парадигмы с акцентом на значительно большем участии граждан в процессе публичного управления и принятии политических решений. Электронное правительство трансформируется под воздействием новых потребностей и ценностей граждан. Средства *Web 2.0*, такие как *Vkontakte*, *Facebook*, *Twitter*, *Instagram*, играют все большую роль при принятии политических решений и в электоральных процессах, поскольку обеспечивают получение альтернативной политической информации, делают возможным проведение гражданского мониторинга выборов.

Государство приходит к пониманию того, что интересы граждан уже невозможно не учитывать в принятии тех решений, которые прямо направлены на проблемы взаимодействия с обществом, иначе возможности ИКТ будут направлены против действующего правительства. С другой стороны, потребности и запросы со стороны российского гражданского общества зачастую опережают готовность государства идти на контакт, результатом чего становится сформированная гражданами параллельная электронная реальность, что особенно отчетливо проявилось в ходе электораль-

ных циклов 2011-2012 и 2018 гг. Сети в публичной политике представляют собой систему государственных и негосударственных образований, использующих общие формальные и неформальные нормы, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной взаимозависимости с целью достижения общего согласия, публичного блага. Они могут быть признаны наиболее эффективным видом связи государства и гражданского общества, но их нельзя понимать как завершенные образования; скорее, это процесс, предполагающий перманентное развитие инновационных решений, постоянную работу над проводимыми мероприятиями, поиск новых коммуникационных каналов и социальное научение.

Расширение сферы публичного в России, «рождение публичной политики» связывают с масштабными акциями, зародившимися в недрах социальных сетей, в интернете, а затем прокатившимися по улицам, городам страны (акции болельщиков, деятельность общества автомобилистов «Синие ведерки», борьба за Химкинский лес, борьба с Охта-центром в Санкт-Петербурге или за сохранение музея Исаакиевского собора). В основе такой сети лежит «проблемный» способ организации. «Проблема» является объединяющей (диалоговой) материей и предполагает определенный тип организации совместного действия. За счет своей коммуникативной природы сеть является средством идентификации общей проблемы, приобщения к ней именно как к универсальной проблеме, а не как к временно затруженности в своей локальной деятельности.

На этапе информатизации, когда обмен знаниями и технологиями становится жизненно важным для развития каждой фирмы, отрасли и национальных экономик, пришло понимание

необходимости управления знаниями и социально-информационными процессами (*knowledge management*). Идея современных сетевых проектов («Северо-Запад – новое гуманитарное измерение», «Балтика. Паруса мира») состоит в том, что культурные ресурсы территорий могут стать точкой роста для современных программ развития территорий, качественного улучшения среды и уровня жизни и даже налаживания трансграничного сотрудничества.

Установка на *понимание*, режим горизонтальной коммуникации и принципиальная *открытость*, *прозрачность*, *доверие*, *способность к кооперации*, *соучастие* относятся как к практике организационного управления, так и к «этическому императиву». Благодаря сетевым организациям в публичной сфере открываются новые возможности для развития гражданского общества, преодоления личностной изоляции граждан, фрагментации общества, ангажированности органов государственной власти, неразвитости социальных коммуникаций. Современное развитое гражданское общество – это «сетевое гражданское общество», характеризуемое Ю. Хабермасом открытостью, установлением широких, многомерных связей коммуникации, спонтанностью, свободным формированием, текучестью [6]. В широком смысле свою воспитательную функцию гражданское общество выполняет с помощью продуцирования в обществе этических норм и правил: оно формирует основные нравственные добродетели людей, способствует выработке цивилизованного поведения и социальной ответственности, что позволяет современным исследователям говорить о «коммуникативной власти гражданского общества» [4].

Проекты гражданской науки, наряду с повышением уровня образования и усилением интереса к науке, способ-

ствуют приобретению опыта публично-го согласования интересов, формированию общей системы ценностных ориентиров, а также предполагают совместную ответственность не только за результат конкретного научного проекта, но и за свою территорию проживания, и шире – за всю планету, если принять во внимание экологические проекты межгосударственного плана.

Кроме того, сетевизация и цифровизация общества предъявляют новые требования к компетенциям современного человека и выводят на первый план его способности к поиску нестандартных решений в условиях многозадачно-

сти, нелинейности и бесконечности информации, междисциплинарности и интегрирующего гуманитарные и естественно-научные знания, формирующего методологическую базу для надотраслевых исследований. Несмотря на то, что далеко не все существующие гражданские научные проекты предназначены для достижения большей степени общественного понимания науки, для социальных изменений или улучшения отношений между наукой и обществом, эти проекты, которые действительно требуют усилий и ресурсов, выступают стимулами повышения гражданской активности.

Библиографический список

1. Волкова, А. В. Электронное правительство и формирование публичных ценностей в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. – 2013. – № 3. – С. 84-92.
2. Кулакова, Т. А. Соотношение практик принуждения и сотрудничества в политическом управлении современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2011. – Вып. 4. – С. 110.
3. Мирошниченко, И. В. Политическое измерение краудсординга в условиях модернизации современной России // Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований : сб. статей / под ред. Л. В. Сморгунова, Е. В. Морозовой. – Краснодар : КГУ. 2011. – С. 99-109.
4. Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82-102.
5. Фейерабенд, П. К. Наука в свободном обществе. Перевод на русский язык: А. Л. Никифоров. – М. : АСТ, 2010. – 333 с. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 05.09.2012. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6634> (12.03.2019)
6. Флишберг, Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества / пер. Н. В. Романовский // Социс. – 2000. – № 2. – С. 127-136.
7. Ashcroft, R. They walk among us: The rise of citizen science // Environmental Scientist. Special Issue. – 2016. – 25(2).
8. Bonney, R., Phillips, T. B., Ballard, H. L. and Enck, J. W. Can citizen science enhance public understanding of science? // Public Understanding of Science. – 2016. – 25(1). – P. 2-16.
9. Bull, R., Petts, J. and Evans, J. Social learning from public engagement: dreaming the impossible? // Journal of environmental planning and management. – 2008. – 51(5). – P. 701-716.

10. Buytaert, W., Zulkafli, Z., Grainger, S., Acosta, L., Alemie, T. C., Bastiaensen, J., De Bièvre, B., Bhusal, J., Clark, J., Dewulf, A., Foggin, M., Hannah, D. M., Hergarten, C., Isaeva, A., Karpouzoglou, T., Pandeya, B., Paudel, D., Sharma, K., Steenhuis, T., Tilahun, S., Van Hecken, G. and Zhumanova, M. Citizen science in hydrology and water resources: opportunities for knowledge generation, ecosystem service management, and sustainable development // *Frontiers in Earth Science*. – 2014. – № 2. – P. 26.
11. Chapman, C. and Hodges, C. Can Citizen Science Seriously Contribute to Policy Development?: A Decision Maker's View. In: Luigi, C. and Jaume, P. (eds.), *Analyzing the Role of Citizen Science in Modern Research*. – Hershey, PA, USA: IGI Global, 2017. – P. 246-261.
12. Hecker, S., Bonney, R., Haklay, M., Hölker, F., Hofer, H., Goebel, C., Gold, M., Makuch, Z., Ponti, M., Richter, A., Robinson, L., Iglesias, J. R., Owen, R., Peltola, T., Sforzi, A., Shirk, J., Vogel, J., Vohland, K., Witt, T. and Bonn, A. Innovation in Citizen Science – Perspectives on Science-Policy Advances // *Citizen Science: Theory and Practice*. – 2018. – 3(1): 4. – P. 1-14.
13. Hinchliffe, S., Levidow, L. and Oreszczyn, S. Engaging cooperative research // *Environment and Planning A*. – 2014. – 46(9). – P. 2080-2094.
14. Landström, C., Whatmore, S. J., Lane, S. N., Odoni, N. A., Ward, N. and Bradley, S. Coproducing flood risk knowledge: redistributing expertise in critical 'participatory modelling' // *Environment and Planning A*. – 2011. – 43(7). – P. 1617-1633.
15. Lawrence, A. 'No personal motive?' Volunteers, biodiversity, and the false dichotomies of participation // *Ethics Place and Environment*. – 2006. – 9(3). – P. 279-298.
16. Peltola, T., Åkerman, M., Bamberg, J., Lehtonen, P. and Ratamäki, O. Emergent publics and affects in environmental governance // *Journal of Environmental Policy and Planning*. – 2017.
17. Roy, H. E., Pocock, M. J. O., Preston, C. D., Roy, D. B., Savage, J., Tweddle, J. C. and Robinson, L. D. Understanding Citizen Science & Environmental Monitoring. Final Report on behalf of UK-EOF. NERC Centre for Ecology & Hydrology and Natural History Museum. – 2012. Available from: <http://www.ceh.ac.uk/sites/default/files/citizensciencereview.pdf>.

References

1. Volkova, A. V. Ehlektronnoe pravitel'stvo i formirovanie publichnyh cennostej v sovremennoj Rossii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 6. – 2013. – № 3. – S. 84-92.
2. Kulakova, T. A. Sootnoshenie praktik prinuzhdeniya i sotrudnichestva v politicheskom upravlenii sovremennoj Rossii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 6. – 2011. – Vyp. 4. – S. 110.
3. Miroshnichenko, I. V. Politicheskoe izmerenie kraudsordinga v usloviyah modernizacii sovremennoj Rossii // *Ehkstraordinarnost', sluchajnost' i protest v politike: tematiceskoe i metodologicheskoe pole sravnitel'nyh issledovanij*. Sb. statej / pod red. L. V. Smorgunova, E. V. Morozovoj. – Krasnodar: KGU, 2011. – S. 99-109.
4. Miroshnichenko, I. V., Morozova, E. V. Setevaya publichnaya politika: kontury predmetnogo polya // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. – 2017. – № 2. – S. 82-102.
5. Fejerabend, P. K. Nauka v svobodnom obshchestve. Perevod na russkij yazyk: A. L. Nikiforov. – M. : AST, 2010. – 333 s. // *Ehlektronnaya publikaciya: Centr gumani-*

tarnyh tekhnologij. – 05.09.2012. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6634> (12.03.2019)

6. Flivberg, B. Habermas i Fuko – teoretiki grazhdanskogo obshchestva / per. N. V. Romanovskij // Socis. – 2000. – № 2. – S. 127-136.

7. Ashcroft, R. They walk among us: The rise of citizen science // Environmental Scientist. Special Issue. – 2016. – 25(2).

8. Bonney, R., Phillips, T. B., Ballard, H. L. and Enck, J. W. Can citizen science enhance public understanding of science? // Public Understanding of Science. – 2016. – 25(1). – P. 2-16.

9. Bull, R., Petts, J. and Evans, J. Social learning from public engagement: dreaming the impossible? // Journal of environmental planning and management. – 2008. – 51(5). – P. 701-716.

10. Buytaert, W., Zulkafli, Z., Grainger, S., Acosta, L., Alemie, T. C., Bastiaensen, J., De Bièvre, B., Bhusal, J., Clark, J., Dewulf, A., Foggin, M., Hannah, D. M., Hergarten, C., Isaeva, A., Karpouzoglou, T., Pandeya, B., Paudel, D., Sharma, K., Steenhuis, T., Tilahun, S., Van Hecken, G. and Zhumanova, M. Citizen science in hydrology and water resources: opportunities for knowledge generation, ecosystem service management, and sustainable development // Frontiers in Earth Science. – 2014. – № 2. – P. 26.

11. Chapman, C. and Hodges, C. Can Citizen Science Seriously Contribute to Policy Development?: A Decision Maker's View. In: Luigi, C. and Jaume, P. (eds.), Analyzing the Role of Citizen Science in Modern Research. – Hershey, PA, USA: IGI Global, 2017. – P. 246-261.

12. Hecker, S., Bonney, R., Haklay, M., Hölker, F., Hofer, H., Goebel, C., Gold, M., Makuch, Z., Ponti, M., Richter, A., Robinson, L., Iglesias, J. R., Owen, R., Peltola, T., Sforzi, A., Shirk, J., Vogel, J., Vohland, K., Witt, T. and Bonn, A. Innovation in Citizen Science – Perspectives on Science-Policy Advances // Citizen Science: Theory and Practice. – 2018. – 3(1): 4. – P. 1-14.

13. Hinchliffe, S., Levidow, L. and Oreszczyn, S. Engaging cooperative research // Environment and Planning A. – 2014. – 46(9). – P. 2080-2094.

14. Landström, C., Whatmore, S. J., Lane, S. N., Odoni, N. A., Ward, N. and Bradley, S. Coproducing flood risk knowledge: redistributing expertise in critical 'participatory modelling' // Environment and Planning A. – 2011. – 43(7). – P. 1617-1633.

15. Lawrence, A. 'No personal motive?' Volunteers, biodiversity, and the false dichotomies of participation // Ethics Place and Environment. – 2006. – 9(3). – P. 279-298.

16. Peltola, T., Åkerman, M., Bamberg, J., Lehtonen, P. and Ratamäki, O. Emergent publics and affects in environmental governance // Journal of Environmental Policy and Planning. – 2017.

17. Roy, H. E., Pocock, M. J. O., Preston, C. D., Roy, D. B., Savage, J., Tweddle, J. C. and Robinson, L. D. Understanding Citizen Science & Environmental Monitoring. Final Report on behalf of UK-EOF. NERC Centre for Ecology & Hydrology and Natural History Museum. – 2012. Available from: <http://www.ceh.ac.uk/sites/default/files/citizensciencereview.pdf>

ЭКОНОМИКА

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10338

УДК 332.1

Л. Г. Батракова <https://orcid.org/0000-0003-2356-3511>

Развитие цифровой экономики в регионах России

Аннотация. Цифровая трансформация в России немислима без участия регионов, она является комплексной стратегией регионального развития. В статье рассмотрены подходы к определению термина «цифровая экономика». Указана нормативная база развития цифровой экономики в регионах. Проанализирован объем финансирования мероприятий по информатизации за счет средств субъектов Российской Федерации. Среди приоритетных подиндексов рейтинга информатизации регионов выделены ИКТ-инфраструктура, электронное правительство, ИКТ в сфере образования, ИКТ в сфере здравоохранения и ИКТ в сфере транспорта. Рассмотрено построение индекса «Цифровая экономика». Дана статистика развития информационного общества в Российской Федерации. Проведен анализ проблем и рисков, препятствующих развитию цифровой экономики в России.

Ключевые слова: цифровая экономика, регионы, индекс «Цифровая Россия».

ECONOMICS

L. G. Batrakova

Development of digital economy in Russian regions

Abstract. Digital transformation in Russia is unthinkable without the participation of the regions, it is a comprehensive strategy of regional development. The article considers approaches to the definition of the term «digital economy». The regulatory framework for the development of the digital economy in the regions is indicated. The volume of financing of measures on informatization at the expense of means of subjects of the Russian Federation is analyzed. Among the priority sub-indices of the rating of informatization of the regions are: ICT infrastructure, e-government, ICT in education, ICT in health and ICT in transport. The construction of the index «Digital economy» is considered. The statistics of information society development in the Russian Federation is given. The analysis of problems and risks hindering the development of the digital economy in Russia.

Keyword: the digital economy, the regions, the index «Digital Russia».

Развитие цифровой сферы объявлено в России одним из важнейших направлений развития страны. Основными | целями государственной информатизации являются улучшение качества жизни граждан, создание условий для по-

© Батракова Л. Г., 2019

вышения уровня открытости власти, ликвидация цифрового неравенства.

Термин «цифровая экономика» (digital economy) был введен в употребление американским специалистом в области информатики, основателем медиалаборатории (Media Labs) Массачусетского технологического института (MIT) Николасом Негропonte (род. 1 декабря 1943 г.) в 1995 г. [19]. В настоящее время термин «цифровая экономика» (встречаются и такие названия, как *интернет-экономика*, *новая экономика* или *веб-экономика*) используется во всем мире, несмотря на то, что его однозначное определение до сих пор отсутствует, а содержание также требует уточнения. Большое количество новых терминов, которые употребляются авторами публикаций о цифровых технологиях, определяет сложности в понимании сущности явления цифровой экономики.

В июне 2017 г. в аналитическом центре при Правительстве РФ обсуждался вопрос о роли правительства в развитии цифровизации. Участники отметили, что общего представления о цифровой экономике нет и что каждая страна имеет свой путь в развитии цифровой экономики. Ввиду отсутствия у экспертов, включая представителей Всемирного банка, научного понимания «цифровой экономики» научная методология оценки готовности стран к цифровой экономике подменяется субъективными оценками экспертов [9, с. 45]. Следовательно, проблема становления и развития цифровой экономики актуальна не только в теоретическом, но и в практическом аспекте.

В докладе Всемирного банка о мировом развитии «Цифровые дивиденды» (2016 г.) говорится, что информационные технологии приобретают все

большую важность в экономическом развитии всех стран мира без исключения. «Цифровая экономика» в докладе определена в широком смысле слова как система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий [10].

Определение цифровой экономики дано в «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017-2030 годы»: «Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых, по сравнению с традиционными формами хозяйствования, позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [18].

На наиболее значимой ежегодной экономической конференции в России – Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) (июнь 2017 г.) В. Путин подчеркнул: «...цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути, это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, госуправления, коммуникаций между людьми, а следовательно, задает новую парадигму развития государства, экономики и всего общества». На конференции были обозначены основные направления работы в цифровой экономике: совершенствование нормативной базы, господдержка компаний, специализирующихся на цифровых технологиях, создание государством и бизнесом

опорной инфраструктуры цифровой экономики, выпуск специалистов в сфере цифровой экономики, а также внедрение всеобщей цифровой грамотности.

Цифровая трансформация в России немислима без участия регионов, она является комплексной стратегией регионального развития. Главная задача правительства – повышение вовлеченности регионов в реализацию национального проекта «Цифровая экономика» и обеспечение учета их реальных возможностей и интересов.

Большинство регионов связывает развитие цифровой экономики с информационным обществом как объединяющим блоком на основе информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.

Однако в развитии цифровизации регионов существуют определенные проблемы. Среди основных выделим следующие: недостаточное финансирование ИТ-проектов в регионах, кадровый дефицит, несогласованность действий между разными уровнями власти. Кроме того, в отдаленных и малонаселенных регионах существует проблема, связанная с отсутствием или слабым развитием региональной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры.

21 мая 2010 г. в Томске на XIII Инновационном форуме «Innovus» при поддержке Минэкономразвития, Роснано, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации была создана межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации – «Ассоциация инновационных регионов России» (АИРР). Данное объединение было создано для поддержки и продвижения инновационных экономических,

научно-технических и образовательных проектов. В настоящее время в АИРР входят республики Башкортостан, Мордовия и Татарстан, Алтайский, Красноярский и Пермский края, Иркутская, Калужская, Липецкая, Новосибирская, Самарская, Томская, Тюменская и Ульяновская области.

Все регионы АИРР отмечают в качестве приоритетных сфер применения цифровых технологий образование, здравоохранение, «умный» город (ЖКХ, транспорт, инфраструктура), государственное управление. В регионах существуют программы, где рассматриваются вопросы развития цифровых технологий:

- в сфере образования регионов развитие цифровых технологий связано с внедрением информационных систем (электронное образование, представляющее собой систему обучения с помощью различных электронных и информационных технологий; электронные образовательные платформы, внедрение сетевых и дистанционных образовательных программ и др.). В целях реализации государственной политики в Республике Коми внедрены инструменты эффективного управления территориями «Электронное образование» (подсистема «Сетевой Город. Образование»);

- в сфере здравоохранения развитие цифровых технологий реализуется преимущественно посредством автоматизации и роботизации лечебных и диагностических процессов, а также создания центров компетенций;

- предпринимательство и инновации;

- ЖКХ;

- государственное и муниципальное управление;

- потребительский рынок;
- труд, социальная защита населения [14].

Ярославская область входит в первую двадцатку субъектов РФ по уровню развития информационного общества. Реализация проектов в сфере информационных технологий (формирование инфраструктуры, развитие электронного правительства, создание сервисов и услуг на базе информационно-коммуникационных технологий) является одним из основных направлений программы социально-экономического развития Ярославского региона «10 точек роста». За счет перехода на электронный документооборот, автоматизации процедур и процессов повысилась эффективность государственного и муниципального управления. Жители Ярославля могут влиять на работу местных властей, проголосовать за проект благоустройства территории города и пр.

По результатам мониторинга Минэкономразвития, Ярославская область относится к числу лидеров по качеству предоставления государственных услуг в электронной форме: на портале госуслуг зарегистрировано около 400 тысяч жителей региона, в электронной форме доступно порядка 300 региональных и муниципальных услуг.

На IV Всероссийском конкурсе региональной и муниципальной информатизации «Проф-ИТ» региональная комплексная информационная система «Государственные услуги – Ярославская область» признана одной из пяти лучших в номинации «Лучший проект импортозамещения в сфере информационных технологий».

В апреле 2018 г. в Совете Федерации был создан совет по развитию цифровой экономики. К основным задачам были

отнесены изучение тенденций развития цифровой экономики, разработка рейтинга цифровизации регионов, подготовка предложений по формированию и реализации госполитики в этой области. Субъектам Федерации было рекомендовано разработать «дорожные карты» по цифровизации. Необходимость внедрения рейтинга объясняется тем, что у регионов отсутствуют показатели и ожидаемые результаты, которые можно контролировать.

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центр экспертизы и координации информатизации» провел анализ и мониторинг региональных ИТ-бюджетов. Совокупный объем финансирования мероприятий по информатизации в субъектах Российской Федерации в 2017 г. составил порядка 85 млрд рублей, что на 21,6 % больше, чем в 2016 г. Запланирован рост расходов на финансирование мероприятий по информатизации в 2018 г. до 100 млрд рублей [12].

В 2018 г. лидером по объему финансирования, запланированному на информатизацию, является Москва – 49,9 млрд рублей. Второе место занимает Санкт-Петербург с объемом бюджета 10,1 млрд рублей. Третье место – Московская область с бюджетом 5,2 млрд рублей. На четвертом месте Ханты-Мансийский автономный округ с бюджетом 2,6 млрд рублей. На пятом месте Республика Татарстан с запланированным бюджетом в 1,8 млрд рублей. Всего на долю топ-5 приходится 67 % всех региональных ИКТ-расходов (табл. 1).

В Федеральном государственном бюджетном учреждении «Центр экспертизы и координации информатизации» (ФГБУ «ЦЭКИ») отмечают, что главными направлениями расходов регионов в 2017-2018 гг. являются формирование

базовой инфраструктуры связи, создание отраслевых информационных систем, перевод государственных услуг в электронную форму. Это указывает на то, что затраты регионов соответствуют основным целям Концепции региональ-

ной информатизации, а также Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

Таблица 1

Сведения об объемах финансирования мероприятий по информатизации за счет средств субъектов Российской Федерации [12]

№	Субъект РФ	Объем финансирования в 2017 г., тыс. руб.	Объем финансирования в 2018 г., тыс. руб. (плановые значения)
1	Москва	41165865,7	49932183
2	Санкт-Петербург	8029488,6	10187867,8
3	Московская область	4359150,8	5217967,1
4	Ханты-Мансийский АО	1820138,7	2665620,1
5	Республика Татарстан	1780813,3	1815027,1
...			
34	Ярославская область	392100,1	389774,5
...			
83	Астраханская область	19091,6	39700
84	Республика Ингушетия	11000	12000
85	РСО-Алания	9036	24915,4
	Итого	85233668,39	101672592,05

Источник данных – ЦЭКИ (на основе опроса регионов).

В табл. 1 об объемах финансирования мероприятий по информатизации видно, что в бюджетах всех субъектов РФ запланировано финансирование развития цифровизации, и оно ежегодно увеличивается. Финансируются масштабные программы по информатизации и цифровизации городов и регионов («Умный город» в Москве, «Программа информатизации» в Республике Татарстан и т. п.).

Работа с информацией оценивается как одно из главных направлений работы. В 2017 г. Россия потратила 55 млрд рублей на защиту цифровых данных. Очевидно, что особо заинтересованы в инвестировании в IT-безопасность банковская, промышленная и государственная сферы.

Необходимость отражения наличия и успешности инициатив, связанных с цифровизацией на региональном уровне, послужила мотивацией для разработки индекса развития цифровой экономики. Центром финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления СКОЛКОВО разработана авторская методология расчета индекса «Цифровая экономика», который учитывает количественные показатели и экспертную оценку, основанную на анализе метаданных, отражающих процессы цифровизации регионов. Индекс «Цифровая Россия» – это первая и на данный момент единственная система измерения текущего состояния и динамики цифровизации страны.

Система оценки охватывает развитие цифровой экономики 85 субъектов Рос-

сийской Федерации, включая республику Крым и Севастополь. Значение индекса «Цифровая Россия» заключается в том, что он помогает государственным структурам выявить опережающие и отстающие регионы и скорректировать их деятельность по развитию цифровой экономики.

Сам индекс состоит из нормированных субиндексов, которые описывают уровень нормативного регулирования и административные показатели, кадры и учебные программы, исследовательские компетенции, информационную инфраструктуру и информационную безопасность, экономическую эффективность, социальные эффекты и научную деятельность. Итоговая оценка складывается из суммы субиндексов, максимальная оценка – 100 баллов. Если та или иная

инициатива имеет конкретные действия (например, по созданию информационной инфраструктуры), не противоречит государственному стратегическому взгляду и имеет положительные социально-экономические и бизнес-эффекты, она получает 100 баллов.

Среди приоритетных подиндексов рейтинга ИКТ-инфраструктура, электронное правительство, ИКТ в сфере образования, ИКТ в сфере здравоохранения и ИКТ в сфере транспорта. Перечень подиндексов соответствует разделам Концепции развития региональной информатизации, утвержденной распоряжением правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2769-р. Значения Индекса «Цифровая Россия» в регионах ЦФО показаны в таблице 2.

Таблица 2

Индекс «Цифровая Россия» в регионах ЦФО в I полугодии 2018 г.

Место (ЦФО)	Место (Россия)	Регион	Индекс I полугодие 2018	Индекс 2017	Динамика, %
1	1	Москва	75,14	70,01	+7,33
2	7	Московская область	71,86	65,61	+9,53
3	11	Липецкая область	69,8	62,59	+11,52
4	13	Белгородская область	69,49	64,51	+7,72
5	15	Воронежская область	68,51	61,57	+11,27
.....					
9	24	Ярославская область	64,42	57,96	+11,15 %
.....					
16	65	Костромская область	46,01	28,55	+61,16 %
17	69	Брянская область	44,84	28,36	+58,11 %
18	70	Орловская область	43,92	27,85	+57,70 %

Источник данных – Московская школа управления СКОЛКОВО

В целом по России первое место по цифровизации в первом полугодии 2018 г. заняла Москва. Второе место – Татарстан с коэффициентом 74,74 (2017 г. – 67,95), далее – Санкт-Петербург с коэффициентом 74,55 (2017 г. – 67,54). Как отмечают исследователи, данные регионы отличаются высокой плотностью населения, а также наличием современной промышленности и образовательной инфраструктуры.

К десяти лучшим относятся Ханты-Мансийский автономный округ (74,24; 67,88), Тюменская область (74,01; 65,44), ЯНАО (72,43; 66,03), Московская область (71,86; 65,61), Республика Башкортостан (71,29; 65,08), Ленинградская область (71,25; 62,45) и Челябинская область (70,75; 59,81). На последних трех местах рейтинга находятся Республика Тыва (38,2; 34,04), Республика Ингушетия (38,15; 28,03) и Еврейская автономная область (37,2; 26,06).

Средний балл цифровизации, по сравнению с 2017 г., повысился и составил 55,94, сократился разброс регио-

нальных значений, увеличилось среднее медианное значение индекса – 56,22 балла в 2018 г. против 45,57 в 2017-м.

По данным из открытых источников, основными факторами, влияющими на неравномерное развитие цифровизации в регионах, являются

- недостаток квалифицированных кадров;
- недостаток финансирования;
- наличие цифрового неравенства.

Необходимо формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития цифровых технологий.

По данным рейтинга Digital Society Index 2017, Россия по уровню развития цифровой экономики занимает десятое место: по уровню вовлеченности (доступ к инфраструктуре, профессиям и рабочим местам эпохи digital) – 7, а по уровню доверия, которое является ключевым условием развития цифровой экономики, – 9 (табл. 3).

Таблица 3

Показатели рейтинга по уровню развития цифровой экономики стран мира в 2017 г. [18]

Место	Динамика	Вовлеченность	Доверие	Итого
1	США	Великобритания	Китай	Великобритания
2	Великобритания	Китай	Германия	США
3	Германия	США	Великобритания	Китай
4	Франция	Австралия	Австралия	Германия
5	Австралия	Франция	Франция	Франция
6	Япония	Германия	США	Австралия
7	Испания	Россия	Испания	Испания
8	Китай	Испания	Италия	Италия
9	Италия	Италия	Россия	Япония
10	Россия	Япония	Япония	Россия

При анализе уровня развития цифровой экономики в стране необходимо рассматривать и такие показатели, как инновационный характер экономики, увеличение числа пользователей сетевых технологий, рост образовательного уровня населения, оборот электронной торговли, количество интернет-

магазинов, число людей, использующих компьютеры, количество пользователей, имеющих доступ к интернету, уровень компьютерных навыков населения, объем инвестиций в телекоммуникации и др. Особенности развития информационного общества в России (по данным Росстата) представлены в табл. 4, 5.

Таблица 4

Развитие информационного общества в Российской Федерации [15]

Использование ИКТ в домашних хозяйствах			2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
2.6.4	Число мобильных телефонов на 100 домохозяйств	штук	228	237	244	250	257	256	245	245
Использование интернета										
2.6.5	Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету с домашнего компьютера, в общем числе домашних хозяйств	процент	41,3	50,2	59,1	65,1	67,0	68,4	70,3	70,3
2.6.6	Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, в общем числе домашних хозяйств	процент	48,4	56,8	63,8	69,1	69,9	72,1	74,8	76,3
2.6.7	Численность пользователей интернета на 100 человек населения	процент	64	67	70	73	76
2.6.8	Доля населения, являющегося активными пользователями интернета, в общей численности населения	процент	61,4	64,9	68,3	71,5	74,1

Таблица 5

**Проблемы и риски по основным направлениям развития
«цифровой экономики»**

Направления развития	Положительные стороны	Проблемы и риски
<p>Экономические</p>	<ul style="list-style-type: none"> – более открытый и доступный рынок; – рост производительности труда; – поиск новых конкурентных стратегий организаций; – повышение конкурентоспособности; – стремление увеличивать результативность конкурентной борьбы; – снижение издержек производства; – быстрота получения и обработки определенных, значимых данных как фактор производства; – создание новых отраслей, рабочих мест, профессий (например, таких как персональный бренд-менеджер, виртуальный адвокат, модератор платформы общения с представителями государственных органов, инфостилист, цифровой лингвист, тайм-брокер, дизайнер интерфейсов и др.); – появление объединений, заинтересованных в качественно иных технологических решениях 	<ul style="list-style-type: none"> – цифровая зависимость одной страны от другой – причина увеличения отставания в экономическом развитии между этими странами; – создание новых рыночных правил для ведения бизнеса, производителей и покупателей; – повышение уровня сложности бизнес-моделей и схем взаимодействия; – рост числа экономических преступлений в киберпространстве, в результате чего фирмы несут потери; – исчезновение некоторых профессий и некоторых отраслей экономики; – рост безработицы на рынке труда в связи с роботизацией рабочих мест; – снижение числа рабочих мест низкой и средней квалификации; – необходимость пересмотра административного и налогового кодексов; – выработка общей нормативной базы и международных стандартов для перспективных технологий; – спланированная дезинформация как фактор недобросовестной конкуренции; – осуществление незаконной предпринимательской деятельности

Направления развития	Положительные стороны	Проблемы и риски
Финансовые	<ul style="list-style-type: none"> – упрощение финансовых операций; – повышение роли электронных и цифровых денег 	<ul style="list-style-type: none"> – снижение уровня безопасности данных; – риск киберугроз, связанный с проблемой защиты персональных данных
Социальные	<ul style="list-style-type: none"> – преодоление социального неравенства; – появление новых возможностей для обеспечения жизни людей 	<ul style="list-style-type: none"> – потенциальное наблюдение за гражданами; – «цифровое рабство» как использование данных о населении для управления их поведением; – рост числа моделей поведения, использующих намеренно искаженную информацию; – проблема обеспечения прав человека в цифровом мире
Научные	<ul style="list-style-type: none"> – формирование нового научного направления развития информационных технологий 	<ul style="list-style-type: none"> – изменение терминологического аппарата, а также трактовка экономических категорий, интерпретация некоторых понятий; – низкий уровень внедрения отечественных разработок; – недостаточная эффективность научных исследований
Образовательные	<ul style="list-style-type: none"> – развитие электронного обучения; – развитие дистанционного обучения; – повышение собственной компетентности в сфере цифровых информационных технологий 	<ul style="list-style-type: none"> – разрыв в цифровом образовании, в условиях доступа к цифровым услугам и продуктам («цифровой разрыв»); – проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде; – недостаточный уровень кадрового обеспечения в области информационной безопасности
Управленческие	<ul style="list-style-type: none"> – развитие электронного документооборота; 	<ul style="list-style-type: none"> – проблема агрегации данных в единый комплекс управления организацией;

Направления развития	Положительные стороны	Проблемы и риски
	<ul style="list-style-type: none"> – использование информационно-коммуникационных систем в процессе управления; – снижение уровня бюрократии; – цифровизация государственных услуг 	<ul style="list-style-type: none"> – необходимость интеграции разнородных информационных сред в единое цифровое пространство фирмы; – зависимость организационной эффективности компании от ее цифрового потенциала; – увеличение рисков и уровня неопределенности во время принятия стратегических решений

Показатель «доля домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, в общем числе домашних хозяйств» является целевым индикатором реализации Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. Он входит в интегрированный показатель «Место Российской Федерации в международном рейтинге по индексу развития информационных технологий» государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 гг.)». С 2014 г. его расчет осуществляется по форме № 1-ИТ «Анкета выборочного обследования населения по вопросам использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей» (годовая). Срок предоставления официальной статистической информации – март.

В заключение отметим, что цифровая экономика – это новый вид экономических отношений во всех отраслях мирового рынка. Для ее развития необходимо создание инфраструктуры, включающей аппаратные средства, программное обеспечение, телекоммуникации и т. д., построение новых моделей ведения бизнеса, научных и социальных сетей, формирование доверия к надежности и безопасности цифровой инфраструктуры, оценка рисков, повышение уровня владения цифровыми технологиями, обучение и переквалификация специалистов. К предпосылкам развития цифровой экономики в России можно отнести высокий потенциал для подготовки специалистов цифровой экономики, наличие технологических решений по созданию эффективной инфраструктуры.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы».
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. N1632-р Программа «Цифровая экономика Российской Федерации».
3. Батракова, Л. Г. Возможности моделирования в экономике знаний // Математическое моделирование в экономике, страховании и управлении рисками : сб.

науч. статей Международной молодежной научно-практической конференции / Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, International Science Association (ISCASS). – Саратов, 2013. – С. 24-29.

4. Батракова, Л. Г. Показатели развития экономики знаний // Ярославский педагогический вестник. 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 107-111.

5. Батракова, Л. Г., Колпакова, А. Г. Стратегия и тактика процесса управления знаниями // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 109-112.

6. Батракова, Л. Г., Колпакова, А. Г. Формирование и развитие экономики знаний в России // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 4. – С. 117-120.

7. В России могут создать рейтинг цифрового развития регионов <https://tass.ru/ekonomika/5796744>

8. В России появится рейтинг цифровизации регионов <https://dni.ru/regions/2018/12/18/413937.html>

9. Ведута, Е. Н., Джакубова, Т. Н. Big Data и экономическая кибернетика [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. – Выпуск № 63. Август 2017. – С. 43-66. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__63._avgust_2017_g./strategii_zifrovo_i_ekonomiki/veduta_dzhakubova.pdf (Дата обращения: 30.11.2018).

10. Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». Обзор. [Электронный ресурс]. – Группа Всемирного банка, 2016. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR-20160verview-RUSSIAN-WebRes-B0x-394840B-0U0-9.pdf> (Дата обращения: 15.01.2018)

11. Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». Обзор. [Электронный ресурс]. – Группа Всемирного банка, 2016. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR-20160verview-RUSSIAN-WebRes-B0x-394840B-0U0-9.pdf> (Дата обращения: 15.01.2018)

12. Информатизация регионов (рынок России) [http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8))

13. Костылева, Т. Вышла полная версия рейтинга регионов по уровню развития цифровизации «Цифровая Россия». – <http://d-russia.ru/vyshla-polnaya-versiya-rejtinga-regionov-po-urovnyu-razvitiya-tsifrovizatsii-tsifrovaya-rossiya.html> (дата обращения 20.11.2018)

14. Мониторинг регионального законодательства в сфере развития цифровой экономики в регионах АИРР. – Томск – 2018. <http://i-regions.org/images/files/monitoring-regionalnogo-zakonodatelstva.pdf>

15. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.02.2019)
16. Попов, Е. В., Семячков, К. А. Особенности управления развитием цифровой экономики // Менеджмент в России и за рубежом. – 2017. – № 2. – С. 54-61.
17. Регионы учат цифры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/11/18/umenshilsia-razryv-mezhdu-regionami-liderami-i-outsajderami-cifrovizacii.html>
18. Россия вошла в топ-10 стран по уровню развития цифровой экономики: Новости на NNIT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mskit.ru/news/n207534/> (Дата обращения: 30 января 2019 г.)
19. Negroponte, N. Being Digital. – New York : Alfred A. Knopf, 1995. – 243 p.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017-2030 gody».
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 iyulya 2017 g. N 1632-r Programma «Cifrovaya ehkonomika Rossijskoj Federacii».
3. Batrakova, L. G. Vozmozhnosti modelirovaniya v ehkonomike znaniy // Matematicheskoe modelirovanie v ehkonomike, strahovanii i upravlenii riskami : sb. nauch. statej Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Saratovskij gosudarstvennyj universitet im. N. G. Chernyshevskogo, International Science Association (ISCASS). – Saratov, 2013. – S. 24-29.
4. Batrakova, L. G. Pokazateli razvitiya ehkonomiki znaniy // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – T. 1. – № 2. – S. 107-111.
5. Batrakova, L. G., Kolpakova, A. G. Strategiya i taktika processa upravleniya znaniyami // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – T. 1. – № 1. – S. 109-112.
6. Batrakova, L. G., Kolpakova, A. G. Formirovanie i razvitie ehkonomiki znaniy v Rossii // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – T. 1. – № 4. – S. 117-120.
7. V Rossii mogut sozdat' rejting cifrovogo razvitiya regionov. <https://tass.ru/ekonomika/5796744>
8. V Rossii poyavitsya rejting cifrovizacii regionov. <https://dni.ru/regions/2018/12/18/413937.html>
9. Veduta, E. N., Dzhakubova, T. N. Big Data i ehkonomicheskaya kibernetika [Elektronnyj resurs] // Gosudarstvennoe upravlenie. Ehlektronnyj vestnik. – Vypusk № 63. Avgust 2017. – S. 43-66. Rezhim dostupa: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__63._avgust_2017_g./strategii_zifrovoi_ekonomiki/veduta_dzhakubova.pdf (Data obrashcheniya: 30.11.2018).
10. Doklad o mirovom razvitii 2016 «Cifrovye dividendy». Obzor. [Elektronnyj resurs]. – Gruppa Vsemirnogo banka, 2016. – Rezhim dostupa: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR-2016overview-RUSSIAN-WebRes-B0x-394840B-0U0-9.pdf> (Data obrashcheniya: 15.01.2018)
11. Doklad o mirovom razvitii 2016 «Cifrovye dividendy». Obzor. [Elektronnyj resurs]. – Gruppa Vsemirnogo banka, 2016. – Rezhim dostupa: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR->

WDR 2016overview-RUSSIAN-WebRes-B0x-394840B-0U0-9.pdf (Data obrashcheniya: 15.01.2018)

12. Informatizaciya regionov (rynok Rossii) [http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8))

13. Kostyleva, T. Vyshla polnaya versiya rejtinga regionov po urovnyu razvitiya cifrovizacii «Cifrovaya Rossiya» <http://d-russia.ru/vyshla-polnaya-versiya-rejtinga-regionov-po-urovnyu-razvitiya-tsifrovizatsii-tsifrovaya-rossiya.html> (data obrashcheniya 20.11.2018)

14. Monitoring regional'nogo zakonodatel'stva v sfere razvitiya cifrovoj ehkonomiki v regionah AIRR. – Tomsk – 2018. Ehl. dostup: <http://i-regions.org/images/files/monitoring-regionalnogo-zakonodatelstva.pdf>

15. Oficial'nyj sajt Rosstata. [Ehlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/> (data obrashcheniya: 12.02.2019)

16. Popov, E. V., Semyachkov, K. A. Osobennosti upravleniya razvitiem cifrovoj ehkonomiki // Menedzhment v Rossii i za rubezhom, 2017. – № 2. – S. 54-61.

17. Regiony uchat cifry <https://rg.ru/2018/11/18/umenshilsia-razryv-mezhdu-regionami-liderami-i-outsajderami-cifrovizacii.html>

18. Rossiya voshla v top-10 stran po urovnyu razvitiya cifrovoj ehkonomiki: Novosti na NNIT. [Ehlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.mskit.ru/news/n207534/> (Data obrashcheniya: 30 yanvarya 2019 g.)

19. Negroponte, N. Being Digital. – New York : Alfred A. Knopf, 1995. – 243 p.

Н. В. Рощина <https://orcid.org/0000-0002-2635-0952>

Г. О. Рощина <https://orcid.org/0000-0003-4295-6775>

Влияние структуры региональной экономики на степень ее социальной ориентации

Аннотация. Стремление России к построению социального государства выдвигает на передний план проблему роста социальной ориентации экономической системы на макро-, мезо- и микроэкономическом уровнях, непосредственно связанную с созданием оптимальной экономической структуры, способной обеспечить эффективное использование ограниченных ресурсов с целью максимального удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей, придания воспроизводству социальной направленности.

Ключевые слова: социально-ориентированная экономика, структура региональной экономики, субъект РФ, социально-экономические условия, пропорции.

N. V. Roshchina, G. O. Roshchina

The influence of the structure of the regional economy on the degree of its social orientation

Abstract. Russia's desire for a social state brings to the fore the problem of the growth of the social orientation of the economical system at the macro-, meso- and microeconomical levels, directly related to the creation of an optimal economical structure capable of ensuring the effective use of limited resources in order to maximize the satisfaction of individual and social needs, giving reproduction a social orientation.

Keywords: socially-oriented economy, structure of regional economy, subject of the Russian Federation, socio-economic conditions, proportions.

В основе всех экономических моделей социально-ориентированных систем лежат общие для рыночного хозяйства закономерности развития, общая система рыночных ценностей. Поэтому в структурном аспекте не вызывает сомнения наличие общих (базовых) экономических пропорций, выполняющих структурообразующие функции как в либеральной, так и в социально-ориентированной моделях развитого рыночного хозяйства. Причем целый

ряд данных пропорций в силу имманентной социальной природы любой экономической системы несет на себе важные социальные функции [1, с. 53-58].

К числу общих (базовых) социально значимых мезоэкономических пропорций, реализуемых в экономической системе региона, следует отнести воспроизводственные, отраслевые и технологические [2, с. 34-35].

Предполагается, что на постиндустриальном этапе развития

региональной рыночной экономической системы формируется специфический тип мезопропорциональности, основанный на модификации общих (базовых) мезопропорций в рыночном хозяйстве в связи с их включением в качественно иную систему мезопропорциональности, в значительно большей степени подчиненную социальным целям [3, с. 10–111].

Это значит, что в рамках социально-ориентированной рыночной экономики, в отличие от либеральной рыночной экономики, предусматривающей рыночную саморегуляцию, существенно видоизменяется состав оптимизируемых пропорций воспроизводства. Прежде всего, в их состав попадают пропорция распределения производства благ между частным и государственным секторами региональной экономики и производная от нее – пропорция распределения средств государственного бюджета между отраслями госсектора региональной экономики, производящими различные виды общественных (коллективных) благ.

Таким образом, степень социальной ориентированности регионального рыночного хозяйства проявляется, в первую очередь, в доле общественных товаров и услуг, производство которых взял на себя государственный сектор экономики. В связи с этим общие (базовые) мезопропорции развитого конкурентного рынка дополняются вышеназванными специфическими пропорциями социальной природы.

Кроме того, в качестве специфических региональных пропорций, определяющих возможности региона по социальной ориентации хозяйства, на наш взгляд, можно предложить следующие:

– доля федеральных трансфертов в доходной части регионального бюджета

(для регионов, получающих федеральные трансферты в силу значительной дефицитности бюджетов);

– пропорция распределения доходной части регионального бюджета на федеральные и региональные нужды (для регионов – доноров федерального бюджета);

– доля расходов на социальные цели в региональном бюджете.

Именно данные пропорции определяют степень самостоятельности большинства российских регионов в проведении экономической политики, их возможности по решению структурных и социальных задач.

Определение понятия «социально-ориентированная экономическая система» на мезоуровне через структурные характеристики народнохозяйственного комплекса (оценка взаимодействия базовых мезопропорций развитой либеральной рыночной системы и специфических (дополнительных) мезопропорций социальной природы) позволяет создать модель социально-ориентированной мезопропорциональности современной региональной экономической системы, имеющую количественно конкретные параметры, сохраняющие устойчивость и качественную определенность во времени (рис. 1).

Следует подчеркнуть, что количественные выражения базовых воспроизводственных, отраслевых и технологических мезопропорций в системе социально-ориентированной рыночной системы претерпевают определенные изменения, связанные с их включением в качественно иную систему мезопропорциональности, в значительно большей степени подчиненную социальным целям.

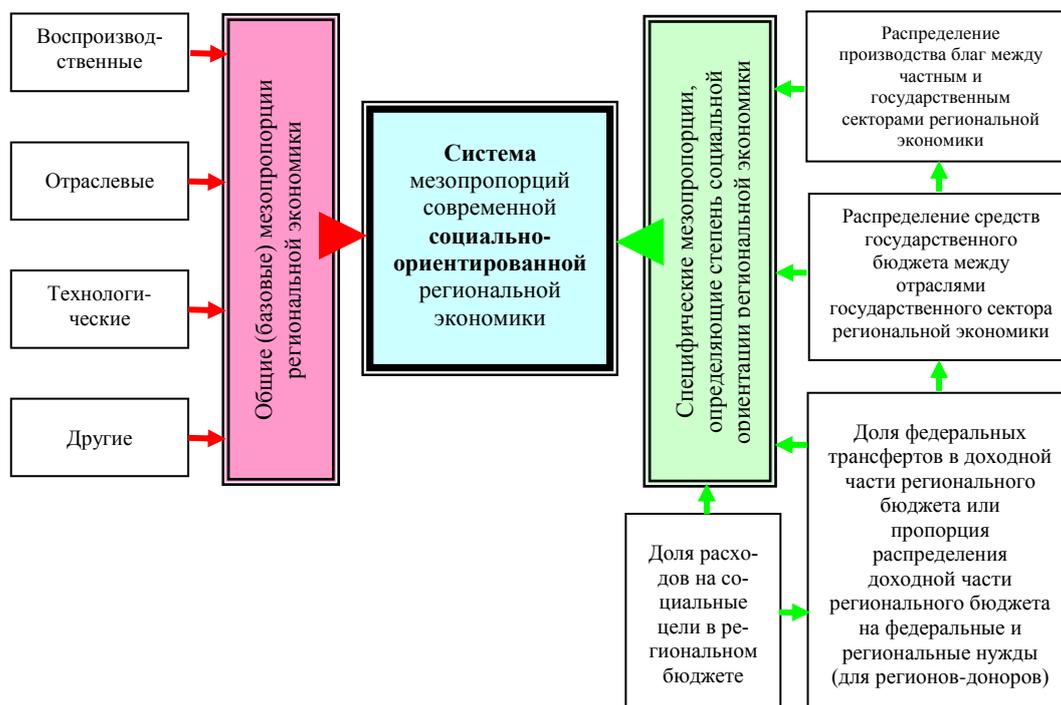

Рис. 1. Модель социально-ориентированной мезопропорциональности региональной экономической системы

Таким образом, в основе модели социально-ориентированной мезопропорциональности региональной экономической системы лежит баланс мезопропорций развитой либеральной рыночной системы и государственного сектора экономики, осуществляющего корректировку системы в направлении социализации и гуманизации экономических отношений.

Представленная на рисунке 1 модель, наполненная конкретными количественными показателями, по мнению авторов, может быть использована для сравнительного анализа структурных параметров региональных экономических систем разного уровня развития с целью определения степени их соци-

альной ориентированности и последующей корректировки.

С помощью данной модели может быть определен комплекс альтернативных способов управления динамикой структурных параметров регионального народнохозяйственного комплекса (эндогенных экономических переменных, вероятностные значения которых устанавливаются в результате решения модели). В качестве экзогенных переменных, величина которых определяется вне модели, выступают основные инструменты структурной, фискальной и другой политики федерального и регионального правительства и монетарной политики Центрального банка [4, с. 79-80].

В качестве эндогенных (внутренних) переменных модели определен комплекс общих (базовых) мезопропор-

ций региональной экономики, объективно складывающихся в результате действия законов рынка (рис. 2).

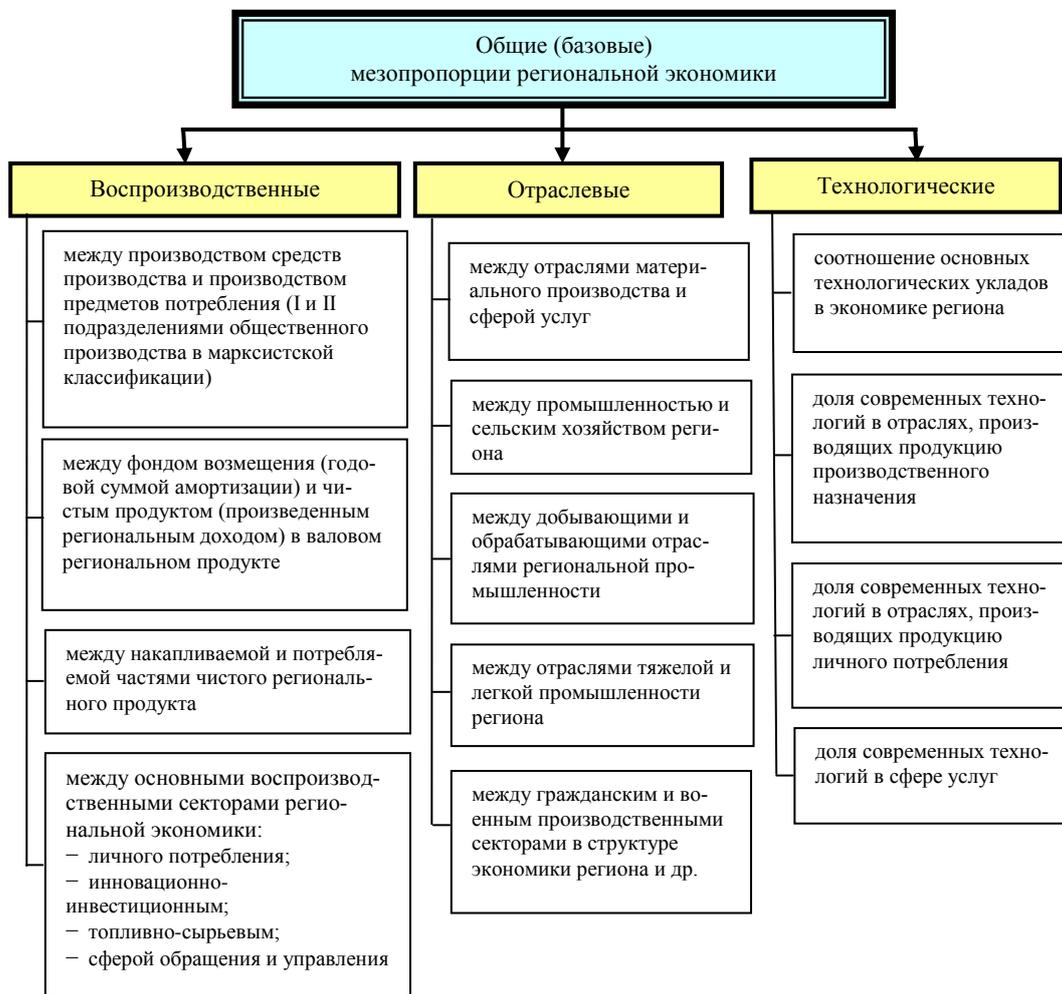

Рис. 2. Общие (базовые) мезопропорции региональной экономики

В качестве экзогенных (внешних) переменных модели определен комплекс сознательно формируемых государством специфических мезопропорций, повышающих социальную ориентацию региональной хозяйственной системы (рис. 3).

Выявив причинно-следственные (логические), графические и функциональные (математические) зависимости между названными переменными, можно найти оптимальный вариант функционирования региональной экономической системы с точки зрения роста ее социальной ориентации.

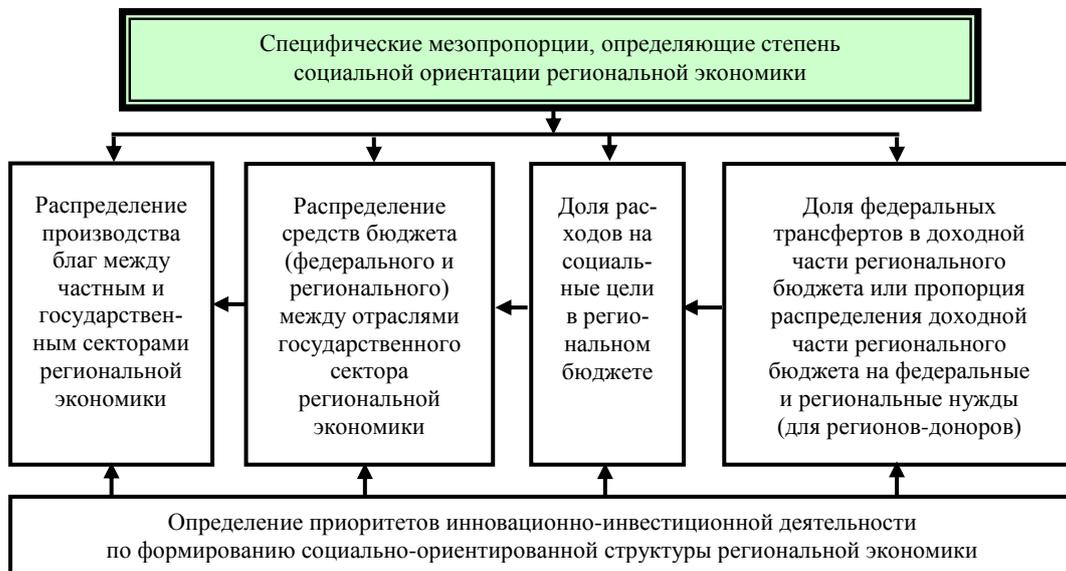

Рис. 3. Специфические мезопропорции, формируемые государством с целью социальной ориентации региональной экономики

Таким образом, на основе данной теоретической модели сравнительного анализа мезопропорций региональных рыночных хозяйств различного уровня развития можно исследовать и определить соответствие структурных

характеристик народнохозяйственного комплекса региона социально-ориентированному типу макро- и мезопропорциональности развитых стран, скорректировать направления структурных реформ в регионах России.

Библиографический список

1. Эткало, О. А. Концепция социальной эффективности экономики России. – Кострома, 2003. – 170 с.
2. Рощина, Н. В. Реформирование структуры региональной экономики как основа ее социально-ориентированного развития (на примере Ярославской области). – Ярославль, 2006. – 189 с.
3. Рощина, Н. В. Структурные параметры региональной экономики и их влияние на степень ее социально-экономической эффективности // Вопросы экономических наук. – 2006. – № 2. – С. 109-111.
4. Рощина, Н. В. Экономическая структура регионального хозяйства как фактор его социально-эффективного развития // Экономика и финансы. – 2005. – № 4. – С. 79-80.
5. Рощина, Н. В., Рощина, Г. О. Структура региональной экономики как основа ее социально-ориентированного развития // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XV Международной научно-практической конференции. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение». – 2018. – 398 с.

References

1. Ehtkalo, O. A. *Koncepciya social'noj ehffektivnosti ehkonomiki Rossii.* – Kostroma, 2003. – 170 s.
2. Roshchina, N. V. *Reformirovanie struktury regional'noj ehkonomiki kak osnova ee social'no orientirovannogo razvitiya (na primere Yaroslavskoj oblasti).* – Yaroslavl', 2006. – 189 s.
3. Roshchina, N. V. *Strukturnye parametry regional'noj ehkonomiki i ih vliyanie na stepen' ee social'no-ehkonomicheskoy ehffektivnosti // Voprosy ehkonomicheskikh nauk.* – 2006. – № 2. – S. 109-111.
4. Roshchina, N. V. *Ehkonomicheskaya struktura regional'nogo hozyajstva kak faktor ego social'no-ehffektivnogo razvitiya // Ehkonomika i finansy.* – 2005. – № 4. – S. 79-80.
5. Roshchina, N. V., Roshchina, G. O. *Struktura regional'noj ehkonomiki kak osnova ee social'no orientirovannogo razvitiya // Sovremennaya ehkonomika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sbornik statej XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii.* – Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie». – 2018. – 398 s.

А. П. Опальский <https://orcid.org/0000-0002-4232-6979>

Ю. В. Шишов <https://orcid.org/0000-0001-6812-5190>

Издержки производства металлопродукции в региональном формате ВТО

Аннотация. Производство чугуна и стали лежит в основе металлургической отрасли, оказывающей влияние на различные сферы экономики. На производство и потребление металлопродукции влияют различные факторы. Вступление России в ВТО потребовало принятия ряда мер для защиты отечественной индустрии. В статье рассматриваются меры торговой защиты и издержки их применения.

Ключевые слова: продукция черной металлургии, издержки производства, меры торговой защиты, формат ВТО.

A. P. Opalskiy, Y. V. Shishov

Production costs of steel products in the WTO regional format

Annotation. The production of iron and steel underlies the metallurgical industry, which has an impact on various sectors of the economy. Various factors influence the production and consumption of metal products. Russia's accession to the WTO required a number of measures to protect the domestic industry. The article discusses trade protection measures and the costs of their use.

Keywords: ferrous metallurgy products, production costs, trade protection measures, WTO format.

Одна из старейших отраслей промышленности – черная металлургия – включает добычу и обогащение рудного и соответствующего нерудного сырья, выплавку чугуна и стали, производство проката, ферросплавов и изделий дальнейшего передела. Металлургическая отрасль является основой развития машиностроения и строительства, важнейшим условием технического оснащения всех отраслей народного хозяйства.

Доминирующее положение на мировом рынке железной руды занимает Китай, чему способствует рост спроса в стране на этот важнейший вид сырья.

Страна является самым большим рынком потребления продукции металлургии, особенно чугуна и стали. Так, согласно данным World Steel Association, в первую десятку мировых производителей входили страны, указанные в таблице 1, включая и нашу страну.

Как видим, первое место в мировой иерархии металлургов занимает Китай. Разрыв огромный, и тенденция к увеличению сохраняется. Информация по изменению объемов выплавки стали в КНР и прочих странах отражена в диаграмме 1.

Таблица 1

Страны, входящие в первую десятку мировых производителей металлопродукции в 2017 г.

Страна	Производство (млн тонн)	Примечание
Китай	830-845*	быстрый рост
Япония	104,7	
Индия	101,4	быстрый рост, в 2018 г. обойдет Японию
США	81,6	
Россия	71,3	медленный рост
Ю. Корея	71,1	
Германия	43,6	
Турция	37,5	
Бразилия	34,4	
Италия	24,0	

*В связи с противоречивостью данных по Китаю взяты оценочные цифры из разных источников.

Диаграмма 1

Структурные изменения объемов выплавки стали

Как уже было отмечено, рост мировых производственных мощностей привел к беспрецедентному уровню их переизбытка (см. диаграмму 2). По оценке ОЭСР 2012 г., производственные мощ-

ности превышают мировые потребности в стали на 540 млн тонн. Однако уже в 2016 г., по данным Всемирной организации стали, указанная разница составляла 850 млн тонн. Иными сло-

вами, в целом за период с 2012 по 2015 г. разница между производственными сталелитейными мощностями и потребностями мирового рынка выросла на 310 млн тонн.

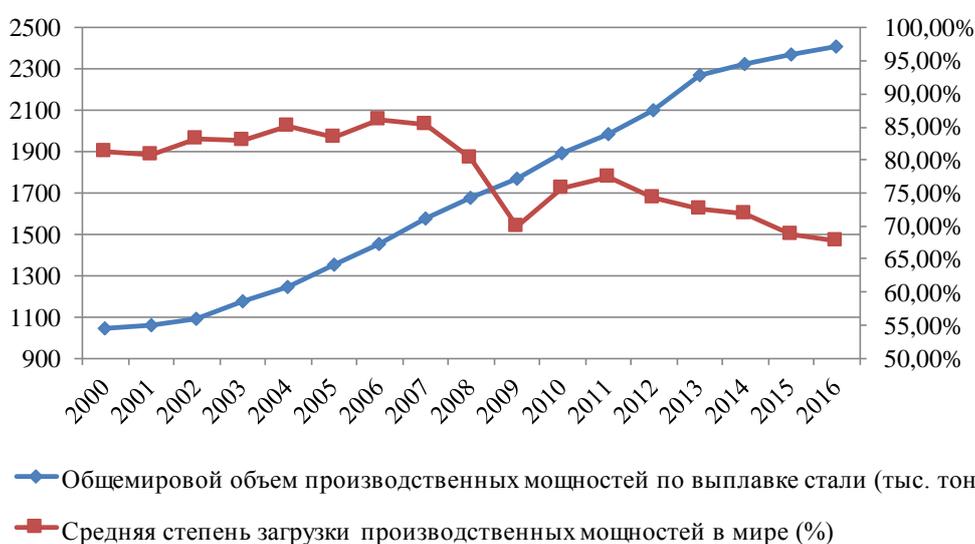
Влияние Китайской Народной Республики на переизбыток производственных мощностей показал анализ влияния изменения объемов выплавки стали и общемировых производствен-

ных мощностей, произошедших после 2000 г. По итогам 2015 г., на Китайскую Народную Республику приходилось около 46 % переизбытка сталелитейных мощностей; на Европейский союз – 9 %, на государства – члены СНГ – 6 %, на – США – 5 %, на Японию – 3 %.

Информация по переизбытку производственных мощностей приведена в диаграмме 2.

Диаграмма 2

Переизбыток производственных мощностей

Анализ особенностей функционирования предприятий металлургической отрасли показал, что ключевой проблемой для отрасли стала внешнеэкономическая конъюнктура, а именно существенный избыток мощностей, обусловивший нисходящий ценовой тренд и резкое падение спроса со стороны потребителей. Так, за 2017 г. в мире было произведено 1 629 млн тонн стали, а уровень потребления стальной продукции на мировом рынке, по данным ве-

дущих мировых агентств на 2017 г., составил лишь 1 581,9 млн тонн.

Главным образом, столь существенный уровень перепроизводства был спровоцирован китайскими производителями стальной продукции, на долю которых приходится около 50 % от общемировой выплавки стали. Как показывает анализ развития мировой черной металлургии, в настоящее время каждый седьмой завод в мире, за исключением предприятий КНР, неконкуренто-

способен и несет убытки. Подобная динамика в отрасли влечет за собой ужесточение конкуренции и рост уровня внешнеэкономических рисков, в результате чего увеличиваются расходы на производство металлургической продукции, а цены продолжают снижаться.

В настоящее время в России имеется существенный избыток продукции металлургии массового потребления, но наблюдается значительный дефицит специализированных высокотехнологичных сплавов. Общий уровень рентабельности стремительно идет вниз, что свидетельствует о снижении уровня доходности продукции и капитала:

– Рентабельность и объемы прибылей в отрасли существенно зависят от объемов экспортных поставок.

– Конъюнктура мирового рынка черных металлов складывается таким образом, что объемы российского экспорта в дальнейшем также будут сокращаться за счет двух факторов: конкуренции со стороны дешевой продукции КНР и влияния внешних политических факторов, а именно, санкционной деятельности и проведения против российских игроков металлургического рынка антидемпинговых расследований, блокирующих или значительно снижающих экспортные поставки.

– Мировое потребление черных металлов имеет тенденцию к сокращению по следующим причинам: замена черных металлов в промышленности композитными материалами, обладающими лучшими показателями прочности, эффективности и износостойкости; сокращение в развитых странах количества вновь создаваемых металлоемких объектов; перевод на развивающиеся рынки металлоконструкций и изделий из вторичных источников.

– Объемы внутрироссийского потребления черных металлов недоста-

точны для обеспечения должной рентабельности металлургических предприятий.

– Многие российские месторождения близки к исчерпанию запасов, что приводит к росту себестоимости производства и, следовательно, снижению рентабельности.

– Российская металлургическая отрасль страдает от острой недостаточности инвестиций в реновацию производственных мощностей и инновационную продукцию, что приводит к падению рентабельности и конкурентоспособности российских компаний, неспособных предложить востребованный мировым рынком ассортимент металлургической продукции.

По сообщению Федеральной службы государственной статистики (Росстата), за первое полугодие 2018 г. металлургические предприятия произвели 25,9 млн т чугуна – на 0,5 % больше, чем годом ранее. Полугодовой выпуск готового стального проката в РФ вырос на 2,8 %, до 31 млн т, производство стальных труб, профилей и фитингов – на 11,9 %, до 6,2 млн т [4]. По данным Всемирной ассоциации производителей стали, ее производство стали выросло на 2,8 %, до 36 млн т. Российские темпы общего производства в черной металлургии по итогам полугодия уступили динамике мировой выплавки стали (+4,5 %) и китайским показателям (+6 %) [5].

Всемирная торговая организация (далее – ВТО) призвана регулировать торгово-политические отношения участников Организации на основе пакета Соглашений Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров (1986-1994 гг.), и эти документы являются правовым базисом современной международной торговли.

Главной задачей ВТО является либерализация мировой торговли. основополагающие принципы ВТО – торговля без дискриминации, то есть взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле и национального режима товарам и услугам иностранного происхождения; регулирование торговли преимущественно тарифными методами; отказ от использования количественных и иных ограничений; транспарентность торговой политики; разрешение торговых споров путем консультаций и переговоров и т. д.

Важнейшими функциями ВТО являются контроль за выполнением соглашений и договоренностей пакета документов Уругвайского раунда; проведение многосторонних торговых переговоров и консультаций между заинтересованными странами-членами; разрешение торговых споров; мониторинг национальной торговой политики стран-членов; техническое содействие развивающимся государствам по вопросам компетенции ВТО; сотрудничество с международными специализированными организациями.

Общие преимущества от членства в ВТО, помимо указанных выше, можно суммировать следующим образом:

- создание более благоприятных условий доступа на мировые рынки товаров и услуг на основе предсказуемости и стабильности развития торговых отношений со странами-членами ВТО, включая транспарентность их внешнеэкономической политики;

- доступ к механизму ВТО по разрешению споров, обеспечивающему защиту национальных интересов, если они ущемляются партнерами, и таким образом устранение дискриминации;

- реализация своих текущих и стратегических торгово-экономических интересов путем эффективного участия

в МТП при выработке новых правил международной торговли.

Все страны-члены ВТО принимают обязательства по выполнению основных соглашений и юридических документов, объединенных термином «Многосторонние торговые соглашения» (МТС). Таким образом, с правовой точки зрения система ВТО представляет собой своеобразный многосторонний контракт (пакет соглашений), нормами и правилами которого регулируется примерно 96 % всей мировой торговли товарами и услугами.

Для металлургии вступление в ВТО имело и плюсы, и минусы. К плюсам относится возможность использовать механизмы ВТО для разрешения торговых споров, в том числе обжалования несправедливых решений о применении мер торговой защиты в отношении российской металлопродукции. Также возможно расширение и облегчение доступа на зарубежные рынки по мере снятия заградительных пошлин (к примеру, при присоединении России к ВТО Евросоюзу отменили импортные квоты на черную металлургию), защиты от антидемпинговых расследований, которые широко использовались по отношению к отечественным металлургическим компаниям-экспортерам.

К минусам можно отнести, в первую очередь, общее снижение уровня тарифной защиты металлопродукции на 5-10 %. В новых условиях предприятиям приходится прилагать усилия по сохранению конкурентных позиций на российском рынке, продолжать мероприятия по повышению качества металлопродукции. Ставки вывозных таможенных пошлин снизились. Аналогична ситуация с ломом цветных металлов. Это привело к существенному росту экспорта стратегического сырья – лома металлов и сокращению его предложе-

ния на внутреннем рынке, что наносит удар по стабильной работе ряда металлургических предприятий, основным сырьем для которых является металлический лом (в первую очередь, это электросталеплавильные заводы и предприятия спецметаллургии).

По мнению одних экономистов, сектор металлургии выиграл от вступления

России в ВТО. По мнению других – существенных изменений в этой отрасли не произошло. Прежде всего, в качестве издержек в формате ВТО нужно отметить ущерб, наносимый отечественным производителям металлопродукции, а за этим – и ущерб государству и обществу в целом (см. рис. 1).

Рисунок 1. Влияние издержек производства металлопродукции в формате ВТО

К мерам торговой защиты общепринято относить 3 инструмента защиты внутреннего рынка: специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры. Антидемпинговая и компенсационная меры направлены на устранение негативного влияния недобросовестной конкуренции со стороны иностранного производителя и/или экспортера, выражающейся в осуществлении демпинговых/субсидируемых поставок, на состояние отечественной отрасли экономики. При этом целью специальной защитной меры является предоставление временной защиты от негативных последствий «массированного» импорта, вызванного непредвиденными обстоятельствами и наносящего ущерб отрасли экономики. Важно понимать, что специальная защитная мера применяется в отношении всех стран-экспортеров, в то время как антидемпинговая и компенсационная меры являются «точечными», поскольку применяются в отношении конкретной страны-экспортера, и/или производителя, и/или экспортера.

Использование мер торговой защиты урегулировано в рамках ВТО соответствующими соглашениями и практикой органа по разрешению споров. Правила применения таких мер подлежат неукоснительному соблюдению со стороны членом ВТО. Нарушение правил ведет к необоснованному ограничению торговли. В большей степени это касается специальных защитных мер, которые являются ограничительным инструментом торговли, поскольку применяются ко всем импортным товарам, независимо от страны происхождения.

На протяжении последних лет наблюдается увеличение частоты при-

менения мер торговой защиты. Это вызвано, прежде всего, тем, что в условиях экономического спада и снижения внутреннего потребления в некоторых секторах экономики производители в целях сохранения прибыльности предприятия и контроля над своими издержками стараются создать новые рынки сбыта для своей продукции. На текущий момент в мировой экономике наблюдается использование членами ВТО более жестких подходов к защите внутреннего рынка. Данный подход выражается в ряде моментов, требующих пояснения.

Во-первых, в рассмотрении вопроса о необходимости применения специальных защитных мер, которые применяются в отношении импортируемого товара вне зависимости от страны его происхождения (такие меры приводят к существенному искажению условий доступа на рынок и конкурентной среды на внутреннем рынке). При этом такими членами ВТО, как США, ЕС, Канада, Турция, Индия, ЮАР, Индонезия и т. д., за период с 2017 г. по настоящее время было инициировано 16 специальных защитных расследований.

Во-вторых, в увеличении количества вводимых антидемпинговых мер (такие меры являются более гибкими в связи с тем, что применяются в отношении отдельных иностранных производителей и/или экспортеров). В 2017 г. отмечается увеличение, по сравнению с 2016 г., количества вводимых членами ВТО антидемпинговых мер на 14 %. Так, в 2017 г. членами ВТО было введено практически 200 антидемпинговых мер (на 1 полугодие 2018 г. действовало 335 антидемпинговых мер). При этом со стороны некоторых членом ВТО наблюдается невероятный рост интереса к применению таких мер. Например, Китай в 2017 г. инициировал 24 антидем-

пинговых расследования, что практически в 5 раз превышает объем расследований 2016 г.

В-третьих, применение некоторыми членами ВТО (например, ЕС, Канада) спорных с точки зрения правил ВТО методик расчета антидемпинговой пошлины, позволяющих при наличии даже «пассивного» влияния государства на состояние промышленного сектора экономики, отступать от стандартных правил их расчета.

В-четвертых, использование США положений раздела 232 Закона о расширении торговли, позволившего в целях обеспечения национальной безопасности применить пошлины на сталь (25 %) и алюминий (10 %) в отношении импорта из всех стран, за исключением Южной Кореи, Австралии, Бразилии и Аргентины.

Такой «жесткий» подход к применению мер защиты внутреннего рынка ведет к закрытию основными торговыми партнерами своих рынков, и как следствие, – к перераспределению торговых потоков на «открытые» рынки (одним из основных таких рынков пока остается ЕАЭС).

Соответственно, оперативные действия по использованию инструментов протекционизма со стороны мировых партнеров ведут к «хаотичному» перестроению торговых потоков, что влечет за собой нанесение ущерба производителям на «открытых» рынках.

При этом численное увеличение применяемых мер торговой защиты в отношении импорта металлопродукции обусловлено наличием в мировой экономике избыточных мощностей по выплавке стали. Так, мировая экономика в настоящее время столкнулась с проблемой наличия избыточных мощностей по производству стали, при которой тен-

денция изменения объема потребления выплавленной стали не соответствует тенденциям изменения мощностей по производству стали. В частности, объем выплавленной стали в 2017 г. составлял 1 691 млн тонн, в то время как объем производственных мощностей по выплавке стали составил 2 251 млн тонн. Таким образом, степень загрузки производственных мощностей составляла 75,1 %. При этом несоответствие между тенденциями изменения объемов производства и уровня производственных мощностей в мировой экономике в последнее время вызвано снижением уровня экономического роста в Китае. Данный факт, в том числе, подтверждается тем, что объем производственных мощностей по выплавке металла в Китае в 2017 г. составлял 1 048 млн тонн, а объем выплавки стали – 832 млн тонн. Таким образом, объем недозагруженных мощностей составил 216 млн тонн (около 39 % от общемирового показателя).

Наличие избыточных мощностей по выплавке стали напрямую оказывает влияние на прибыльность металлургических компаний, поскольку при таких условиях экономической деятельности металлургические компании не в состоянии осуществлять выплавку стали на приемлемом уровне экономической эффективности (при загрузке производственных мощностей не ниже 80 %). Снижение прибыльности компании оказывает влияние на готовность предприятия инвестировать в производственные мощности или в рабочую силу, что в итоге может привести к снижению конкурентоспособности металлургического комплекса на уровне национальной экономики и увеличению безработицы в данном секторе экономики. Например, за последние годы в связи с наличием избыточных мощностей в мировой эко-

номике число занятых в металлургическом комплексе США сократилось на 14 500 человек. В свою очередь, избыточность металлургических мощностей по выплавке стали была обусловлена предоставлением государственных субсидий и дешевыми кредитами в целях поддержания операционной деятельности металлургических предприятий (покрытие платежей по облигационным займам и постоянных производственных затрат). В результате на мировой рынок поставляется значительный объем металлопродукции по сниженной цене на размер предоставленной государственной помощи. Соответственно, в долгосрочной перспективе наличие избыточных производственных мощностей по выплавке стали оказывает негативное влияние на металлургические компании; персонал, занятый в металлургическом комплексе; на стабильность и предсказуемость мировой торговой системы, поддерживаемой системой ВТО.

Издержки применения мер торговой защиты в стране, применяющей такие меры, могут возникнуть, в том числе, по следующим причинам:

– на рынке такой страны отсутствует производство товара, являющегося полностью взаимозаменяемым по отношению к импортной продукции, в отношении которой действует мера торговой защиты. Соответственно, по-

ка на рынке рассматриваемой страны не появится производство такого товара, потребители будут нести дополнительные издержки при потреблении импортной продукции вследствие увеличения импортной цены. При таких условиях может иметь место негативное влияние мер торговой защиты на потребление, инвестиционную активность, занятость в потребляющем секторе экономики, что в итоге может оказать негативное воздействие на ВВП;

– в условиях применения мер торговой защиты потребители, лишившиеся возможности покупать необходимую продукцию по низкой цене, могут отложить планы по расширению объема потребления продукции и увеличению инвестиционной активности. При таких условиях перенастройка потребителей к новым условиям экономической деятельности влечет за собой повышение уровня неопределенности и рисков для инвесторов. Это в итоге снижает благосостояние, увеличивает стоимость инвестиций и сдерживает спрос;

– снижается экономическая активность защищаемой отрасли экономики вследствие снижения объемов экспортных поставок в случае применения «зеркальных» (ответных) мер со стороны страны, в отношении продукции которой действует мера торговой защиты.

Библиографический список

1. Фишер, С., Дорнбуш, Р., Шмалензи, Р. Экономика / Пер. 2-го англ. изд. – М. : Дело Лтд, 1995. – 864 с.
2. Гальперин, В. М. и др. Микроэкономика : в 2-х томах. Институт «Экономическая школа». – СПб., 2004.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/ (дата обращения – 15 сентября 2018 г.).
4. Сайт Информационного агентства MetalTorg.Ru.: www.metaltorg.ru/n/9ABA56 (дата обращения – 23 июль 2018 г.).

5. Официальный сайт Всемирной ассоциации производителей стали: www.worldsteel.org (дата обращения – 22 сентября 2018 г.).

References

1. Fisher, S., Dornbush, R., Shmalenzi, R. *Ehkonomika* / Per. 2-go angl. izd. – M. : Delo Ltd, 1995. – 864 s.
2. Gal'perin, V. M. i dr. *Mikroehkonomika. V 2-h tomah*. Institut «Ehkonomicheskaya shkola». – SPb., 2004.
3. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/ (data obrashcheniya – 15 sentyabrya 2018 g.).
4. Sajt Informacionnogo agentstva MetalTorg.Ru.: www.metaltorg.ru/n/9ABA56 (data obrashcheniya – 23 iyul' 2018 g.).
5. Oficial'nyj sajt Vsemirnoj associacii proizvoditelej stali: www.worldsteel.org (data obrashcheniya – 22 sentyabrya 2018 g.).

В. И. Пефтиев <https://orcid.org/0000-0001-6367-7651>

Трансформации в России: гипотезы и векторы исследований

Аннотация. Рассматривается процесс экономических трансформаций в современной России. Вводится понятие «трансформационные издержки» (ТФИ) в ракурсе потери времени (в годах и десятилетиях) и ресурсов (неэффективная их аллокация). Прослеживаются три вектора трансформации в России: 1) темпы роста в сравнительном соотношении; 2) рекомбинация экономического пространства в России и мире; 3) новые вызовы неравенства. Высказаны авторские гипотезы о старте трансформации и пройденных стадиях. Представлены альтернативные концепции и прогнозы, перспективные для дискуссии.

Ключевые слова: трансформация экономики, стратегические задачи, реконфигурация экономического пространства, кризис глобализации, регионализация, Россия.

V. I. Peftiev

Transformation in Russia: hypotheses and directions of research

Abstract. The process of economic transformations in modern Russia is considered. The concept of transformation costs (TFI) in terms of time loss (in years and decades) and resources (their inefficient allocation) is introduced. Three vectors of transformation in Russia are traced: 1) growth rates in a comparative ratio; 2) recombination of economic space in Russia and the world; 3) new challenges of inequality. The author's hypotheses about the start of transformation and the passed stages are expressed. Alternative concepts and forecasts for discussion are presented.

Keywords: transformation of economy, strategic tasks, reconfiguration of economic space, crisis of globalization, regionalization, Russia.

Введение

Обращение к заглавной теме воспринято как императив (долг, обязанность) после ознакомления со статьей Л. М. Григорьева о двух дискурсах в российской экономической науке (эконометрический мейнстрим и трансформация экономики) [5]. Инициатор второго направления напомнил о реактуализации проблемы на «круглом столе» в НИУ ВШЭ. Коллеги (А. П. Заостровцев,

Е. Т. Гурвич, А. А. Яковлев и др.) самоустранились от конструктивного диалога (мол, все очевидно) и перешли к обсуждению мотивов и обстоятельств, вызвавших сдвиги в публикационной активности (Scopus, ВАК, ядро РИНЦ) [11]. Разрыв в количестве и – особенно – качестве исследований (научных и практических) становится критическим и наносит ущерб концептуальному обоснованию национальных целей и

стратегических приоритетов в контексте указа Президента РФ от 7 мая 2018 г.

Было бы непозволительно гордыней и самомнением унижительно оценивать накопившийся задел версий и прогнозов. Однако имеют место и пробелы, объясняемые политико-идеологической ангажируемостью спорящих сторон, моделей, исходных установок. К числу таковых относим трансформационные издержки (ТФИ), аналогичные трансакционным издержкам Р. Коуза, только по статусу выше – макроэкономического порядка, не корпоративные, не всегда наблюдаемые и трудные в измерении (финансово-бюджетные инструменты возможны, но не являются адекватными по определению). ТФИ воспринимаются нами как потери времени (в годах и десятилетиях) и ресурсов (их неэффективная аллокация).

Трансформация – это процесс, а не единичный экономико-правовой акт, пусть даже играющий роль спускового механизма перемен. Процесс спонтанно-рукотворный, со своими достижениями и провалами. Трансформация – это органическая совокупность (целостность), сложная по составу действующих лиц в экономике, политике, идеологии, СМИ и общественном мнении. У каждой значимой трансформации – свои ближние и дальние истоки. Трансформация в рамках государства – нации, как и революция [3], имеет свои стадии и фазы жизненного цикла [3]. В России трансформация экономики и общества не завершена, поэтому выносить окончательное суждение неправомерно и некорректно.

Столь всеобъемлющий феномен, как трансформация, не может обойтись без

методологического плюрализма. Исследователь может воспользоваться потенциалом нижеследующих концепций: 1) мир систем (центры, периферия и полупериферия) [4]; 2) жизненный цикл социума (инструментальная новация, успешно апробируемая в менеджменте и маркетинге и с необозримым ареалом применения); 3) первоначальное накопление капитала (один из очерков Т. 1 «Капитала» К. Маркса). Взвешенный синтез этой триады (пусть частичный и мобильный по ситуации – ad hoc) открывает дорогу приращению знаний – интегративным знаниям, творениям высочайшего совершенства. Оставляем вне рассмотрения загадки сочленения революции, реформ и трансформации.

Что же касается трансформации как темы исследования, то она редуцирована до опознания ее контуров в сопоставлении с национальными целями и стратегическими приоритетами на предстоящую пятилетку (2018-2024). Отобраны три вектора трансформации экономики в России: а) темпы роста ВВП, других макроэкономических индикаторов; в) рекомбинация экономического пространства в России и мире; с) новые вызовы неравенства.

Векторы трансформации в России

Россия вступает в очередное десятилетие (20-е гг.) с амбициозной задачей в трех измерениях: устойчивые темпы роста ВВП выше общемировых; вхождение в рейтинг 10-ти ведущих экономических держав мира; ускоренное движение вверх по ВВП на душу населения.

Старт прорыва к этим ориентирам тормозится из-за расширяющегося перечня неблагоприятных факторов. Экономические ведомства РФ (Росстат, МЭР, ЦБ)

оценивают рост ВВП за 2018 год в диапазоне 1,5-2,0 %, что явно ниже показателей мировой экономики (3,8-3,9 %). Вялость мировой экономики (еще держат рекорды Индия, Китай, Индонезия, другие крупные развивающиеся страны) сдерживает нарастание спроса на энергоносители и сырьевые товары из России. Санкции Запада против России продолжаются; они не критичны, но наносят ущерб отдельным секторам российской экономики и крупным экспортерам. Наиболее болезненны финансовые ограничения по займам, кредитам, ценным бумагам, платежам. Поиски источников финансирования за пределами Северной Америки и Евросоюза продолжаются; изыскиваются финансовые ресурсы внутри страны.

В условиях финансовой напряженности (угроза наивысшего уровня, в сравнении с «нулевыми годами») сверхактуальна принципиально новая задача – обеспечить наличностью национальные проекты и федеральные программы на всю шестилетку. Иными словами, речь идет о суверенизации в столь важной сфере, как финансы, чувствительной к внешним шокам. Макроэкономическая динамика в зоне евро и ЕС (плюс неопределенность и риски по поводу Brexit) увеличивают число сторонников гипотезы: низкие темпы роста ВВП – новая «норма» на нисходящей фазе цикла Кондратьева (50-60 лет) [7].

В контексте пессимистического сценария критический набор преград, видимо, предполагает временный отказ от конкретизации сроков выполнения Стратегии России – 2024 г. по рубежам экономического роста (и только по ним; другие разделы Стратегии вне нашего рассмотрения). Выдвинутый нами тезис о суверенизации российских финансов в

категориях политической философии означает, на наш взгляд, экзистенциальное одиночество России. Во избежание недоразумений и превратных толкований данный неологизм означает внутреннюю свободу, самозащиту от давления извне и изнутри. Разумеется, Россия обязана искать и находить стратегических партнеров (точнее – политических «попутчиков» по интересам) в основных макрорегионах мира на ближайшее десятилетие.

Устойчивое опережение по ВВП (величине и темпам) – отнюдь не самоцель. Трансформация подразумевает и оптимизацию по слагаемым ВВП, источникам экономического развития, то есть структурные реформы. Выбор ограничен и сложен, упирается в объективные пределы. Стимулирование совокупного спроса и потребления (пример США). Экспертная экспансия (мировая фабрика, экспорт всего и всем – Китай). Инвестиционный рывок (многие страны ЕС, эффект межгосударственной интеграции). Опора на государство, его субсидии, кредиты, налоговые послабления (российская традиция).

Исчерпание потенциала некогда успешной стратегии – рано или поздно – наступает: сырьевая – в России; экспортная – в Китае. Смена стратегии, модели, приоритетов не может не сопровождаться трансформационным спадом на годы. Эти издержки испытывает на себе Китай, внедряющий по шагам элементы альтернативной стратегии – ориентации на внутренний рынок. В этом же ключе следует воспринимать повышенные пошлины США на китайский экспорт (250 млрд долл., с угрозой удвоения). Тяжело и России, не восстановившей полностью потери от атипичного кризиса 2014-2016 гг.

Новые акценты в Стратегии «Россия-2024» имеют прочные экономические обоснования, их социальная справедливость и своевременность не вызывают сомнений. Но внутрисистемные связи не столь ясны, как может показаться на первый взгляд. Курс на инфраструктурные проекты (особо – транспортные), помимо экспертного и общественного обсуждения, подлежит реализации только после многократной проверки целесообразности, финансовой сметы и самодисциплины. Отбор объектов по категориям (50-100 млрд руб. и более) должен быть жесточайшим и многоступенчатым. Иначе – безвозвратные потери и выпадающие доходы. Не стоит рассчитывать на немедленный рост ВВП от инвестиций и субсидий в здравоохранение, образование, человеческий капитал, от пенсионной реформы. Непростые дилеммы неизбежно возникнут по ходу а) реиндустриализации; б) цифровизации; в) поддержки аграриев и АПК; г) реализации проектов, связанных с жильем и городской средой, малыми и средними городами, сельскими территориями.

Ежегодный мониторинг по объектам, отраслям, комплексам, регионам облегчает выявление точек и зон экономико-социального развития страны и последующей коррекции Стратегии. Новаторские подходы в Указе от 7 мая 2018 г. налицо; их воплощение в жизнь возможно по мере диверсификации и интенсификации государственно-частного партнерства (ГЧП), перманентного и конструктивного диалога власти и бизнеса (от «олигархов» до «самозанятых»), власти и граждан. Структурная перестройка макроэконо-

мики России и ее отражение в ВВП, полагаем, займут не одну «шестилетку».

Тонкая настройка институтов трансформации вытекает из духа и буквы «сверхуказа» Президента. Накопилось множество дисфункций и сбоев, которые не облегчают «цивилизацию» рыночной экономики в России, не способствуют ее динамизму и не смягчают ее противоречия и конфликты интересов.

Отметим три группы «пробалов»:

– Во-первых, валовой внутренний продукт (ВВП), его аналоги и производные индикаторы – запоздалые, несовершенные и малопонятные для хозяйствующих субъектов [15]. Не отказываясь от его подсчета и анализа, теория и практика макроэкономического управления, надеемся, повысят авторитет опережающих индикаторов (потребление электроэнергии, перевозки пассажиров и грузов, портфель заказов, деловой климат и др.). К этому добавим доклады экспертов, аналитиков, рейтинговых агентств и др.

– Во-вторых, за текущие дела в процессе трансформации несут повышенную ответственность вице-премьеры, губернаторы, мэры городов, главы районов и поселений (в пределах своей компетенции).

– В-третьих, наблюдается взвешенный подход к регулированию сфер теневой экономики и коррупции (закон о самозанятости, госзакупки лекарств, маркировки товаров, кассовые аппараты нового поколения и т. д.). Намечается отход от тотального «ручного управления» к рыночно-гибридному механизму (соглашение по нефтепродуктам). Федеральное законодательство апробируется в тестовом режиме, допускает «паузы» в применении, уточняет свой понятийный аппарат и минимизирует коллизии норм и процедур.

Институциональные гарантии и ресурсы – необходимый ресурс ускоренной, но компетентной трансформации.

Второй вектор трансформации порожден кризисом глобализации (с 2009 г.). Его приметы явные и скрытые: доминирует хаос в геоэкономике и геополитике, разрушается сложившийся десятилетиями миропорядок; ужесточается глобальная конкуренция (недобросовестная конкуренция, доминирование на рынках); открытый (брутальный) протекционизм; экспансия глобализации приостановлена, тренд сменился на регионализацию; управляемые конфликты. Отсюда неизбежная реконфигурация экономического пространства [9].

Лидерство США угасает. Перманентные кризисы в Евросоюзе (Brexit, миграция, долги) [7]. Китай исподволь продвигается к статусу конкурента США в ключевых макрорегионах. Новые региональные державы (Турция, Индонезия, Вьетнам). Оппоненты традиционному «треугольнику» (США, ЕС, Япония) – международные экономические организации второй волны (G20, ШОС, АТЭС, АСЕАН, БРИКС).

Россия – крупная региональная держава с глобальными амбициями; в этом симбиозе ее сила и слабость. Мощь России адекватна в ОПК, ТЭК, человеческом капитале и культуре. Ее слабости в международной конкурентоспособности общеизвестны. Россия знает пределы своих амбиций («красные линии»).

В Стратегии «Россия-2024» просматривается и затаенная мечта – стать великой морской державой. Предпосылки для подобного преобразования имеются: Северный морской путь (СМП), Дальний Восток, Каспий, При-

черноморье, Калининград, Северо-Запад России. Перспективна и «смычка» морей и океанов, омывающих Россию, с бассейном рек, озер и каналов. Самоустранимся от локализации объектов и территорий, которые напрашиваются на миссию «полосов развития» в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте. Здесь простор для заинтересованных читателей и коллег. Эти краткие заметки высказаны с целью привлечь внимание к организации производительных сил России, соответствующей отрасли знаний.

Чрезмерная вовлеченность в мирохозяйственные потоки, допущенная Россией в досанкционные годы, таит в себе болевые точки для суверенитета и безопасности. Одной из них является критическая зависимость России от зарубежных поставок 7 видов сырья и руды (уран, марганец, хром, олово, титан, бокситы, редкоземельные металлы). В списке экспортеров (9 стран) присутствуют и государства с антироссийской риторикой и акциями (Украина, Австралия, Габон). Асимметричная глобализация как угроза (худший вариант) и/или вызов (задача без действенного решения) должна быть устранена если не завтра, то послезавтра через импортозамещение или дополнительные гарантии. Об этом четко заявлено в докладе Министерства природных ресурсов [10].

Третий вектор трансформации связан с неравенством (оппозицией бедности и богатства). Феномен сложный, меняющийся, ускользающий от наблюдения. Неравенство – это вечное проклятие человечества; оно неустранимо раз и навсегда. Решаемо другое – не доводить конфликты до непримиримого антагонизма, гражданской войны и ре-

волюции. Обострение неравенства дает сигналы: а) запущенная «болезнь» глобализации; б) рыночная экономика перед большой трансформацией; в) социальные партнеры (власть, работодатели и работники, партии и профсоюзы) должны незамедлительно приступить к конструктивному диалогу.

Глобальная действительность высветила новые контуры неравенства. Исследование вековых трендов подтвердило цикличность соотношения доходов от труда и капитала (Т. Пикетти). Традиционные инструменты анализа (кривая Лоренца, децильные коэффициенты и коэффициент Джини) не улавливают мозаичность картины неравенства по странам, стратам и во времени, если пользоваться лишь усредненными показателями ВВП на душу населения и без плодотворного сотрудничества с социологами. Перспективен кластерный подход к национальному (страновому) социуму [6].

Применительно к России желательно продолжить программы содействия семьям с детьми, сохранять и в дальнейшем равновесие между прожиточным минимумом и МРОТ с регулярной индексацией. Инфляционные ожидания велики, особенно по продовольствию. Не настало ли время для проработки предложения об исключении из продовольственного эмбарго отдельных видов импорта из конкретных стран по инициативе России? Не пора ли включить в понятийный аппарат исследователей (а возможно, и в обиход статистиков) неологизм *прекариат*? Термин обозначает социум с шатким социально-экономическим положением, наиболее уязвимые слои населения (первые жертвы кризисов), страту с материальными

затруднениями по еде, одежде, лекарствам, бытовой технике. Пенсионная реформа в ее нынешнем виде – это наименьшее зло от трансформации; ее прозрачная цель – не экономия на субсидиях Пенсионному фонду (дежурный аргумент оппозиции), а прибавка к трудовым ресурсам через увеличение отработанного времени.

Авторские гипотезы

Идея методологического плюрализма воплощена и в авторских гипотезах. Панорамное видение. Ретроспектива. Периферийное зрение (вокруг себя). Краткие вопросы и незамедлительные ответы. Преемственность с предыдущими публикациями [13].

Когда начинается рыночная трансформация России? На рубеже 80-90-х гг. XX в. Скоротечная Перестройка: дебют (1987), пик (1989) и агония (1990-1991 гг.).

Генезис рыночной экономики в России. Зарождение рыночных институтов (официально и явочно): индивидуально-трудовая деятельность (ИТД), кооперативы, аренда, совместные предприятия (СП), акционерные коммерческие банки (АКБ), товарные и фондовые биржи. Спонтанно-силовая приватизация после принятия закона о государственном предприятии (1987). В ней участвовали партийная номенклатура, комсомольский актив, кооператоры, «новые бедные» (прекариат), «олигархи» первого поколения. Распад Советского Союза зрел исподволь с молчаливого согласия внутренних и внешних акторов. Гласность как зародыш суверенитета личности, гражданских свобод.

Трансформационные издержки Перестройки. Предотвратить распад Советского Союза можно было бы до

1989 г., до согласия на объединение двух Германий, ликвидации де факто Организации Варшавского Договора (ОВД), сноса Берлинской стены. Трагическое противостояние М. Горбачева и Б. Ельцина. Разрушение без созидания. Гласность как «телега впереди лошади», то есть в отрыве от осторожных хозяйственных реформ с заимствованием опыта Китая (с 1978 г.). Романтические иллюзии и коварные капканы Запада к СССР. В итоге – инверсионная трансформация, от «патологии социализма» (А. В. Бузгалин) к неведомому. Тогда же пускает корни симбиоз власти и собственности.

90-е гг. – десятилетие неоднозначных преобразований. Клише «дикий капитализм», «бандитская Россия», «прихвачивание», «дерьмократия» – плод неконтролируемых эмоций, поверхностной рефлексии, идеологических пристрастий. Однобокий взгляд на недавнее прошлое. К этому десятилетию станут возвращаться и будущие поколения. Там много тайн, загадок, парадоксов, аномалий. Что удалось младореформаторам за 1992 год (до отставки в декабре)? За год осуществить либерализацию цен (с отдельными изъятиями), ваучерную приватизацию и ввести внутреннюю конвертируемость российского рубля. Эти начинания никто из последующих премьеров (В. С. Черномырдин, Е. М. Примаков) не хотел и не мог отменить. Бесспорный факт. Рыночная экономика России 90-х гг. – это нечто вроде «недоношенного» и «рахитичного» ребенка. Но и она выдержала испытание кризисом 1998 г. и приступила к восстановительному росту.

Трансформационные издержки 90-х гг. Глубокий и затяжной спад в экономике (потеря до 40 % ВВП). Чудовищ-

ная гиперинфляция. Подмена ваучерной («народной») приватизации на номенклатурную («олигархическую»). Долларизация России. Ловушка «Запад нам поможет!». Баланс приобретений и потерь составит каждый, по своему разумению.

Восстановительный рост нулевых и последующих лет (1999-2017). Выход на докризисные рубежи (полностью и частично в зависимости от секторов и комплексов национальной экономики). Компенсация потерь от ошибок и неудач рыночной трансформации. Нелинейная модификация и модернизации макроэкономической структуры как побочный продукт кризисов и относительных успехов в экономической политике. Адаптация страны (власти, бизнеса, населения) к санкциям Запада.

Трансформационные издержки восстановительного роста. Краткие промежутки между кризисами. Сырьевая стратегия не обезопасила себя от «голландской болезни» (рост и спад соседствуют). «Теневая экономика» и коррупция. Стандарты благосостояния в России ниже среднеевропейских. Низкая деловая культура российского бизнеса и государственного управления.

Когда в России завершится в основном период первоначального накопления капитала с его гримасами и извращениями? В течение 20-х гг. XXI в., после 40-летия рыночных блужданий. Обязательные условия: 1) конструктивный диалог власти и общества; 2) структурные и институциональные реформы без спешки, но своевременно; 3) угасание мотивации на сверхприбыль и рентные доходы (всех видов, в первую очередь от административной ренты) и движение к средней прибыли (нормаль-

ной для конкретной конъюнктуры спроса и предложения).

Данный текст грешил бы гордыней и сомнением, если бы не были представлены альтернативные концепции и размышления. Фундаментальный труд А. В. Бузгалина по переходной экономике опубликован после драматических событий октября 1993 г., когда ученые-экономисты, как и большинство интеллигенции, оказались поделены на два лагеря кровью сотен москвичей [1]. Высказать свою позицию в самом начале радикальных преобразований в постсоветской России – шаг, для ученого смелый и закономерный, а для политика – преждевременный. Первый вопрос – откуда и куда мы движемся? От мутантов социализма к мутантам капитализма [1, с. 59]. Типологическая черта переходной экономики запрятана в «салате» разнородных производительных сил и производственных отношений, то есть происходит процесс дивергенции («разбегания») [1, с. 16-18]. Далее автор анализирует три модели ближайшего будущего: 1) право-либеральная модель «номенклатурного капитализма»; 2) государственно-корпоративная и 3) левая демократическая. Любопытная гипотеза о «посткапитализме» как воспоминания о будущем переходной экономики [1, с. 64]. Глубока и постановка вопроса: движение к цивилизационному обществу или первоначальное накопление капитала? [1, с. 64]. А. В. Бузгалина не покидает идея о возможности и необходимости пострыночных отношений [1, с. 42].

А. А. Тутов (МГУ) и А. Е. Шаститко (МГУ, РАНХ) на страницах журнала «Вопросы философии» (№ 6, 2017) обсуждают методологический статус но-

вой институциональной экономической теории (НИЭТ) [16]. Совместная статья преодолевает сложившийся когда-то «холод» между философией науки и экономической теорией.

Они поддерживают идею исследовательских программ И. Лакатоса (1922-1974): сосуществование не только взаимодополняющих исследований, но и преимущественно конкурирующих [16, с. 65]. Альтернатива отнюдь не глобальна и не ориентирована на полное вытеснение других направлений исследований «рынка научных идей». Она устойчива во времени, охватывает системообразующие координаты, одновременно сопоставимые и несопоставимые [11, с. 66-67]. Сравнительные преимущества НИЭТ (оппозиция и мейнстриму, и маргинализму, и старому институционализму) позволяют сопоставлять результаты реально доступных и осуществлявшихся структурных альтернатив, что обязательно предполагает эмпирические исследования [16, с. 69]. Сторонники НИЭТ констатируют различные толкования трансакционных и трансформационных издержек [16, с. 70-71].

Предоставим слово одному из основателей мир-системного анализа И. Валлерстайну (США). Создают футурологическую интригу два его прогноза. Первый. «Начало “хаоса” – это, кажется, будет главным направлением следующего А-периода, примерно в 2000-2025 гг.» [3, с. 364]. Второй прогноз относительно силы государства и рынка: «Мы не знаем, какой тип исторической системы придет навстречу ныне существующей. Но мы наверняка знаем, что та своеобразная система ..., в которой государство играет ключевую

роль в обеспечении безграничного накопления капитала, не способна более функционировать» [4, с. 104]. Информация к размышлениям.

Включение в корпус авторских гипотез публикаций неомарксиста

(А. В. Бузгалин), неoinституционалистов (А. А. Тутов, А. Е. Шаститко), футуролога (И. Валлерстайн) подтверждает наличие альтернативных идей, плодотворных для дискуссии.

Библиографический список

1. Бузгалин, А. В. Переходная экономика: курс лекций по политической экономике. – М. : Таурус, Просперус, 1994. – 472 с.
2. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение /пер. с англ. – М. : ИД «Территория будущего», 2006. – 248 с.
3. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. – СПб. : Университетская наука, 2001. – 416 с.
4. Валлерстайн, И. Конец знакового мира. Социология XXI века. – М. : Логос, 2003. – 354 с.
5. Григорьев, Л. М. Два дискурса в российской экономической науке // Вопросы экономики. – 2017. – № 9. – С. 135-157.
6. Григорьев, Л. М., Павлюнина, В. А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000-2016 гг. // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 29-52.
7. Громько, Ал. А. Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики // Современная Европа. – 2018. – № 4. – С. 5-16.
8. Дэвид-Фукс, М. Жизненный цикл русской революции: опыт теоретического и сравнительного исследования // Неприкосновенный запас (НЗ). – 2018. – № 2 (118). – С. 65-76.
9. Евстафьев, Д. Россия на фоне глобального кризиса: расписание на послезавтра // Эксперт. – 2018, 29 октября – 4 ноября. – № 44. – С. 32-39.
10. Кудияров, С. Семерка весом в туз // Эксперт. – 2018, 12-18 ноября. – № 46. – С. 20-25.
11. Материалы круглого стола в рамках XIV Апрельской международной конференции НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 136-156.
12. Пештиев, В. И. Либеральный этатизм в России: контуры феномена // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1. – № 3. – С. 68-72.
13. Пештиев, В. И. Реформы, экономическая мысль и общество в России второй половины XX века: институциональные аспекты. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2015. – 178 с.
14. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.
15. Пономаренко, А. Стагнация или рецессия? // Эксперт. – 2015, 13-19 апреля. – № 16. – С. 54-57.
16. Тутов, А. А., Шаститко, А. Е. Опыт предметной идентификации новой институциональной теории // Вопросы философии. – 2017. – № 6. – С. 63-73.

References

1. Buzgalin, A. V. Perekhodnaya ehkonomika: kurs lekcij po politicheskoj ehkonomii. – M. : Taurus, Prosperus, 1994. – 472 s.
2. Vallerstajjn, I. Mirosystemnyj analiz: vvedenie / per. s angl. – M. : ID «Territoriya budushchego», 2006. – 248 s.
3. Vallerstajjn, I. Analiz mirovyh sistem i situaciya v sovremennom mire /per.s angl. – SPb. : Izd. «Universitetskaya nauka», 2001. – 416 s.
4. Vallerstajjn, I. Konec znakovogo mira. Sociologiya XXI veka. – M. : Logos, 2003. – 354 s.
5. Grigor'ev, L. M. Dva diskursa v rossijskoj ehkonomicheskoj nauke //Voprosy ehkonomiki. – 2017. – № 9. – S. 135-157.
6. Grigor'ev, L. M., Pavlyunina, V. A. Social'noe neravenstvo v mire: tendencii 2000-2016 gg. // Voprosy ehkonomiki. – 2018. – № 10. – S. 29-52.
7. Gromyko, Al.A. Raskolotyj Zapad: posledstviya dlya Evroatlantiki // Sovremennaya Evropa. – 2018. – № 4. – S. 5-16.
8. Dehvid-Fuks, M. ZHiznennyj cikl russoj revolyucii: opyt teoreticheskogo i sravnitel'nogo issledovaniya // Neprikosnovennyj zapas (NZ). – 2018. – № 2 (118). – S. 65-76.
9. Evstaf'ev, D. Rossiya na fone global'nogo krizisa: raspisanie na poslezavtra // Ehkspert. – 2018, 29 oktyabrya – 4 noyabrya. – № 44. – S. 32-39.
10. Kudiyarov, S. Semerka vesom v tuz // Ehkspert. – 2018, 12-18 noyabrya. – № 46. – S. 20-25.
11. Materialy kruglogo stola v ramkah XIV Aprel'skoj mezhdunarodnoj konferencii NIU VSHEH // Voprosy ehkonomiki. – 2018. – № 10. – S. 136-156.
12. Peftiev, V. I. Liberal'nyj ehtatizm v Rossii: kontury fenomena // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – T. 1. – № 3. – S. 68-72.
13. Peftiev, V. I. Reformy, ehkonomicheskaya mysl' i obshchestvo v Rossii vtoroj poloviny XX veka: institucional'nye aspekty. – Yaroslavl': izd. YAGPU, 2015. – 178 s.
14. Piketti, T. Kapital v XXI veke. – M. : Ad Marginem Press, 2016. – 592 s.
15. Ponomarenko, A. Stagnaciya ili recessiya? //Ehkspert. – 2015, 13-19 aprelya. – № 16. – S. 54-57.
16. Tutov, A. A., Shastitko, A. E. Opyt predmetnoj identifikacii novej institucional'noj teorii // Voprosy filosofii. – 2017. – № 6. – S. 63-73.

ПЕДАГОГИКА

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10342

УДК 37.013

Ж. А. Захарова <https://orcid.org/0000-0001-8795-1535>

**Подготовленность воспитанников социально-реабилитационного центра
к самостоятельной жизни**

Аннотация. Гармоничное вхождение воспитанников социально-реабилитационных центров в общество по окончании курса реабилитации напрямую зависит от знаний, умений и навыков по выстраиванию социальных отношений, которые они получили в центре, и от профессионального уровня социально-педагогической работы с выпускниками учреждений для данной категории детей. Актуальным является осуществление преемственности не только в содержательной части подготовки воспитанников данных учреждений к самостоятельной жизнедеятельности, но и в передаче информации из одного учреждения в другое. Анализируемые в статье подходы к организации подготовки воспитанников социально-реабилитационных центров к самостоятельной жизни помогут педагогам и другим специалистам таких учреждений определить основные направления социально-педагогической работы с детьми, глубже понять специфику адаптации несовершеннолетних после выхода из реабилитационного центра. Материал, собранный автором работы, поможет расширить спектр социальных услуг для данной категории детей, конкретизировать содержание социально-реабилитационного процесса, создать преемственность между всеми ведомственными учреждениями, способствующими успешному жизнеустройству выпускников детских учреждений.

Ключевые слова: социально-педагогическая реабилитация, самостоятельность, трудная жизненная ситуация.

PEDAGOGY

Z. A. Zakharova

Readiness of pupils of the social rehabilitation center for independent life

Abstract. The harmonious entry of pupils of social rehabilitation centers into society at the end of the rehabilitation course depends on the knowledge, skills and abilities to build social relations, which they were taught at the center, and the professional level of social and pedagogical work with graduates of institutions for this category of children. Actual is the implementation of continuity not only in the content of the training of pupils of these institutions to independent life, but also in the transfer of information from one institution to another. The approaches analyzed in the article to the organization of training of pupils of social rehabilitation centers for independent

© Захарова Ж. А., 2019

life will help teachers and other specialists of such institutions to determine the main directions of social and pedagogical work with children, to better understand the specifics of adaptation of minors after leaving the rehabilitation center. The material collected by the author of the work will help to expand the range of social services for this category of children, to specify the content of the social rehabilitation process, to create continuity between all departmental institutions that contribute to the successful life of graduates of children's institutions.

Keywords: social and pedagogical rehabilitation, independence, difficult life situation.

Одним из приоритетных вопросов защиты прав и интересов детей становится вопрос социальной реабилитации несовершеннолетних как механизма профилактики социального сиротства. Актуализация означенной тематики нашла свое отражение в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., Концепции демографической политики РФ до 2025 г., Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг., Указе Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 и иных нормативно-правовых актах федерального и местного значений.

Под социальной реабилитацией (от лат. *rehabilitatio* – восстановление), согласно концепции Б. Н. Алмазова, понимается «совокупность медицинских, социально-экономических, психолого-педагогических, юридических мер и мероприятий, направленных на восстановление жизнедеятельности в социальной среде, компенсацию нарушенных социально-педагогических функций, социальных отклонений, защиту законных прав и интересов несовершеннолетних» [1, с. 27].

Следует подчеркнуть возрастание роли специализированных учреждений для несовершеннолетних в формировании реабилитационного потенциала воспитанников, их социальной адаптации и реабилитации. Воспитанниками социально-реабилитационных центров (СРЦ) становятся дети в возрасте 3-18 лет, оставшиеся без попечения родите-

лей (или законных представителей); осиротевшие дети; дети, самовольно покинувшие семью; дети, не имеющие места жительства и средств к существованию; дети, оказавшиеся в иной трудной жизненной ситуации и нуждающиеся в круглосуточном пребывании в учреждении.

Среднестатистический портрет воспитанника социального приюта или социально-реабилитационного центра выглядит следующим образом: это ребенок (подросток) из неблагополучной или малообеспеченной семьи, где один или оба родителя злоупотребляют алкоголем, психотропными веществами. Как правило, он не посещает образовательное учреждение (детский сад, школу) либо делает это нерегулярно; имеет опыт употребления табака и алкоголя. Результатом жизнедеятельности ребенка в условиях социального неблагополучия, трудной жизненной ситуации становится социальная дезадаптация, которая, по убеждению современных исследователей, является обратимым процессом при создании системы социально-педагогического, психолого-педагогического сопровождения, обеспечивающего оптимальное включение ребенка в новые или изменяющиеся условия окружающей социальной среды на основе его конструктивного взаимодействия с педагогом.

Проблема подготовки детей к самостоятельной жизни изучалась целым рядом исследователей: Л. В. Байбородовой [2], А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых [7], Л. М. Шипицыной [11]. Одна-

ко в научной психолого-педагогической литературе нет единого подхода к понятию «самостоятельная жизнь», существуют весьма разные определения, в числе которых – внутренняя и внешняя активность личности в конкретных условиях [4]. В ближайшем окружении, внешнем мире ребенок сталкивается со своими проблемами и трудностями, возможностями и ограничениями, правами и обязанностями. То есть подготовка воспитанников СРЦ к самостоятельной жизни должна осуществляться с различных сторон: как совокупность компонентов окружающей действительности и их роли в жизни человека, как виды деятельности людей, как внутренняя структура личности, а также с рефлексивно-мировоззренческой стороны. Как справедливо отметил О. В. Трошин, сегодня в науке «недостаточно четко определены соотношения понятия “жизнедеятельности” с близкими по смыслу категориями “деятельность”, “поведение”, “активность”, “практика”» [10, с. 127]. Смысл самостоятельной жизни раскрывается в некоторых родственных понятиях, таких как *образ жизни, жизненность, жизненный цикл, жизненный процесс, жизнеощущение, жизненный путь, время жизни, жизневосприятие, житетворчество, жизнеобеспечение, жизнеустройство, жизненный кризис, стиль жизни*, приводимых разными учеными.

Переход выпускника социозащитного учреждения из искусственной среды социально-реабилитационного центра в социальную среду, где иные требования и нормы (порой жестокие и безжалостные), культурные, социальные, межличностные взаимоотношения, определяют необходимость быстрой адаптации ко все время изменяющимся социально-экономическим требованиям качества жизни.

На основании анализа опыта работы мы определили проблемы, с которыми сталкиваются выпускники СРЦ, возвращаясь в привычную среду (чаще – в кровную семью), в самостоятельную жизнь:

- адаптация к часто меняющейся социально-экономической среде;
- видение целостной картины мира и своего места в нем;
- умение выстраивать позитивные межличностные отношения.

Выпускники СРЦ по окончании курса реабилитации с трудом адаптируются в привычной для них до помещения в социозащитное учреждение среде: возникают трудности с обучением, занятостью в свободное время, отсутствием простейших навыков конструктивного общения, неумением обустроить свои бытовые условия, планировать свой бюджет, завести семью, друзей, отстаивать свои социальные права. И если механизмы подготовки к будущей жизнедеятельности в интернатных учреждениях сегодня в целом изучены, то возвращение к привычным условиям жизни после пребывания в СРЦ диктует появление затруднений несколько другого плана. Возвращение в родную семью, родную среду, к сожалению, в ряде случаев ведет к дезинтеграции, десоциализации и дезадаптации подростка. Причинами тому являются низкий материальный уровень жизни семей; духовный кризис семьи в условиях борьбы за выживание; плохие жилищно-бытовые условия семей; алкоголизм и наркомания родителей; аморальная и криминальная обстановка в семье; педагогическая несостоятельность родителей; дистанцирование школы от ребенка в трудной жизненной ситуации и др. [3].

Среди личностных особенностей, затрудняющих адаптацию ребенка в привычной среде после пребывания в

СРЦ, следует назвать неразвитые ценности и смыслы жизни, слабую жизнеспособность, низкую ответственность в деятельности и общении; педагогическую запущенность ребенка; отклоняющееся поведение, групповой конформизм, склонность к негативным образцам поведения, в особенности у подростков [5]. Таким детям часто присущи аномалии в физическом и психическом развитии; акцентуации характера, низкий самоконтроль эмоционально-волевой сферы; конфликтное поведение в общении со взрослыми; низкий жизненный и культурный кругозор и малая когнитивная компетентность; несформированная Я-концепция и неадекватная самооценка личности.

Эти факторы формируют личность детей, нуждающихся в социальной помощи, для сознания которых характерны следующие тенденции: жадное индивидуалистическое потребление, с одной стороны, и стремление к самостоятельной жизни – с другой.

В настоящее время в научной литературе термин «подготовка к самостоятельной жизни» недостаточно определен. В работе Л. В. Моисеевой [6] он понимается как выявление, формирование и развитие тех качеств личности, нравственно-этических и мотивационных установок, которые обеспечат субъекту социума ориентацию в сложных жизненных ситуациях, простимулируют гражданскую активность, обеспечат самореализацию в социальных сферах (профессиональной, семейной, трудовой, гражданской и т. д.) его будущей жизнедеятельности. Критерием подготовленности к самостоятельной жизни в социуме выпускника социозащитного учреждения является его готовность к будущей жизнедеятельности. «В конечном итоге она определяет тот или иной образ жизни, то есть совокупность способов и форм жизнедеятельности, при-

сущих той или иной личности, группе, обществу, взятых в единстве с их условиями», – считает Е. И. Танас [8, с. 7].

Эффективность подготовки воспитанников СРЦ к будущей жизни после пребывания в учреждении зависит от некоторых социальных, психологических, организационных факторов:

- общих, содержание которых зависит от общественно-экономического строя (условия жизнедеятельности людей, духовная культура общества, роль государства и СМИ в формировании личности и т. д.);

- средовых, обусловленных специфическими особенностями экономического и демографического развития местного сообщества: сеть образовательных организаций, учреждений дополнительного образования детей и профессиональной подготовки, социокультурный потенциал местности, культурно-образовательный уровень семьи и т. д.;

- специфических, выраженных особенностями реабилитационного процесса в детском социозащитном учреждении. В организационных условиях каждого социально-реабилитационного центра эти особенности позволяют строить различные модели подготовки воспитанников к их самостоятельной жизни [9].

Исследование Х. Г. Юсуповой показывает: «наивысший уровень притязаний, но не всегда верная оценка своих способностей приводит к тому, что до 70 % выпускников СРЦ неадекватно оценивают себя и свое будущее. Умение сдерживать свои эмоциональные порывы, руководить собой связано с развитием общей культуры, а также культуры эмоций в рамках саморегуляции» [12, с. 5].

Проведенное нами исследование подтверждает, что воспитанники СРЦ демонстрируют невысокий уровень ак-

тивности, не умеют анализировать собственное поведение и поведение окружающих людей, неадекватно воспринимают критику и замечания в свой адрес, не готовы обсуждать нравственные проблемы, мнение детей часто зависит от мнения лидера группы.

Диагностика с использованием методики изучения социализированности М. И. Рожкова показала, что адаптивность, социальная активность и нравственность находятся у воспитанников на среднем уровне развития, автономность – на уровне ниже среднего, что

говорит о ярко выраженном чувстве «Мы» воспитанников социально-реабилитационного центра и, соответственно, – об отсутствии собственного мнения.

Нами также было проведено анонимное анкетирование «Будущее за мной» среди воспитанников реабилитационного отделения для детей и подростков с целью выявления представлений о личностных качествах, помогающих им добиться успеха в социуме. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты анкетирования «Будущее за мной»

Качества успешного человека	Результаты	
	рейтинг	%
Самостоятельность	1	25,5
Ответственность	3	24,1
Трудолюбие	5	19,3
Социальная активность	4	21,8
Общительность, умение взаимодействовать	6	18,4
Уверенность в себе	2	25,3
Юмор	14	8,3
Выдержка и самообладание	10	12,8
Интеллект и эрудиция	8	16,6
Инициативность	17	7
Доброжелательность	15	8
Лидерские качества	11	10,7
Отзывчивость, умение оказать помощь	16	7,5
Самоуважение	13	9,8
Дисциплинированность	12	10,2
Независимость	7	17,5
Справедливость	9	15,3

Как видно из таблицы 1, значимыми личностными качествами, помогающими добиться успеха в будущем, по мнению подростков, являются самостоятельность (более 25 % мнений), уверенность в себе (25,3 % мнений) и ответственность (19,3 % мнений). Такие личностные качества, как социальная активность и трудолюбие, занимают четвертое и пятое рейтинговые места. Наименее значимыми личностными

качествами подростки считают доброжелательность, отзывчивость, умение оказать поддержку, самоуважение, инициативность и чувство юмора. Большинство уверено, что эти качества никаким образом не повлияют на их будущее.

Таким образом, следует отметить: у подростков сформировано понимание, что успех в будущем в основном зависит от таких качеств, как самостоятель-

ность, ответственность, интеллект и эрудиция. Отсутствие у подростков таких личностных качеств, как выдержка и самообладание, самоуважение, дисциплинированность, инициативность, доброжелательность, по их собственному мнению, не окажет значительного влияния на успешность самостоятельной жизни. Очевидно наличие противоречия (разрыва) в мировоззрении подростков, связанное с пониманием важности второй группы качеств личности для их дальнейшей самостоятельной жизнедеятельности. Следовательно, воспитанники СРЦ нуждаются в осознании значимости личностных качеств, необходимых для выстраивания собственного будущего.

Подводя итог, отметим, что после окончания реабилитационного периода

в самостоятельной жизни воспитанникам необходимо будет вновь вступать в различные социальные отношения (межличностные, семейные, деловые, бытовые), требующие наличия специальных социальных компетенций, таких как активность, коммуникация, ответственность, умение делать выбор, работа в группе и т. д. Для этого в реабилитационном процессе социозащитного учреждения нужны открытость, социальное взаимодействие с партнерами, разнообразие форм социальной жизни. В социозащитном учреждении необходимо создать социально-реабилитационную среду, максимально содействующую социализации воспитанников в таких важнейших сферах, как деятельность, общение, самопознание.

Библиографический список

1. Алмазов, Б. Н. Психологические основы педагогической реабилитации : учеб. пособие. – М. : ВЛАДОС, 2008. – 285 с.
2. Байбородова, Л. В. Социальная педагогика. Профорientация и самоопределение детей-сирот : учебное пособие / Л. В. Байбородова, Л. Н. Серебrenников, А. В. Золотарева, Л. Г. Жедунова, Н. Н. Посысов, А. П. Чернявская, М. И. Рожков. – М. : Юрайт, 2017. – 243 с.
3. Байбородова, Л. В. Социально-педагогическое сопровождение проблемных семей : учебное пособие / Л. В. Байбородова, Т. С. Лебедева, И. Ю. Тарханова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – 183 с.
4. Бурындина, И. Г. К вопросу определения показателей жизнедеятельности воспитанников детского дома [Электронный ресурс] // Magister Dixit. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opredeleniya-pokazateley-zhiznedeyatelnosti-vospitannikov-detskogo-doma> (дата обращения: 19.03.2019).
5. Ковальчук, М. А. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация : учебное пособие / М. А. Ковальчук, И. Ю. Тарханова. – М. : ВЛАДОС, 2010. – 285 с.
6. Моисеева, Л. В. Социализация детей и молодежи, находящихся в трудной жизненной ситуации : методическое пособие. – Самара : ГУ «Центр помощи детям», 2013. – 140 с.
7. Прихожан, А. М. Дети без семьи / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. – М. : Педагогика, 1990. – 158 с.
8. Танас, Е. И. Социально-педагогическое сопровождение ресоциализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в условиях социально-реабилитационного центра. – М., 2010. – 28 с.

9. Тарханова, И. Ю. Социально-педагогическая реабилитация безнадзорных подростков. – Ярославль, 2005. – 156 с.
10. Трошин, О. В. Основы реабилитации и профориентации : учебное пособие / О. В. Трошин, Е. В. Жулина, В. А. Кудрявцев. – М. : ТЦ Сфера, 2005. – 384 с.
11. Шипицына, Л. М. Психология детей-сирот : учебное пособие. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского унив-та, 2005. – 340 с.
12. Юсупова, Х. Г. Социально-педагогическое сопровождение ресоциализации подростков в условиях социального приюта. – М., 2009. – 185 с.

References

1. Almazov, B. N. Psihologicheskie osnovy pedagogicheskoy reabilitacii: ucheb. posobie. – M. : VLADOS, 2008. – 285 s.
2. Bajborodova, L. V. Social'naya pedagogika. Proforientaciya i samoopredelenie detej-sirot : uchebnoe posobie / L. V. Bajborodova, L. N. Serebrennikov, A. V. Zolotareva, L. G. Zhedunova, N. N. Posysoev, A. P. Chernyavskaya, M. I. Rozhkov. – M. : Yurajt, 2017. – 243 s.
3. Bajborodova, L. V. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie problemnyh semej: uchebnoe posobie / L. V. Bajborodova, T. S. Lebedeva, I. Yu. Tarhanova. – Yaroslavl': RIO YAGPU, 2015. – 183 s.
4. Buryndina, I. G. K voprosu opredeleniya pokazatelej zhiznedejatel'nosti vospitannikov detskogo doma [Elektronnyj resurs] // Magister Dixit. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opredeleniya-pokazateley-zhiznedejatel'nosti-vospitannikov-detskogo-doma> (data obrashcheniya: 19.03.2019).
5. Koval'chuk, M. A. Deviantnoe povedenie: profilaktika, korrekciya, reabilitaciya: uchebnoe posobie / M. A. Koval'chuk, I. Yu. Tarhanova. – M. : VLADOS, 2010. – 285 s.
6. Moiseeva, L. V. Socializaciya detej i molodezhi, nahodyashchihsya v trudnoj zhiznenoj situacii/ Metodicheskoe posobie. – Samara: GU «Centr pomoshchi detyam», 2013. – 140 s.
7. Prihozhan, A. M. Deti bez sem'i / A. M. Prihozhan, N. N. Tolstyh. – M. : Pedagogika, 1990. – 158 s.
8. Tanas, E. I. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie resocializacii detej-sirot i detej, ostavshihsya bez popecheniya roditel'ej v usloviyah social'no-reabilitacionnogo centra. M., 2010. – 28 s.
9. Tarhanova, I. Yu. Social'no-pedagogicheskaya reabilitaciya beznadzornyh podrostkov. – Yaroslavl', 2005. – 156 s.
10. Troshin, O. V. Osnovy reabilitacii i proforientacii: uchebnoe posobie / O. V. Troshin, E. V. Zhulina, V. A. Kudryavcev. – M. : TC Sfera, 2005. – 384 s.
11. Shipicyna, L. M. Psihologiya detej-sirot. Uchebnoe posobie. – SPb. : Izd. Sankt-Peterburgskogo univ-ta, 2005. – 340 s.
12. YUusupova, H. G. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie resocializacii podrostkov v usloviyah social'nogo priyuta M., 2009. – 185 s.

Д. Т. Березин <https://orcid.org/0000-0003-0193-2398>

С. Л. Таланов <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

**Общее и профессиональное образование в пенитенциарных учреждениях
как условие ресоциализации осужденных**

Аннотация. Представлены результаты социологических исследований, проведенных в исправительных и воспитательных колониях, которые расположены в Центральном округе РФ. Установлено, что в колониях отбывают наказание около 30 % осужденных с начальным и основным общим образованием, около 30 % осужденных со средним (полным) образованием, около 20 % – со средним профессиональным образованием, остальные судимые – с высшим образованием. По результатам исследования делается вывод, что общеобразовательное и профессиональное обучение рассматривается большей частью осужденных как возможность восстановить чувство собственного достоинства, вновь ощутить себя полноценным членом общества, а также – как дополнительная гарантия профессиональной востребованности.

Ключевые слова: агенты социализации, ресоциализация, воспитание, образование, терминальные и инструментальные ценности, осужденные, исправительные колонии.

D. T. Berezin, S. L. Talanov

**General and professional education in penitentiary institutions
as a condition of re-socialization of convicts**

Abstract. The results of sociological research conducted in correctional and educational colonies located in the Central district of the Russian Federation are presented. It is established that in the colonies about 30 % of convicts with primary and basic general education, about 30 % of convicts with secondary (full) education, about 20 % – with secondary professional, the rest of the convicts – with higher education. According to the results of the study, it is concluded that general education and vocational training is considered by the majority of convicts as an opportunity to restore self-esteem, to feel again a full member of society, as well as an additional guarantee of professional demand.

Keywords: agents of socialization, resocialization, upbringing, education, terminal and instrumental values, convicts, correctional colonies.

Актуальность исследования. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, количество выявленных лиц, совершающих преступления из года в год, существенно не меняется (табл. 1, 2). Но уровень преступности периодически волнообразно изме-

няется: так, каждые шесть лет наблюдается рост, а затем – некоторое снижение числа зарегистрированных преступлений. Если анализировать не общий уровень преступности, а сделать разбивку по категориям или по отдельным видам преступлений, то мы увидим иную ди-

намику, которая также будет волнообразной. Важно понимать, что уровень преступности зависит, прежде всего, от социально-экономического положения региона, исключение – клептомания, уровень которой определяется другими причинами. Особое беспокойство вызывает рост преступности среди лиц, проходящих обучение в образовательных организациях. Количество привлечен-

ных к уголовной ответственности учащихся и студентов в последнее время составляет примерно 5 % от общего числа правонарушений. Проведенные нами ранее социологические исследования показали, что, пока человек проходит обучение, он менее предрасположен к совершению преступлений.

Таблица 1

Выявлено лиц, совершивших преступления в России*

	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Выявлено лиц	1010938	1012563	1006003	1075333	1015875	967103

*Данные Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 01.05.2018).

Таблица 2

Выявлено учащихся и студентов, совершивших преступления в РФ*

	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Выявлено лиц	59157	60879	54870	55963	49971	45504

*Данные Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: – http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 01.05.2018).

Еще в XIX в. педагогами было доказано, что для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей необходимо, чтобы они, находясь в колонии, обязательно трудились и учились [1, 4]. Но проблема заключается в том, что в исправительных учреждениях, которые являются образовательными учреждениями закрытого типа, ряд граждан сознательно отказывается обучаться.

Учитывая сложившуюся ситуацию, необходимо разработать мероприятия, способствующие созданию в пенитенциарных учреждениях условий для успешной ресоциализации осужденных, значимым компонентом которой является образование.

Эмпирическая база исследования

В 2017 г. организовано анкетирование несовершеннолетних осужденных

(n=75), отбывающих наказание в Можайской воспитательной колонии (Московская область).

Проведены глубинные интервью с учителями ФКОУ вечерней (сменной) общеобразовательной школы № 1 УФСИН, расположенной на территории Можайской воспитательной колонии, n=2.

В 2018 г. состоялись беседы с осужденными совершеннолетними мужчинами, отбывающими наказание на территории Ярославской области: ФКУ ИК-1; ФКУ ИК-8; ФКУ ИК-2; ФКУ ИК-12 (n=200); беседы с женщинами, отбывающими наказание в колонии-поселении при ФКУ ИК-2 и хозяйственном отряде при ФКУ СИЗО-1.

Проводились глубинные интервью с бывшими осужденными, n=10.

Кроме того, были опрошены позиционные эксперты, n=12 (старший начальствующий состав ФСИН, вольнонаемный персонал (психологи и т. п.), члены ОНК 1-4 созыва).

Осуществлен повторный анализ данных:

– судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации;

– Федеральной службы государственной статистики России;

– Генеральной прокуратуры РФ;

– результатов социологических исследований, проведенных ВЦИОМ, сотрудниками ФНИСЦ РАН (г. Москва), работниками Академии Управления МВД РФ.

Авторские гипотезы

– Лица, осужденные за преступления против жизни и здоровья, а также за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности и не имеющие основного общего образования, как правило, не стремятся пройти общеобразовательное и профессиональное обучение в пенитенциарных учреждениях.

– Лица, осужденные за преступления против здоровья населения и общественной нравственности (наркотики и т. п.), независимо от уровня образования, как правило, не желают пройти общеобразовательное и профессиональное обучение в пенитенциарных учреждениях.

– Лица, осужденные за преступления против собственности и не имеющие основного общего образования, как правило, стремятся повысить свой образовательный и профессиональный уровень.

– Чем выше уровень образования осужденного на момент лишения свободы, тем сильнее его желание получить новые профессиональные навыки,

знания и умения в исправительной колонии.

– Незначительная часть осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях, стремятся получить высшее образование дистанционно.

– Осужденные, соблюдающие тюремные «законы», не желают проходить общеобразовательное и профессиональное обучение в пенитенциарных учреждениях.

– Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы впервые, независимо от совершенного ими преступления, в большей своей массе стремятся пройти общеобразовательное и профессиональное обучение в пенитенциарных учреждениях.

Методологическая база исследования

Теоретико-методологической основой исследования выступила институциональная теория аномии (Бьеррегаард и Кокран, Буркатски, Месснер, Том и Розенфельд) [6, 7, 8], но его успешной реализации послужили также научные труды О. А. Коряковцевой, Т. Г. Доссэ [2, 5].

Результаты исследования

В настоящее время в исправительных колониях Ярославской области отбывают наказание более 7 500 осужденных. Они осуждены за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (26 %), с убийствами (10 %), с кражами (14 %). 8,5 % отбывают наказание за разбой, 6,5 % – за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, 7 % – за грабеж, 3,5 % – за преступления сексуального характера. То есть более 75,5 % осужденных отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. И следует отметить, что больше половины оказались за решеткой впервые.

подавляющее большинство осужденных (84,8 %) составляют люди в возрасте от 25 до 55 лет.

Работают и получают заработную плату более 1 600 осужденных, очевидно, что рабочих мест для 7,5 тысяч заключенных крайне мало. Следовательно, образовательный процесс может помочь в обеспечении занятости. В 2017 г. за школьные парты сели порядка 800 осужденных, основное общее образование получили 64 человека, среднее общее – 167.

В рекомендациях Совета Европы признается, что «...большой процент заключенных имеет в основном негативный опыт обучения, и поэтому имеет определенные потребности в сфере образования, что обучение в тюрьмах помогает смягчить условия содержания в заключении и сделать их более гуманными» [3].

В подразделениях пенитенциарного ведомства региона организуется обязательное получение общего образования осужденными, не достигшими 30-летнего возраста. Остальные отбывающие наказание имеют возможность получить образование по собственному желанию.

В ИК-8 в профессиональном образовательном учреждении предлагается обучение по 10 профессиям: повар, пекарь, электромонтер, оператор швейного оборудования и т. д. За 2016-2017 учебный год обучение прошли 298 осужденных.

В УФСИН России по Ярославской области право осужденных на получение общего образования обеспечивается путем обучения в вечерних общеобразовательных школах, учебно-консультационных пунктах при исправительных учреждениях. Ежегодно осужденные проходят государственную итоговую аттестацию в форме государственного выпускного экзамена.

По итогам 2016/2017 учебного года осужденные (учащиеся 9–12-х классов в количестве 231 человека) успешно прошли государственную итоговую аттестацию, в результате которой получили основное общее образование (64 человека), среднее общее образование (167 человек).

Позиционные эксперты пояснили, что на протяжении 2016-2017, 2017-2018 учебных годов в УФСИН России по Ярославской области функционировали три вечерних (сменных) общеобразовательных школы при ИК-1, 8, 12, шесть учебно-консультационных пунктов при ИК-2, 3, ФКУ ЛИУ-9, ЛПУ СПб, СИЗО-1,2. С 1 сентября 2017 г. 766 осужденных приступили к учебному процессу.

Кроме того, позиционные эксперты отметили, что подготовка рабочих кадров из числа осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях Ярославской области осуществляется в четырех профессиональных образовательных учреждениях: № 86 № 87, № 88, № 89 при ИК-12, 2, 8, 1 соответственно и одном филиале ФКП образовательного учреждения № 89 при ФКУ ИК-3.

Эксперты в ходе опроса пояснили, что отношение осужденных к получению среднего профессионального образования и профессиональному обучению учитывается при определении степени их исправления.

Все профессиональные образовательные учреждения своевременно прошли процедуру лицензирования и государственной аккредитации, имеют бессрочные лицензии на осуществление образовательной деятельности и свидетельства о государственной аккредитации.

В 2018 г. обучился 351 осужденный по 19 профессиям (сварщик, электромонтер по ремонту и обслуживанию

электрооборудования, токарь, каменщик, оператор швейного оборудования, повар, оператор котельной, слесарь-ремонтник, машинист компрессорных установок, машинист (кочегар) котельной, станочник деревообрабатывающих станков, стропальщик, пекарь, штукатур, слесарь по ремонту автомобилей, мастер по обработке цифровой информации, мастер столярно-плотничных и паркетных работ, сборщик деталей и изделий, вырубщик деталей). На момент завершения исследования (2018 г.) в подведомственных образовательных учреждениях обучались 672 осужденных.

Профессии, реализуемые в подведомственных профессиональных учреждениях, востребованы не только на производстве исправительных учреждений, но также на региональном рынке труда Ярославской области.

Нас как исследователей интересовало, занимаются ли осужденные самообразованием. Известно, что у всех лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, есть свободное время, поэтому в рамках социологического исследования мы проанализировали, как осужденные проводят свободное время (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Нравится ли Вам, как Вы проводите свободное время?» (в %, от числа опрошенных)

	Мужчины (n=200)
Да, но хотелось бы лучше	63
Да	26
Нет	11

Только 26 % респондентов отметили, что им нравится, как они проводят свободное время. 11 % осужденных не

устраивает, как они проводят свободное время.

Далее мы изучали структуру свободного времени осужденных (табл. 4).

Таблица 4

Структура свободного времени осужденных (в %, от числа ответивших)

	Мужчины (n=200)
Посещаю библиотеку и читаю книги	61
Звоню родным (осужденным разрешается звонить из МЛС)	52
Общаюсь в компании друзей	50
Хожу в тренажерный зал	32
Работаю	23
Смотрю телевизионные передачи	21
Посещаю кафе на территории МЛС	16

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов.

61 % осужденных отметили, что посещают библиотеку и читают книги. Это подтверждается членами общественной наблюдательной комиссии

(ОНК), которые в исправительных колониях посещают не только общежития осужденных, ПКТ (помещения камерного типа), ШИЗО (штрафной изоля-

тор), но и библиотеки. Члены ОНК отметили, что осужденные активно посещают библиотеки и читают большое количество книг. Сами осужденные пояснили, что читают в основном русскую классику (Л. Толстого, Ф. Достоевского), а также фантастику. Кроме того, их

привлекает научно-популярная литература.

Нас интересовало, удовлетворяет ли осужденных качество проводимых культурно-массовых мероприятий в ИК (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворяет ли Вас качество проводимых в ИК культурно-массовых мероприятий?» (в %, от числа опрошенных)

	Мужчины (n=200)
Полностью удовлетворен	26
Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	9
Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	54
Полностью не удовлетворен	11

66 % осужденных в той или иной степени не удовлетворены качеством проводимых в ИК культурно-массовых мероприятий.

Важно было понять, какое физкультурно-спортивное направление осужденные хотели бы выбрать для обучения (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Какое физкультурно-спортивное направление Вы хотели бы выбрать для обучения?»* (в %, от числа опрошенных)

Программы физкультурно-спортивной направленности	Мужчины (n=200)
каратэ	71
футбол	66
дзюдо	63
ушу	52
баскетбол	41
волейбол	38
другое	5

*Количество процентов по вертикали больше 100 %, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов.

Большинство осужденных хотели бы заниматься разными видами борьбы. Данный выбор позволяет предположить, что осужденные желали бы научиться постоять за себя в случае конфликта.

Какое же художественное направление в образовании предпочитают осужденные? (табл. 7).

Осужденные предпочитают декоративно-прикладное творчество, вокал и игру на разных музыкальных инструментах.

Один из самых важных в исследовании – ответ на вопрос, считают ли осужденные, что полученное в МЛС образование может помочь реализоваться в жизни после освобождения (табл. 8).

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос:
«Какое художественное направление Вы хотели бы выбрать
для обучения?»* (в %, от числа опрошенных)**

	Мужчины (n=200)
Программы художественной направленности	
декоративно-прикладное творчество	34
вокал	27
игра на медных, духовых, ударных, струнных и клавишных инструментах (саксофон, гитара, аккордеон, баян, барабан и т. д.)	26
изобразительное искусство	14
другое	6

*Количество процентов по вертикали больше 100 %, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов.

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос: «Поможет ли, по Вашему мнению,
полученное в МЛС образование реализоваться в жизни после
освобождения?»* (в %, от числа опрошенных)**

	Мужчины (n=200)
Способствует только поднятию самооценки	82
Способствует развитию социальных навыков	73
Поможет занять высокое положение в обществе	67
Поможет найти высокооплачиваемую работу	43
Поможет при поступлении в другие учебные учреждения	37
Судимость перекрывает все возможности для самореализации	33
Образование, полученное в МЛС, некачественное, просто «корочки»	13
Другое	5

*Количество процентов по вертикали больше 100 %, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов.

Нам хотелось понять, считают ли | профессия поможет реализоваться в
осужденные, что полученная в МЛС | жизни после освобождения (табл. 9).

Таблица 9

**Распределение ответов на вопрос: «Поможет ли, по Вашему мнению,
полученная в МЛС профессия реализоваться в жизни после
освобождения?»* (в %, от числа опрошенных)**

	Мужчины (n=200)
Поможет найти высокооплачиваемую работу	44
Судимость перекрывает все возможности для самореализации	33
Способствует развитию социальных навыков	24
Навыки и умения, приобретаемые в учреждениях, находящихся в МЛС, очень некачественные и не могут способствовать дальнейшему трудоустройству	17
Данная профессия (профессии), полученная в МЛС, не востребована на рынке труда	13
Способствует только поднятию самооценки	12
Другое	5

*Количество процентов по вертикали больше 100 %, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов.

Анализ ответов, представленных в таблицах 8 и 9, позволяет сделать вывод: осужденные полагают, что образование больше способствует самореализации в жизни, нежели получению профессии. Видимо, это связано с тем обстоятельством, что в основном в МЛС даются навыки и умения по таким профессиям, как токарь, фрезеровщик, каменщик, оператор швейного оборудования, повар, оператор котельной, сле-

сарь-ремонтник, машинист компрессорных установок. Данные профессии в среде обывателей не считаются престижными. С другой стороны, осужденные понимают, что после освобождения очень сложно претендовать на престижную и высокооплачиваемую работу. Интересно было выяснить, сколько осужденных планируют открыть собственное дело (табл. 10).

Таблица 10

**Ответ на вопрос: «Кем вы хотели бы стать в будущем?»
(в %, от числа ответивших)**

	Мужчины n=200
Наемным работником	49
Предпринимателем	41
Не решил(а)	10

Как видно из результатов опроса, 41 % осужденных желали бы открыть свое дело после освобождения из МЛС. В силу сложившихся обстоятельств (судимость, сложности при будущем трудоустройстве и т. п.) предпринимательство для определенной части лиц, отбывающих наказание, – это единственная возможность вернуть уважение со стороны семьи, друзей и общества.

В связи с этим мы путем анализа образовательных программ выявили, даются ли в ходе обучения в МЛС навыки, знания и умения, необходимые для ведения предпринимательской деятельности, и далее определили, считают ли осужденные, что в МЛС получают знания, навыки, умения необходимые для ведения предпринимательской деятельностью (табл. 11).

Как видно из ответов осужденных, закрытая система образования учреждений ведет явно недостаточную работу в этом направлении.

В Ярославской области судимые женщины отбывают наказание только в колонии-поселении при ФКУ ИК-2 и хозяйственном отряде при ФКУ СИЗО-1. Несовершеннолетние, совершившие преступление на территории Ярославской области, отбывают наказание в Можайской воспитательной колонии, n=75 (Московская область). Другими словами, женских колоний и воспитательных колоний для несовершеннолетних на территории региона нет. Беседы с обвиняемыми несовершеннолетними и осужденными женщинами показали, что большинство лиц данной категории стремится получить более высокий уровень образования (выше имеющегося на момент привлечения к уголовной ответственности), чем осужденные совершеннолетние мужчины. Это подтверждается и в ходе бесед с осужденными женщинами, отбывающими наказание в ФКУ ИК-5 УФСИН России по Московской области (женская исправительная колония, г. Можайск).

Таблица 11

Ответ на вопрос: «Получаете ли вы в рамках обучения знания, навыки, умения, необходимые для ведения предпринимательской деятельности?»* (в %, от числа ответивших)

	Мужчины n=200
Расчетливость (умение адекватно оценивать риски)	34
Умение быстро осваивать новый вид деятельности	33
Долгосрочное личное финансовое планирование	27
Предприимчивость (действовать в быстро меняющихся неопределенных условиях)	24
Экономические знания	19
Деловитость (способность рационально воплощать в жизнь собственную трудовую деятельность)	14
Приобретать полезные связи	12
Коммуникабельность	8
Бережливость	7
Самостоятельность, потребность в независимости	–

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов.

Далее мы приводим некоторые высказывания об образовании и планах на будущее осужденных мужчин, отбывающих наказание на территории Ярославской области.

Юра, 24 года:

До лишения свободы я жил в Подольске и планировал пойти служить в армию. Однажды друзья предложили мне попробовать «крокодила» (дезоморфин). Я периодически стал употреблять. Мне хотелось иметь много денег, и я решил, что их можно заработать на продаже «травки» и «крокодила». За сбыт наркотиков мне назначили наказание 7 лет лишения свободы. В учебно-консультационном пункте ИК я получил рабочую специальность. В настоящее время получаю высшее образование в университете «Синергия» (дистанционно). Вообще я доволен, у меня в Подольске была одноклассница, с которой даже после того, как меня осудили, мы не прекращали общаться. Полгода назад мы зарегистрировали брак, ее родители не были

против нашего союза. Теперь она ждет моего освобождения. В итоге за время отбывания наказания я получил рабочую специальность, скоро получу высшее образование, а главное, уже находясь в колонии, я женился на девушке из моего города.

Здесь мы видим, что Юра благодаря систематическому обучению смог повысить самооценку.

Алексей, 31 год:

Я уже ранее отбывал наказание в этой колонии (ИК-8). И тогда я учился на электромонтера. Два года я был на свободе. Но совершил кражу. Сейчас меня осудили на 5 лет, и я хотел бы получить навыки повара, но мне сказали, что это нецелевое расходование средств. Раз я уже обучался за счет государства и получил специальность электромонтера, то уже не имею права бесплатно учиться на повара в этой колонии. Я очень расстроился по этому поводу.

В данной ситуации Алексей рассматривает получение новой специаль-

ности как дополнительную гарантию профессиональной востребованности.

Александр, 28 лет:

Пока я был в карантине, мне сотрудники УФСИН предложили работать и учиться на станочника деревообрабатывающих станков. Но те, кто уже давно отбывает в колонии наказание (они сидят отдельно от нас через стенку, постоянно перестукиваются и т. п.), настоятельно рекомендуют не учиться и не работать. И вообще никак не взаимодействовать с администрацией колонии. Я все-таки решил, чтобы получить УДО (условно-досрочное освобождение), работать, хотя здесь и есть свои минусы, так как, если я буду работать, у меня будут из заработной платы производить удержания для возмещения расходов по моему содержанию. Учиться мне лень.

Здесь мы видим, что Александр планирует работать только по причине возможного получения УДО в будущем. Учеба как один из возможных социальных лифтов его вообще не интересует.

Далее мы приводим некоторые высказывания из биографических интервью учителей, работающих в ФКОУ вечерней (сменной) общеобразовательной школе № 1 УФСИН России по Московской области, расположенной на территории Можайской воспитательной колонии.

Учитель (женщина):

Однажды мне позвонил бывший воспитанник и попросил рассказать, как ему самому приготовить есть. Саша сказал, что он купил кока-колу и чипсы. Я стою и плачу, мне его так жалко. Я подсказала ему, что необходимо сделать, чтобы приготовить ужин. Вроде, и среднее образование Саше дали, и в профессиональном училище он приобрел специальность. И по освобождению

работает и деньги зарабатывает, но в целом остался несоциализированным. Очень жаль».

Учитель (женщина):

Обучение ведется по программам общеобразовательных школ. В школе 11 классов. Аттестат об окончании школы ничем не отличается от аттестата любой российской школы. Планируется, что у нас, как в колониях в Швейцарии, будут отбывать наказание до 25 лет. В настоящее время воспитанники отбывают наказание до 19 лет, затем, если срок еще не закончился, они отбывают остальной срок в колонии для взрослых. Считаю, что воспитанники весь срок должны отбывать в воспитательной колонии, так легче их социализировать.

Представляем мнение позиционных экспертов. Позиционные эксперты пояснили, что осужденным выгодно обучаться в университете «Синергия» (дистанционно), так как заключается трехсторонний договор. Одной стороной договора выступает осужденный, второй – администрация колонии, третьей – университет «Синергия». Согласно условиям договора администрация колонии обязана предоставить осужденному возможности для обучения, в первую очередь – кабинет для дистанционных занятий. А это значит, что за нарушения осужденного нельзя направлять в ПКТ (помещение камерного типа) или ШИЗО (штрафной изолятор), поскольку тогда он не сможет дистанционно обучаться. Администрации колонии тоже выгодно, когда осужденный изъявляет желание обучаться, так как он встает на путь исправления, отказывается от тюремных понятий и законов, которые запрещают учиться и работать в колонии. Очевидно, чем больше осужденный будет учиться и(или) работать, тем меньше он будет вовлекаться в кри-

минальную субкультуру. Соответственно, тем успешнее будет проходить ресоциализация осужденных.

Повышение образовательного и культурного уровня осужденных – очень сложная задача, при решении которой, как показывает наше исследование, учителя сталкиваются с множеством проблем. В их числе возраст осужденных, разный уровень их социальной, культурной и экономической подготовки. В некоторых колониях Ярославской области отбывают наказание до 700 граждан из Таджикистана (отметим, что в каждой колонии содержится около 1 200 осужденных) – в основном за сбыт наркотиков, многие из них не умеют грамотно писать и читать по-русски.

По мнению позиционных экспертов, большинство обучающихся в вечерних (сменных) общеобразовательных школах при исправительных колониях хотя и не могут освоить образовательную программу, поскольку их знания не соответствуют уровню младших классов школы. Очень немного среди осужденных тех, кто действительно хочет и может учиться.

По данным судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации, в 2017 г. в местах лишения свободы отбывали наказание 697 497 человек – 603 320 мужчин и 94 177 женщин. В 2017 г. было осуждено 231 754 человека, которые ранее были осуждены (либо имели неснятую или непогашенную судимость). Благодаря усилиям служб (центров) занятости ежегодно устраиваются на работу в зависимости

от субъекта Федерации от 1 до 450 человек. В основном в центры занятости отбывшие уголовное наказание обращаются за пособием и профессиональным обучением.

По данным позиционных экспертов, 50 % освободившихся из МЛС все-таки трудоустраиваются на работу благодаря помощи родных, друзей и знакомых, но большинство из них теряют работу в первый же год.

Выводы и рекомендации

Результаты социологического исследования подтверждают все авторские гипотезы: с целью профилактики повторной преступности и создания условий для успешной ресоциализации осужденных необходимо

- расширить перечень получаемых профессий в исправительных учреждениях в соответствии с потребностями отраслевой и профессиональной структуры российской занятости, для чего необходимо предусмотреть дополнительное финансирование;

- реализовывать регулярные образовательные программы по развитию жизненных навыков (в том числе – предпринимательской деятельности);

- учителям периодически повышать квалификацию по совершенствованию навыков работы со взрослыми (программа «Основы андрагогики»);

- целенаправленно и систематически осуществлять социологические исследования с целью изучения потребностей, интересов, ценностей осужденных.

Библиографический список

1. Герд, А. Я. Избранные педагогические труды / под ред. Б. Е. Райкова. – М. : АПН РСФСР, 1953. – 208 с.
2. Коряковцева, О. А., Тарханова, И. Ю., Доссэ, Т. Г. Тьюторское сопровождение взрослых обучающихся: возможности и перспективы // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 100-103.

3. Рекомендация № R(89)12 Комитета Министров Государств-Членов по Образованию в Тюрмах Совета Европы. Принята Комитетом Министров 13 октября 1989 года на 429-й встрече заместителей министров.

4. Ровинский, П. А. Санкт-Петербургская земледельческая колония // Журнал гражданского и уголовного права. – 1877. – С. 155-220.

5. Тарханова, И. Ю., Бугайчук, Т. В., Коряковцева, О. А., Куликов, А. Ю. Концепция социализации взрослых средствами дополнительного профессионального образования // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 131-135.

6. Bjerregaard, B., Cochran, J. K. Want amid plenty: Developing and testing a cross-national measure of anomie // International journal of conflict and violence. – Vol. 2, No. 2. – 2008. – P. 182-193.

7. Burkatzki, E. Is the market eroding moral norms? A micro-analytical validation of some ideas of anomie theory // International journal of conflict and violence. – 2008. – Vol. 2, No. 2. – P. 268-287.

8. Messner, S. F., Thome, H., Rosenfeld R. Institutions, anomie, and violent crime: clarifying and elaborating institutional-anomie theory // International journal of conflict and violence. – 2008. – Vol. 2, № 2. – P. 163-181.

References

1. Gerd, A. Ya. Izbrannye pedagogicheskie trudy / Pod red. B. E. Rajkova. – M. : APN RSFSR, 1953. – 208 s.

2. Koryakovceva, O. A., Tarhanova, I. Yu., Dosseh, T. G. T'yutorskoe soprovozhdenie vzroslykh obuchayushchihsya: vozmozhnosti i perspektivy // Yaroslavskij pedagogicheskiy vestnik. – 2015. – № 5. – S. 100-103.

3. Rekomendaciya № R(89)12 Komiteta Ministrov Gosudarstv-Chlenov po Obrazovaniiyu v Tyur'mah Soveta Evropy. Prinyata Komitetom Ministrov 13 oktyabrya 1989 goda na 429-j vstreche zamestitelej ministrov.

4. Rovinskij, P. A. Sankt-Peterburgskaya zemledel'cheskaya koloniya // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava. – 1877. – S. 155-220.

5. Tarhanova, I. Yu., Bugajchuk, T. V., Koryakovceva, O. A., Kulikov, A. Yu. Konceptsiya socializacii vzroslykh sredstvami dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya // Yaroslavskij pedagogicheskiy vestnik. – 2016. – № 1. – S. 131-135.

6. Bjerregaard, B., Cochran, J. K. Want amid plenty: Developing and testing a cross-national measure of anomie // International journal of conflict and violence. – Vol. 2, № 2. – 2008. – P. 182-193.

7. Burkatzki, E. Is the market eroding moral norms? A micro-analytical validation of some ideas of anomie theory // International journal of conflict and violence. – 2008. – Vol. 2, № 2. – P. 268-287.

8. Messner, S. F., Thome, H., Rosenfeld R. Institutions, anomie, and violent crime: clarifying and elaborating institutional-anomie theory // International journal of conflict and violence. – 2008. – Vol. 2, № 2. – P. 163-181.

И. Ю. Тарханова <https://orcid.org/0000-0002-7166-650X>

Формирование универсальных компетенций студентов вуза средствами учебной и производственной практики

Аннотация. Универсальные компетенции являются одной из инноваций модернизированного Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования, единых (по уровням образования) для всех областей образования. Универсальные компетенции – значимый инструмент унификации образовательных результатов и обеспечения преемственности уровней высшего образования и отражают ожидания современного общества в части социально-личностного позиционирования в нем выпускника образовательной программы высшего образования соответствующего уровня и его потенциальной готовности к самореализации и саморазвитию. Само понятие «универсальные» предполагает, что компетенции присутствуют во всех модулях образовательной программы и в различных видах деятельности. Это влечет за собой необходимость формирования универсальных компетенций средствами различных видов деятельности: учебной, внеучебной, квазипрофессиональной. Данная статья посвящена оценке возможностей учебных и производственных практик для формирования универсальных компетенций студентов вузов.

Ключевые слова: высшее образование, универсальные компетенции, образовательный результат, производственная практика.

I. Y. Tarkhanova

Formation of universal competences of university students by means of educational and industrial practice

Abstract. Universal competencies are one of the innovations of the modernized Federal state educational standard of higher education, unified (by levels of education) for all areas of education. Universal competencies are an important tool for unification of educational results and ensuring the continuity of higher education levels and reflect the expectations of modern society in terms of social and personal positioning in it of the graduate of the educational program of higher education of the appropriate level and its potential readiness for self-realization and self-development. The concept of universal implies that they are present in all modules of the educational program and in various activities. This entails the need for the formation of universal competencies by means of various activities: educational, extracurricular, quasi-professional. This article is devoted to the assessment of the possibilities of educational and industrial practices for the formation of universal competencies of university students.

Keywords: higher education, universal competences, educational result, industrial practice.

Долгое время считалось, что успех в профессиональной деятельности зависит от уровня профессиональных знаний, умений и навыков работника. Современный мир, по сути, сформулировал одно из ключевых своих правил: чтобы быть успешным специалистом, недостаточно лишь глубоких знаний и трудового опыта, нужно что-то еще... Что же именно? Опрос работодателей показал, что чрезвычайно важными сегодня являются способность устанавливать продуктивные отношения, умение работать в команде, слушать и понимать собеседника, лидерство, способность к мотивированию других, разрешение конфликтных ситуаций и т. д. [13]. Все это в современной дидактике высшего образования получило название «универсальные компетенции», то есть компетенции надпрофессиональные, необходимые для любого вида профессиональной (и не только профессиональной) деятельности.

Современные нормативно-правовые документы трактуют компетенции как комплексные характеристики готовности выпускника применять полученные знания, умения и личностные качества в стандартных и изменяющихся ситуациях профессиональной деятельности, а в стандартах высшего образования выделяются следующие категории универсальных компетенций: системное и критическое мышление, разработка и реализация проектов, командная работа и лидерство, коммуникация, межкультурное взаимодействие, самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение) [11]. Именно незрелость универсальных компетенций зачастую приводит к тому, что достаточно успешные в учебной деятельности выпускники вузов, обладающие специальными знаниями, умениями и навыками, не

способны преодолеть этап профессиональной адаптации и просто уходят из профессии.

Итак, универсальные компетенции – основа успеха будущего профессионала. Но как их формировать? Поиску ответа на этот вопрос посвящено масштабное исследование, проведенное в 2018 г. Ярославским государственным педагогическим университетом при участии представителей ведущих вузов страны, поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, под патронатом ФУМО ВО «Образование и педагогические науки» и при личном участии его председателя – члена-корреспондента РАО, доктора педагогических наук, профессора Елены Ивановны Казаковой [5, 7, 9].

В процессе исследования и проектирования средств оценки и формирования универсальных компетенций мы исходили из концепции психологической системы деятельности В. Д. Шадрикова [12], определяя компетенции в соответствии со следующими функциональными блоками системы деятельности: мотивы деятельности, цели деятельности, программа деятельности, информационная основа деятельности, принятие решений, контроль и коррекция результатов деятельности, подсистема деятельностно важных качеств. Мы рассматриваем процесс формирования компетенций как единую целостную систему, в которой каждая компетенция как подсистема имеет свое содержание. При этом сущностно-содержательную основу любой универсальной компетенции как целостной системы составляет интеграция ценностно-смыслового, интегративно-когнитивного, предметно-деятельностного и социального компонентов.

По мнению большинства исследователей, универсальные компетенции имеют надпредметный характер, поэтому их формирование осуществляется в рамках различных форм организации образовательного процесса независимо от конкретной учебной дисциплины образовательной программы на протяжении всего периода обучения [1, 2, 3]. Учитывая, что природа УК деятельностная, а не знаниевая, на первое место в образовательном процессе высшей школы выходит не информирование обучающегося, а формирование умений разрешать проблемы, возникающие в ситуациях познания и объяснения явлений действительности, освоение современной техники и технологий, включение в ситуации профессионального и надпрофессионального взаимодействия [6].

Таким образом, универсальные компетенции формируются не в виде «преподавания» на предметно-содержательном уровне, а за счет их систематического интегрирования в целостный образовательный процесс через содержание, технологии и средовые факторы.

Можно назвать следующие принципиальные моменты при разработке образовательных программ, ориентированных на интегрированный образовательный результат:

- Несмотря на очевидную надпрофессиональность универсальных компетенций, стержнем их формирования является профессиональный контекст ОПОП.

- Неразрывность и сквозной характер процесса формирования УК, ОПК и ПК.

- Формирование УК не только в ходе освоения предметного содержания дисциплин, но и во внеурочной дея-

тельности, в ходе производственных практик и научно-исследовательской работы.

- Для оценки сформированности УК используются многостадийные полидисциплинарные измерители [6].

Новое поколение федеральных государственных стандартов основано на идеологии формирования содержания образования «от результата», а их системообразующим компонентом становятся характеристики профессиональной деятельности выпускников, зафиксированные в требованиях соответствующих профессиональных стандартов [10]. Сегодня на практике превалирует дисциплинарный принцип отбора содержания образования, предполагающий отбор содержания изучаемых модулей и учебных дисциплин с учетом не структуры будущей профессиональной деятельности специалиста, а логики содержания компетенции, отражающей логику соответствующей науки.

В первую очередь, это касается именно универсальных компетенций, формирование которых чаще всего относится к освоению базовых гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин. Преподаватели указанных дисциплин не видят возможностей формирования профессиональных компетенций обучающихся в рамках своих предметов. Это приводит к нарушению целостности восприятия будущими специалистами своей учебной и профессиональной деятельности. Они начинают воспринимать общие дисциплины как ненужные для будущей работы, что приводит к снижению мотивации их изучения и уменьшению управляемости процессом обучения.

Исходя из анализа формулировок, универсальные компетенции предполагают не столько обладание знаниями,

умениями и навыками, сколько мета-предметные результаты, выходящие за рамки учебного процесса и обеспечивающие готовность студента продуктивно действовать в различных жизненных и профессиональных ситуациях.

В контексте формирования УК образование в вузе должно соответствовать ряду требований:

- реализовывать деятельностный подход и обеспечивать субъектную позицию студента;
- создавать условия для социально-коммуникативного взаимодействия ее субъектов;
- предусматривать возможность обучения в ситуациях неопределенности;
- обеспечивать возможность для проведения самооценки и рефлексии;
- решать задачи подготовки выпускников к дальнейшей реализации себя не только в профессиональной, но и в более широкой социальной деятельности.

Приобрести универсальные компетенции только в процессе учебной деятельности невозможно. Для этого должны быть созданы специальные условия, которые побуждали бы обучающихся к целенаправленному формированию компонентов компетенций и их совершенствованию [4, 14, 15]. Решение данной задачи оптимально обеспечивается в ходе учебной и производственной практики. Практика как форма профессиональной подготовки студентов, обучающихся по программам различного уровня, является обязательной частью ФГОС ВО, ее прохождение обязательно для всех студентов, обучающихся по

программам высшего образования. Целью практики является не только формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, но и (на их основе) овладение видами профессиональной деятельности на уровне, соответствующем квалификации «бакалавр», «специалист» и «магистр» [8].

Учебная и производственная практика способствует установлению и укреплению связи теоретических знаний с практическими ситуациями их применения; развитию профессионально значимых личностных качеств обучающихся в ходе реальных ситуаций производственной деятельности; созданию условий для развития у обучающихся способностей самостоятельно планировать ход решения профессиональных задач, определять условия и ограничения применения способов их решения; формированию у студентов творческого и исследовательского подходов к профессиональной деятельности; развитию навыков анализа, обобщения, интерпретации и оценки своего опыта.

В ходе производственной практики, как вида образовательной деятельности акцент смещается с факторов процесса обучения на образовательные результаты – способность к профессиональной деятельности, проектирование, программирование развития, оцениваемые с позиции успешности дальнейшей профессиональной карьеры и востребованности выпускника рынком труда. В таблице 1 представлены возможности формирования универсальных компетенций в ходе практик.

Таблица 1

Возможности формирования универсальных компетенций в ходе учебной и производственной практики

Наименование категории (группы) универсальных компетенций	Возможности приобретения опыта в ходе учебной и производственной практики
Системное и критическое мышление	<ul style="list-style-type: none"> – Опыт анализа профессиональных задач, составления и реализации плана их решения. – Опыт поиска и оценки информации, необходимой для решения профессиональных задач. – Опыт самооценки успешности решения профессиональных задач
Разработка и реализация проектов	<ul style="list-style-type: none"> – Опыт участия в реальных профессиональных проектах в рамках заданной роли. – Опыт работы в рамках зоны своей ответственности с учетом имеющихся ресурсов и ограничений, действующих правовых норм. – Опыт составления проектной документации. – Опыт презентации результатов своей деятельности
Командная работа и лидерство	<ul style="list-style-type: none"> – Опыт реализации различных ролей в командной работе. – Опыт учета интересов и потребностей других участников профессиональной деятельности. – Опыт анализа последствий своего поведения в профессиональных интеракциях. – Опыт соблюдения норм корпоративной этики
Коммуникация	<ul style="list-style-type: none"> – Опыт выбора и апробации стиля делового общения. – Опыт аргументации и отстаивания своей точки зрения. – Опыт работы с профессиональными текстами. – Опыт ведения деловой переписки. – Опыт публичного выступления
Межкультурное взаимодействие	<ul style="list-style-type: none"> – Опыт взаимодействия с представителями различных социальных и культурных групп. – Опыт адаптации правил взаимодействия применительно к контексту общения в профессиональной сфере. – Опыт учета индивидуально-психологических особенностей партнеров по профессиональному взаимодействию
Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)	<ul style="list-style-type: none"> – Опыт управления временем при решении профессиональных задач. – Опыт определения приоритетов в решении профессиональных задач. – Опыт анализа требований рынка труда и соотнесения с ними своих возможностей и перспектив. – Опыт планирования физической нагрузки в ходе выполнения профессиональных задач. – Опыт применения здоровьесберегающих технологий профессиональной деятельности
Безопасность жизнедеятельности	<ul style="list-style-type: none"> – Опыт практического выполнения правил техники безопасности в условиях реальной профессиональной деятельности. – Опыт разъяснения данных правил другим участникам профессиональной деятельности

Таким образом, можно не только сформулировать цель производственной практики в вузе через призму формирования профессиональных компетенций студентов, но и включить в нее аспект формирования универсальных компетенций. Исходя из модернизированной таким образом цели, можно определить следующие основные задачи практик:

– установление и укрепление связи теоретических знаний, полученных студентами при изучении базовых и профессиональных дисциплин, с практической деятельностью;

– совершенствование личностных профессионально важных качеств будущего работника в условиях квази-профессиональной деятельности;

– освоение современных производственных технологий;

– формирование у студентов творческого и исследовательского подходов к профессиональной деятельности;

– развитие навыков анализа, обобщения, интерпретации и оценки своего профессионального опыта.

Уровень бакалавриата является центральным в многоступенчатой системе образования. Программы производственной практики бакалавров балансируют между компонентами общей подготовки и специальными знаниями, при этом упор делается на универсальных умениях и формировании навыков самостоятельного обучения. При разработке программ практики для бакалавров акцент смещается с факторов процесса обучения на образовательные результаты: мотивация к профессиональной деятельности, проектирование, программирование своего профессионального развития, оцениваемые с позиции успешности дальнейшей профессио-

нальной карьеры и востребованности выпускника рынком труда.

Что касается уровня магистратуры, то программы практики здесь чаще всего ориентированы на повышение уровня самостоятельности в реализации универсальных компетенций (ранее – уровень «с помощью методического руководителя», здесь – на уровень «самостоятельно»). Внутренняя мотивация деятельности на этом этапе образования преобразуется в понимание студентом личностного смысла и значения профессиональной деятельности, а также в мотивационную готовность к самостоятельному ее осуществлению. Высокий уровень готовности к самостоятельной профессиональной и научно-исследовательской деятельности в процессе получения необходимых знаний конкретизируется на данной ступени образования в умении осуществить самостоятельный выбор темы исследования с учетом собственных научных и профессиональных интересов, в самостоятельном поиске необходимой информации.

Подводя итог, отметим, что универсальные компетенции являются важным средством подготовки инновационных кадров для инновационной экономики. Спроектировав сквозную, комплексную и вариативную систему формирования универсальных компетенций с привлечением всех средств университетской среды, мы значительно увеличиваем вероятность подготовки кадров, способных внедрять новые технологические решения, управлять проектами, креативных, умеющих системно и критически мыслить, готовых к командной работе и, таким образом, повышаем экономическую эффективность системы высшего образования.

Библиографический список

1. Белкина, В. В. Концепт универсальных компетенций высшего образования / В. В. Белкина, Т. В. Макеева // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 5. – С. 117-126.
2. Бодункова, А. Г. Формирование надпрофессиональных компетенций: проблемы и технологии современного образования / А. Г. Бодункова, И. П. Черная // Actual problems of the humanities Vienna. – 2015. – С. 26-36.
3. Бородин, Т. С. Реализация компетентного подхода в высшем профессиональном образовании посредством интеграции учебной и научно-исследовательской деятельности студентов // Грани познания: Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. – 2012. – № 5 (19). – С. 38-41.
4. Двенадцать решений для нового образования: доклад центра стратегических разработок и высшей школы экономики. – М., апрель 2018. – с. 13 [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/proekty%20doc/ED_Print.pdf. (дата обращения: 28.04.2018).
5. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета : коллективная монография / под науч. ред. д. п. н. И. Ю. Тархановой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – 383 с.
6. Казакова, Е. И. Об измерении сформированности универсальных компетенций студентов вузов / Е. И. Казакова, И. Ю. Тарханова // Педагогика. – 2018. – № 9. – С. 79-83.
7. Кейсы для оценки сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ высшего образования (программ бакалавриата, специалитета, магистратуры) / коллектив авторов ; под общ. ред. И. Ю. Тархановой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – 219 с.
8. Ледовская, Т. В. Совершенствование организации практики студентов психолого-педагогического направления на основе требований ФГОС // Проблемы современного педагогического образования. – 2018, Ялта. – № 59-2. – С. 166-170.
9. Методические рекомендации по формированию и оценке универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ высшего образования (программ бакалавриата, специалитета, магистратуры) / составители И. Ю. Тарханова, И. Г. Харисова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – 92 с.
10. Пилипенко, С. А. Сопряжение ФГОС и профессиональных стандартов: выявленные проблемы, возможные подходы, рекомендации по актуализации / С. А. Пилипенко, А. А. Жидков, Е. В. Караваева, А. В. Серова // Высшее образование в России. – 2016. – № 6. – С. 5-15.
11. Саввина, Н. В. Формирование универсальных компетенций будущих магистров педагогики / Н. В. Саввина, А. А. Хомкина // Реализация образовательных программ профессионального образования в условиях стандартизации: проблемы, поиски, решения : сборник материалов IV Всероссийского профессионально-образовательного форума. – 2018. – С. 237-243.
12. Шадриков, В. Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентный подход // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 8. – С. 26-31.

13. Gruzdev, M., Kasakova, E., Kuznetsova, I., Tarkhanova, I. University graduates' soft skills: the employers' opinion // European journal of contemporary education. – 2018. – 7(4). – P. 690-698.

14. The future of education and skills // [https://www.oecd.org/education/2030/E2030 %20Position%20Paper%20\(05.04.2018\).pdf](https://www.oecd.org/education/2030/E2030%20Position%20Paper%20(05.04.2018).pdf) (дата обращения: 20.08.2018).

15. Zhao, M., Javed, F., Jacob, F., McNair, M. Skill: a system for skill identification and normalization // Proceedings of the National conference on artificial intelligence «Proceedings of the 29th AAAI conference on artificial intelligence, AAAI 2015 and the 27th innovative applications of artificial intelligence conference, IAAI 2015» 2015. P. 4012-4017.

References

1. Belkina, V. V. Koncept universal'nyh kompetencij vysshego obrazovaniya / V. V. Belkina, T. V. Makeeva // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2018. – № 5. – S. 117-126.

2. Bodunkova, A. G. Formirovanie nadprofessional'nyh kompetencij: problemy i tekhnologii sovremennogo obrazovaniya / A. G. Bodunkova, I. P. Chernaya // Actual problems of the humanities Vienna. – 2015. – S. 26-36.

3. Borodina, T. S. Realizaciya kompetentnostnogo podhoda v vysshem professional'nom obrazovanii posredstvom integracii uchebnoj i nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti studentov // Grani poznaniya: Ehlektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU. – 2012. – № 5 (19). – S. 38-41.

4. Dvenadcat' reshenij dlya novogo obrazovaniya: doklad centra strategicheskikh razrabotok i vysshej shkoly ehkonomiki. – M., aprel' 2018. – s. 13. [Ehlektronnyj resurs]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/proekty%20doc/ED_Print.pdf. (data obrashcheniya: 28.04.2018).

5. Izmerenie i ocenka sformirovannosti universal'nyh kompetencij obuchayushchihsya pri osvoenii obrazovatel'nyh programm bakalavriata, magistratury, specialiteta : kollektivnaya monografiya / pod .nauch. red. d. p. n. I. Yu. Tarhanovoj – Yaroslavl': RIO YAGPU, 2018. – 383 s.

6. Kazakova, E. I. Ob izmerenii sformirovannosti universal'nyh kompetencij studentov vuzov / Kazakova E. I., Tarhanova I. Yu. // Pedagogika. – 2018. – № 9. – S. 79-83.

7. Kejsy dlya ocenki sformirovannosti universal'nyh kompetencij obuchayushchihsya pri osvoenii obrazovatel'nyh programm vysshego obrazovaniya (programm bakalavriata, specialiteta, magistratury) / kollektiv avtorov pod obshch. red. I. Yu. Tarhanovoj. – Yaroslavl' : RIO YAGPU, 2018. – 219 s.

8. Ledovskaya, T. V. Sovershenstvovanie organizacii praktiki studentov psihologo-pedagogicheskogo napravleniya na osnove trebovanij FGOS // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2018, Yalta. – № 59-2. – S. 166-170.

9. Metodicheskie rekomendacii po formirovaniyu i ocenke universal'nyh kompetencij obuchayushchihsya pri osvoenii obrazovatel'nyh programm vysshego obrazovaniya (programm bakalavriata, specialiteta, magistratury) / sostaviteli I. Yu. Tarhanova, I. G. Harisova. – Yaroslavl' : RIO YAGPU, 2018. – 92 s.

10. Pilipenko, S. A. Sopryazhenie FGOS i professional'nyh standartov: vyyavleniye problemy, vozmozhnyye podhody, rekomendacii po aktualizacii / S. A. Pilipenko,

A. A. Zhidkov, E. V. Karavaeva, A. V. Serova // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. – 2016. – № 6. – S. 5-15.

11. Savvina, N. V. Formirovanie universal'nyh kompetencij budushchih magistrov pedagogiki / N. V. Savvina, A. A. Homkina // *Realizaciya obrazovatel'nyh programm professional'nogo obrazovaniya v usloviyah standartizacii: problemy, poiski, resheniya sbornik materialov IV Vserossijskogo professional'no-obrazovatel'nogo foruma*. – 2018. – S. 237-243.

12. Shadrikov, V. D. Novaya model' specialista: innovacionnaya podgotovka i kompetentnostnyj podhod / V. D. Shadrikov // *Vysshee obrazovanie segodnya*. – 2004. – № 8. – S. 26-31.

13. Gruzdev, M., Kasakova, E., Kuznetsova, I., Tarkhanova, I. University graduates' soft skills: the employers' opinion // *European journal of contemporary education*. – 2018. – 7(4). – P. 690-698.

14. The future of education and skills // [https://www.oecd.org/education/2030/E2030 %20Position%20Paper%20\(05.04.2018\).pdf](https://www.oecd.org/education/2030/E2030%20Position%20Paper%20(05.04.2018).pdf) (дата обращения: 20.08.2018).

15. Zhao, M., Javed, F., Jacob, F., McNair, M. Skill: a system for skill identification and normalization // *Proceedings of the National conference on artificial intelligence «Proceedings of the 29th AAAI conference on artificial intelligence, AAAI 2015 and the 27th innovative applications of artificial intelligence conference, IAAI 2015» 2015*. P. 4012-4017.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батракова Людмила Георгиевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Березин Дмитрий Тимофеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: dimityr_rus_rub@rambler.ru

Бугайчук Татьяна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: mischenko@inbox.ru

Волкова Анна Владимировна – доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург. E-mail: av.volkova@rambler.ru

Епархина Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: gelaq@mail.ru

Захарова Жанна Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», г. Кострома. E-mail: janna_z@mail.ru

Коряковцева Ольга Алексеевна – доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: youth1@mail.ru

Опальский Александр Павлович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», профессор кафедры экономики Мурманского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Мурманск. E-mail: apo2004@mail.ru

Пефтиев Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: keu08@yandex.ru

Рощина Николай Викторович – кандидат экономических наук, доцент Ярославского высшего военного училища ПВО. E-mail: n.roshina@mail.ru.

Рощина Галина Овсеповна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой инклюзивного образования ГАУ ДПО Ярославской области «Институт развития образования». E-mail: roschina@iro.yar.ru

Тарханова Ирина Юрьевна – доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: tarhanova3000@mail.ru

Таланов Сергей Львович – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: talanov_sergei@mail.ru

Титова Людмила Григорьевна – доктор политических наук, профессор кафедры дополнительного и технологического образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: titovafspn@mail.ru

Титова Ольга Николаевна – ведущий специалист ФГАУ ДПО «Центр реализации государственной политики и информационных технологий», г. Москва. E-mail: kassiopey@mail.ru

Шишов Юрий Владимирович – заместитель начальника отдела Департамента защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии, г. Москва. E-mail: elbart65@gmail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Batrakova Ludmila Georgievna – Doctor of economical sciences, professor, head of department of economical theory and management of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Berezin Dmitrii Timofeevich – Candidate of technical sciences, associate Professor of economical theory and management department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: dimitry_rus_rub@rambler.ru

Bugaichuk Tatiyana Vladimirovna – Candidate of psychological sciences, associate professor of the general and social psychology department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: mischenko@inbox.ru

Eparkhina Olga Valerievna – Candidate of political sciences, associate professor of the political science and sociology department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: gelaq@mail.ru

Koryakovtseva Olga Alekseevna – Doctor of political sciences, director of the further professional education institution of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: youth1@mail.ru

Opalskiy Alexander Pavlovich – Doctor of economical sciences, professor, chief researcher of the Institute of the ministry of internal affairs of Russia, professor of the department of economics of the Murmansk branch of the Russian academy of national economy and public service, Murmansk. E-mail: apo2004@mail.ru

Peftiev Vladimir Iliich – Doctor of economical sciences, professor of the economical theory and management department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: keu08@yandex.ru

Roshchina Nikolay Viktorovich – Candidate of economical sciences, associate professor, Yaroslavl higher military school of air defense, Yaroslavl. E-mail: n.roshina@mail.ru

Roshchina Galina Ovsepovna – Candidate of pedagogical sciences, head of the department of inclusive education of GAU DPO of the Yaroslavl region «Education development Institute». E-mail: n.roshina@mail.ru

Tarkhanova Irina Yurievna – Doctor of pedagogical sciences, associate professor of the theory and methods of professional education department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: tarhanova3000@mail.ru

Talanov Sergei Lvovich – Candidate of social sciences, associate professor of political science and sociology department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: talanov_sergei@mail.ru

Titova Lyudmila Grigorievna – Doctor of political sciences, professor of additional and technological education department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: titovafspn@mail.ru

Titova Olga Nikolaevna – Leading specialist FGAIU DPO «Center of implementation of public policies and information technology», Moscow. E-mail: kassiopey@mail.ru

Volkova Anna Vladimirovna – doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg. E-mail: av.volkova@rambler.ru

Shishov Yuriy Vladimirovich – Deputy head of section, department for internal market defense, Eurasian economic commission, Moscow. E-mail: elbart65@gmail.ru

Zakharova Zanna Anatolevna – doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma. E-mail: janna_z@mail.ru

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 08-00-05 – Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика), 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образование, 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности, 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке)

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27-48]), Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу 7.1-2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь

ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % приветствуется. Во всех источниках должны быть проставлены: страницы, год выпуска, город и издательство.

5. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

6. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

7. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

8. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению ре-

дакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «SOCIO-POLITICAL RESEARCH»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

- 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;
- margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;
- font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

- surname, first name, patronymic name (if applicable);
- address with postcode;
- contact phone number;
- e-mail;
- scientific degree and status;
- job title;
- place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 210 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1-2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

– pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

– captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

– the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

– 2 copies of completed and signed author's contract.

– An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Social and political researches» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

2019 – № 1

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Компьютерная верстка – А. В. Давыдов, М. А. Кротова

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Объем 15,5 п. л., 8,1 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 69. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 29.03.2019

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44